

**Лариса Григорьевна Михайлова Колин Уилсон
Люциус Шепард Дэйл Бейли Брэдли Дентон
Фарли Моуэт Алексис де Токвиль Татьяна
Добрусина**

Сверхновая американская фантастика, 1995 № 01

Сверхновая американская фантастика (журнал) - 007

Fantasy & Science Fiction

СВЕРХ / 1995
НОВАЯ
американская фантастика

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ. Выходит с июля 1994 г.
Колонка редактора

Преображение

С Новым 1995 Годом вас, дорогие читатели «Сверхновой»!

С новым, как водится, счастьем. И нам тоже хочется начать заново. С чистого белого листа. Год у нас, в северном полушарии планеты Земля, начинается всегда с чистой белизны снежного покрова, из-под которого потом природа как неистощимый фокусник вынимает свои новые чудеса.

А в январском номере «Сверхновой», журнала новинок фантастики, герои рассказов «По направлению к Глори» Лусиуса Шепарда и «Грехоед с Кау-ривер» Брэдли Дентона, уже известного тем, кто видел наш четвертый номер 1994 года, испытывают удивительные преобразования, перерождаются — к добру ли, к худу, — но превращаются в существа, живущие более полнокровной жизнью, нежели их прежние воплощения. Мальчику из «Тронутого» Д. Бейли это до конца сделать не удастся — слишком враждебен застывший в холодном безразличии мир вокруг, слишком успел исказить он даже душу наделенного даром божьим ребенка.

Из прошлого года в новый переходят две наши продолжающиеся публикации — романа англичанина Колина Уилсона «Паразиты сознания» и глав книги французского аристократа Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», проникнутой удивительным даром предвидения тех проблем, на которых сейчас заикнулся мир.

В библиографическом разделе на этот раз — список произведений англоязычных фантастов, опубликованных в 1993 году в авторских сборниках и коллективных антологиях, что, мы надеемся, поможет локализовать некоторые рассказы и повести, о которых известно, что где-то было, а вот теперь будем знать — где.

Публикуем небольшой обзор первых пришедших в адрес редакции писем читателей и благодарим всех, кто нам написал. Поверьте, каждое письмо всесторонне обсуждается, заявки систематизируются. В общем, пишите, а если еще не присылали нам анкету, мы специально помещаем ее еще раз.

Из американских фантастов зиму больше прочих времен года любит Урсула Ле Гуин. В первую очередь за то, что, придя с холода в дом, можно согреться, обрадоваться живому теплу. К тому же снег — это действительно пятый первоэлемент материи, как писал канадский

писатель-эколог Фарли Моуэт, автор широко известных в нашей стране книг «Не кричи: „Волки!“ и «Год кита». Вездесущий и загадочный вестник космоса, он ложится ровной белой пеленой на усталые грязные улицы, на всю нашу неприглядную действительность и мягко баюкает новорожденный Новый год. А для людей в заснеженных домах зима — время более спокойных раздумий над бурными жизненными событиями.

Короче, предлагаем Вашему вниманию наш «белый» номер.

Лариса Михайлова

Проза

Колин Уилсон Паразиты сознания¹

На рассвете мы приземлились в Ле-Бурже. Конечно, можно было выбрать и более удобный плавучий аэродром на Елисейских Полях, но для этого пришлось бы запрашивать разрешения на посадку по радио, а это привлекло бы внимание журналистов. Вместо этого мы взяли в Ле-Бурже геликэб и через двадцать минут были в центре Парижа.

И вот нас пятеро, и мы почти неуязвимы, даже если кто-то опознает нас. Впятером мы можем воздвигнуть своеобразную стену вокруг себя и отразить внимание любого, кто нас увидит. Окружающие могли смотреть, но не могли *видеть*. Способность осознать увиденное находится за пределами чувственного восприятия (вы могли это заметить, и не раз: например, вы читаете, а ваши мысли рассеянно бродят где-то еще). Человек не фиксирует многие объекты из тех, что видит, если они не заслуживают его внимания. Так и нам приходилось «уворачиваться» от внимания зевак, чтобы не подпускать их к себе — это напоминает принцип намордника, который не позволяет собаке кусать прохожих. Можно считать, мы шли по Парижу словно невидимки.

Главную ставку мы делали на внезапность. Если паразиты следят за нами, то они могли предупредить Жоржа Рибо еще несколько часов назад, и тогда нам его ввек не найти. С другой стороны, они вчера понесли приличные потери и сегодня должны быть не слишком бдительными. На это-то мы и рассчитывали.

Чтобы выяснить, где сейчас Рибо, достаточно было просто заглянуть в газету — как-никак, он нынче знаменитость. Из номера «Пари Суар», оставленного кем-то, мы узнали, что Рибо с каким-то нервным расстройством помещен в клинику Кюрель на бульваре Гауссмана. Уж мы-то знали, что это за расстройство.

Дальнейшее требовало применения силы, хотя эта идея и была нам не по душе. Клиника оказалась чересчур мала, чтобы проникнуть в нее незамеченными. Однако в столь ранний час — пять утра вряд ли возле нее можно встретить много народу. Полусонный портье выглянул возмущенно из-за своей конторки и тут же попал в цепкие психокинетические объятия пятерых человек — мы зажали его так, как не удалось бы сделать руками.

¹ Продолжение. Начало см. № 5-6, 1994.

© Colin Wilson. Mind Parasites. © by the author, 1968.

Перевел С. Фролов

Ничего не понимая, он оторопело смотрел на нас. Флейшман вежливо спросил:

— Вы знаете, в какой палате находится Рибо?

Тот изумленно кивнул — пришлось немного ослабить тиски, чтобы он хоть что-то мог ответить.

— Отведите нас к нему, — сказал Флейшман.

Портье включил автоматический затвор двери и впустил нас. Тут же кинулась дежурная сестра:

— Куда это вы направились?

В следующую секунду она уже вела нас по коридорам. Мы поинтересовались, почему здесь нет репортеров.

Она ответила:

— Мсье Рибо дает пресс-конференцию в девять, — у нее хватило присутствия духа добавить, — я думаю, вам стоит подождать до ее начала.

Мы столкнулись с двумя ночными санитарами, но те решили, что наш визит обговорен заранее. Палата Рибо находилась на самом верхнем этаже — особо изолированная частная палата. Двери в этот сектор открывались при помощи специального кода. К счастью, портье знал его.

Флейшман спокойно обратился к сестре:

— Извините, мадам, придется вам пока побыть в этом холле, и не предпринимать попыток к бегству. Мы не причиним вреда вашему пациенту.

Последняя фраза была сказана для ее успокоения.

Райх отдернул занавеску. От шума Рибо проснулся. Он был небрит и выглядел ужасно, долго смотрел на нас отсутствующим взглядом, затем произнес:

— А-а, это вы, джентльмены. Я думал, вы позвоните.

Я попытался проникнуть в его мысли и ужаснулся: казалось, его разум был словно город, в котором истребили все население, а вместо него разместили тупых исполнительных солдафонов. Паразитов там уже не было, поскольку отсутствовала надобность в них. Видимо, Рибо сдался им без боя; они вторглись в его разум, захватили все центры формирования привычек, и затем, когда эти центры были уничтожены, Рибо сделался абсолютно беспомощным, любой поступок давался ему с огромным усилием. Очень многое мы совершаем в жизни благодаря системе привычек — дышим, едим, перевариваем пищу, читаем, отвечаем на вопросы окружающих. У некоторых — например, актеров — система привычек формируется их образом жизни. Чем профессиональней актер, тем больше он полагается на систему привычек и лишь в высшие моменты своего творчества действует посредством свободной воли. Уничтожить систему привычек человека — едва ли не страшнее, чем убить на его глазах жену и детей. По сути — жизнь становится невозможной, как если бы содрали кожу. Так паразиты и поступили с Рибо: разрушили старую систему привычек и заменили ее новой. Кое-что все же оставили: привычку дышать, говорить, манеры поведения это особенно важно, чтобы убедить окружающих в том, что он — прежний Рибо. Но главное было уничтожено, например, умение мыслить глубоко. Вместо этого ему вмонтировали совершенно новые взгляды. Мы теперь стали его «врагами» и ничего, кроме безграничного отвращения и ненависти, не вызывали. Такое отношение происходило как бы по его воле, но стоило бы ему выбрать другой подход к нам, как тут же вся система его привычек была бы уничтожена. Другими словами, сдавшись

паразитам, Рибо оставался «свободным человеком», у которого нет выбора. Его разум работал по их схеме, в противном случае — полная потеря осмысленности. Он был свободен как раб, к голове которого приставили пистолет.

Мы стояли вокруг его кровати и не чувствовали себя мстителями, наоборот — нас охватило чувство ужаса и жалости. С таким чувством смотрят не на человека, а на его изуродованный труп.

Слова были ни к чему. При помощи ПК-энергии мы удерживали его в кровати, а Флейшман в это время быстро анализировал содержимое его мозга. Трудно сказать, возможно ли восстановить в нем прежнего Рибо — все теперь зависело только от его собственных сил и мужества. А для этого ему придется сконцентрировать в себе огромную силу воли, гораздо большую, чем перед битвой с паразитами, в которой он потерпел поражение.

Времени на размышления не оставалось. Мы внушили ему, что нас стоит опасаться не меньше паразитов. Один за другим мы входили в сферы его сознания, которые контролируют механические рефлексy, чтобы изучить их комбинации (нетелепатам это объяснить трудно: дело в том, что контакт с окружающими основан на знании определенных комбинаций, которые выражаются в длине мыслительной волны. Зная ее, эту величину, можно контролировать мысли на расстоянии). Флейшман обращался с Рибо очень мягко, говорил, что мы по-прежнему друзья и знаем, что ему «промыли мозги» без его ведома. Ему лишь надо довериться нам, и мы освободим его от паразитов.

Потом мы ушли. Портье и сестры проводили нас до выхода. Мы поблагодарили их и вручили по доллару (в те годы доллары были всемирной валютой). Через час мы уже были на пути в Диярбакыр.

Мысленный контакт с Рибо позволял нам контролировать ситуацию после отъезда. Ни сестра, ни портье не могли взять в толк, как мы заставили их проводить нас в палату Рибо, им не верилось, что это произошло помимо их воли, поэтому никто не кричал нам вслед: «Держи! Хватай!» Когда сестра вернулась к Рибо, тот проснулся и выглядел как обычно, так что она решила ничего не говорить.

Когда мы приземлились в Диярбакыре, Райх заметил:

— Семь утра. Осталось два часа до его пресс-конференции. Будем надеяться, им не удастся его...

Но тут его прервал крик Флейшмана, который оставался на связи с Рибо:

— Они все узнали! Теперь на него давят в полную силу...

— Что мы можем сделать? — спросил я и попытался возобновить контакт с Рибо, но результата не было. Все равно, что жать на кнопки радиоприемника, который отключен от сети. Я спросил у Флейшмана:

— А ты еще слышишь его?

Он покачал головой. Все попробовали подключиться к Рибо, но тщетно.

Через час мы поняли, почему так вышло. В теленовостях объявили о самоубийстве Рибо — он выпрыгнул из окна своей палаты.

Что бы это значило: его поражение или нет? Никто не мог ответить. Самоубийство Рибо не позволило сказать ему правду на пресс-конференции, а с другой стороны — теперь не состоится его «признание». К тому же, он больше не сможет вредить нам. Хотя, если обнаружится, что мы навещали его в больнице, то нас вполне смогут обвинить в

убийстве...

Впрочем, никто так и не докопался до этого. Медсестра наверняка приняла нас за назойливых журналистов. Она видела после нашего ухода, что с Рибо все в порядке, поэтому о нашем визите ничего никому не сказала.

В 11 утра Райх и я созвали журналистов в большой зал, специально для этого арендованный. Флейшман, Райх и оба Грау стояли у дверей и внимательно изучали входящих. Как оказалось, не зря. Среди последних журналистов вошел грузный лысый человек, некто Килбрайд из «Вашингтон Икзэминер». Райх кивнул парням из охраны, те подошли к Килбрайду и спросили, не будет ли он возражать против обыска. Тот сразу же принялся яростно шуметь, протестовать, заявив, что это оскорбление. И тут он вдруг вырвался и бросился ко мне — рука его была во внутреннем кармане пиджака. Я напряг все свои ментальные силы и резко остановил его. Трое подоспевших охранников оттащили журналиста в сторону. У него обнаружили автоматический пистолет «вальтер» с шестью патронами в магазине и одним — в стволе. Килбрайд кричал, что он всегда носит оружие для самозащиты, однако все прекрасно видели, как он пытался застрелить меня. (Позже мы прозондировали его мозг и обнаружили: за день до этого паразиты овладели рассудком Килбрайда, когда тот был в стельку пьян — алкоголиком он был известным.)

Неожиданная диверсия подстегнула и без того напряженную атмосферу ожидания. Собралось около пятисот журналистов — даже все не поместились в зале. Пришлось остальным остаться на улице и следить за событиями по телетрансляции. Я встал на помост в окружении Рейха, Флейшмана и братьев Грау — их целью было просматривать зал на тот случай, если появится еще один убийца — и громко начал читать наше заявление:

«Сегодня мы хотим предупредить все человечество о страшной угрозе, нависшей над ним. В настоящий момент за нашей планетой следит бесчисленное количество пришельцев, цель которых — уничтожить человеческую расу или поработить ее.

Несколько месяцев назад, когда мы проводили первые археологические раскопки на Черной Горе в районе Каратепа, я и профессор Райх узнали о существовании враждебных сил. Мы поняли, что эти силы активно сопротивлялись нашим попыткам открыть тайну кургана. Тогда мы полагали, что имеем дело с психическим полем, которое создали жители тех мест для защиты своих захоронений. И я и Райх вполне допускаем такую гипотезу, кстати она объясняет и трудности, возникшие при первых раскопках гробницы Тутанхамона. Мы были готовы на риск нарушить заклятие древних, если оно исходило от них, и продолжали исследования.

Однако, за последние недели мы убедились в том, что столкнулись с куда более опасной вещью, чем проклятие. Теперь мы убеждены, что пробудили ото сна неведомые силы, некогда преобладавшие на Земле и которым суждено снова воцариться на ней. Эти силы опасней всех когда либо существовавших врагов человечества, потому что они невидимы и способны поражать непосредственно наш мозг. Они могут разрушить здравомыслие любого индивидуума, на которого нападают, могут склонить к самоубийству. Они также в состоянии подчинить себе определенных людей и использовать их в своих целях.

И все же мы уверены, что у человечества нет причины для паники. По сравнению с нами, их гораздо меньше, а главное — мы теперь знаем о них. Возможно, предстоит нелегкая битва, но я уверен в нашей победе.

Я не стану оглашать, насколько далеко мы продвинулись в изучении этих паразитов мозга...»

Я говорил еще более получаса, вкратце описал большинство событий, которые зафиксировал в этих записках, рассказал о том, как были уничтожены наши коллеги и о том, как нас предал Рибо. Затем я объяснил, каким образом человек, узнавший о существовании паразитов, может избавиться от них. Главное, подчеркнул я для собравшихся, эти силы пока не проявляли активности, их действия были слепы и инстинктивны. А еще очень важно — не поднимать панику. Многие люди ничего не в силах поделать с паразитами, поэтому лучше крепить их уверенность в грядущей победе. Последние пятнадцать минут своей речи я уделил самому оптимистическому пункту: теперь, когда человечество предупреждено, полный разгром паразитов — лишь дело времени.

В конце я согласился ответить на вопросы, но большинство репортеров уже рвалось к ближайшему телескрину, поэтому последняя часть программы завершилась очень быстро. Через два часа наша новость была на первой полосе всех газет в мире.

Честно говоря, на меня все это нагнало жуткую скуку. Вместо того чтобы взяться вплотную за изучение новых удивительных миров, нам приходилось убивать время на журналистов. Впрочем, как мы решили сообщать, это был лучший способ защитить себя. Если бы с нами что-то произошло, мир тотчас бы по-настоящему встревожился. Поэтому для паразитов было важнее дискредитировать нас — пусть все идет как обычно месяц-другой, может даже год, пока все не решат, что мы их надули, и не оставят нас в покое. Таким образом, своим заявлением мы купили время — в этом и был наш замысел. Нам в ту пору было невдомек, что паразиты могут обойти нас почти в каждой хитрости.

Впрочем, это вполне закономерно. Мы же не хотели тратить на них время. Представьте себе книголюба, только что получившего посылку с книгой, которую он искал всю жизнь, и стоило ему начать распечатывать пакет, как вдруг заявляется какой-то докучливый тип и заводит многочасовую беседу... Вполне вероятно, что паразиты представляют из себя величайшую угрозу миру, но для нас они были омерзительно скучны.

Люди привыкают к рамкам своей умственной деятельности, как привыкли наши предки 300 лет назад к неудобствам путешествия. Каково было бы Моцарту после недельной изматывающей дороги узнать, что в XXI веке люди будут тратить лишь четверть часа на то же самое расстояние. Вот и мы чувствовали себя, словно Моцарт, перескочивший в XXI век. Те путешествия в сознание, которые нам давались поначалу так трудно и болезненно, теперь могли быть проделаны в считанные минуты. Наконец, мы до конца поняли смысл высказывания Тейяра де Шардена о том, что человек стоит на грани новой фазы эволюции — мы-то уже вступили в эту фазу. Сознание представлялось какой-то девственной страной, наподобие земли обетованной у сынов Израиля. Осталось только заселить эту землю... и, разумеется, прогнать тех, кто ее сейчас оккупировал. Поэтому, несмотря на все тревоги и проблемы, в эти дни мы пребывали в состоянии безмятежного счастья.

У нас были две главные цели. Во-первых, найти новых «адептов», кто

бы помог в предстоящей битве. А во-вторых, найти способ превратить эту битву в наступление. До сих пор мы не могли опуститься на те глубины сознания, где обитали паразиты. Однако моя ночная схватка с ними показала, что можно обратиться за помощью к силам из более глубоких источников. Интересно, сможем ли мы приблизиться к ним вплотную и перенести битву в стан противника?

Я не слишком внимательно следил за мировой прессой. Неудивительно, что многие газеты отзывались о нас злобно и скептически. Венская «Уорлд Фри Пресс» открыто призывала посадить нас всех под арест до выяснения обстоятельств массового самоубийства ученых. Лондонская «Дейли Экспресс» напротив советовала отдать нас под защиту Военного Департамента ООН и обеспечить всеми средствами борьбы с паразитами, какие мы сочтем эффективными.

Однако одна статья нас обеспокоила всерьез. Ее опубликовал в «Берлинер Тагблат» Феликс Хэзард. Он вовсе был не склонен поднимать нас на смех, как мы ожидали, и во многом соглашался с «признанием» Рибо. Он даже вроде бы сам признавал, что миру грозит опасность со стороны этого нового врага. Но если этот враг способен «захватывать» человеческий рассудок, писал Хэзард, то где гарантия, что мы не стали рабами паразитов? Да, мы сделали заявление об их существовании, но это же ничего не доказывает. После признания Рибо мы просто были вынуждены сделать это заявление для самосохранения, чтобы избежать уголовного расследования... Тон статьи был не слишком серьезным, чувствовалось, что Хэзард слегка подтрунивает, однако нас это не веселило. Вне всякого сомнения, Хэзард — агент паразитов.

Среди прочих проблем оставалась еще одна. Репортерам по-прежнему не разрешалось посещать территорию Черной Горы, но они без труда могли получить информацию от рабочих и солдат, находившихся там. Это необходимо предотвратить. И мы с Райхом предложили группе репортеров съездить на объект, даже согласились на присутствие телевизионщиков с их аппаратурой. Однако до нашего приезда позаботились о соблюдении правил безопасности: не подпускать ни одного журналиста и близко к раскопкам.

В десять вечера нас ожидали 50 репортеров на двух транспортных вертолетах. На этих неуклюжих машинах мы добирались целый час до Каратепа. Вся территория раскопок была освещена прожекторами. За десять минут до нашей высадки на земле уже устанавливали переносные телекамеры.

Мы старались сделать наш план полностью «fullproof»². Журналистов планировалось доставить к месту, где находилась плита Абхота, почти поднятая на поверхность — там мы создадим при помощи ПК-энергии атмосферу подавленности и опасности. Потом выберем среди гостей наиболее нервных и восприимчивых и внушим им чувство паники. Вот почему мы не стали упоминать в интервью о наших ПК-возможностях. Они еще пригодятся, чтобы подложить свинью паразитам.

Однако о них-то мы и забыли. Перед самым приземлением я заметил, что во втором вертолете журналисты, кажется, запели. Странно. Может, здорово напились? Мы впятером сидели в другом вертолете и сразу после посадки почувствовали присутствие паразитов, но на этот раз они

2 foolproof — «защищен от дураков» — технический термин для надежной аппаратуры.

сменили тактику: вместо того чтобы высасывать энергию из жертв, они отдавали ее. Многие из прилетевших с нами были заядлыми пьяницами и, как большинство репортеров, интеллектом не блистали. Поэтому «подаренная» ментальная энергия вызвала у них эффект опьянения. Как только репортеры из нашего вертолета присоединились к «опьяневшим», они сразу прониклись духом попойки. Я услышал краем уха слова одного телекомментатора:

— Что-то эти ребята не слишком беспокоятся о паразитах. Похоже, они приняли все за розыгрыш.

Я сказал ответственному за программу, что у нас возможна небольшая задержка и поманил всех наших в домик старшины землекопов. Мы заперлись в нем и сосредоточились над тем, как выйти из возникшей ситуации. Нам легко удалось установить цепь между друг другом, теперь можно просмотреть, что творится в мозгах репортеров. Вначале ничего не было ясно — у нас ведь и опыта с такими случаями еще не было. Затем мы нащупали одного журналиста, у которого длина волны была сходной с Рибо. Мы поглубже залезли в его мозг. Вообще насчитывается около дюжины центров удовольствия — большинство связаны с сексом, эмоциями и социальным поведением. Есть также центр интеллектуального удовольствия и высокоинтеллектуальный центр, связанный с энергией самоконтроля и самообуздания. Выделяются также пять центров, которые у людей почти не развиты, они связаны с теми энергиями, что мы называем поэтическими, религиозными или мистическими.

Паразиты подпитывали в основном энергию эмоциональных и социальных центров этих людей, а довершило их работу то, что журналистов было 50 человек: сработал эффект «толпы» и подстегнул их удовольствие.

Мы сосредоточились на только что обследованном журналисте его перевозбужденные центры удалось без труда подавить, самого ввергли в депрессию, однако, стоило нам ослабить давление, все вернулось в прежнее состояние.

После этого попробовали в лоб атаковать паразитов: не вышло. Они находились вне пределов нашего влияния и, похоже, предпочитали оставаться там. Видимо, энергия, которую мы выплеснули в их сторону, была потрачена зря — эти твари просто дразнили нас.

Положение обострилось. Чтобы держать ситуацию под контролем, мы перешли только на ПК-энергию — придется работать вблизи журналистов.

Кто — то забарабанил в дверь:

— Эй, вы долго нас собираетесь тут мариновать?

Пришлось выйти и сказать, что мы готовы.

Я пошел впереди вместе с Райхом. За нами потянулись репортеры, хихикая на ходу, а на фоне всего этого постоянно слышался голос телекомментатора. Братья Грау и Флейшман, замыкавшие наше шествие, особенно взялись за телевизионщика, который несколько встревоженно болтал:

— Ну, вот, все выглядит вполне спокойно, но что-то я не очень-то этому верю. Сейчас, вечером, здесь ощущается какое-то странное напряжение...

Тут все репортеры расхохотались. Мы объединили свою волю, и внушили этим бездельникам чувство незащищенности и безотчетного

страха. Смех мгновенно оборвался. Я громко сказал:

— Не волнуйтесь. На такой глубине воздух не слишком чистый, но не ядовитый.

Туннель был высотой 7 футов, и упирался он в спуск под углом 20 градусов. Через сотню ярдов мы подошли к поезду вагонеток. На нем мы катились миль десять, из-за стука колес ничего не было слышно. Теперь уже не было нужды нагонять страху на наших гостей.

Туннель ввинчивался в гору наподобие штопора, иначе вход в него пришлось бы размещать вдали от Черной Горы, а значит — строить еще один лагерь, что вызвало бы лишние хлопоты с обеспечением безопасности. Всякий раз, когда вагончики кренились на очередном вираже, мы чувствовали, как от журналистов исходила волна тревоги, вдобавок, они здорово волновались из-за вибрации, которая могла разрушить туннель.

Почти полчаса мы спускались к Плите Абхота. И вот величественное зрелище предстало пред нами: гигантские темно-серые грани Плиты возвышались над нами словно скала.

Мы снова создали искусственную атмосферу подавленности. Лучше было бы, конечно, чтобы журналисты дали волю своему богатому воображению, а мы лишь стимулировали бы его легкой дозой страха. Однако паразиты подпитывали репортеров энергией, и нам следовало парализовать те участки мозга, что могли откликнуться на эту подпитку. Поэтому пришлось нагнать на них чувство страха и отвращения. Телекомментатору стало явно не по себе, он еле шептал в свой микрофон:

— Здесь так неприятно и душно. Наверное, это из-за недостатка свежего воздуха.

А потом началась атака паразитов. Они нападали не скопом, а по одному, по двое. Им явно хотелось измотать нас и разорвать нашу цепь. Как только мы ответили на их удары, атмосфера прояснилась, люди заметно повеселели. Дорого нам обошлась эта стычка: в малых количествах паразиты почти неуязвимы, не очень-то с ними повоюешь. Все равно, что биться с тенью. Конечно, проще не обращать на них внимания, но попробуйте не замечать злую дворнягу, которая кусает вас за икры.

И тут нас осенило — трудно сказать, кто догадался первым, ведь мы были слишком связаны друг с другом. Мы посмотрели на плиту Абхота и на потолок туннеля — их разделяло около 30 футов. Весу в плите было около 30 тысяч тонн. В Британском Музее братьям Грау удалось приподнять тридцатитонный камень. А что, если попробовать? Напустив еще одну волну страха на журналистов, мы стали сосредоточивать усилия в единую волю, чтобы поднять плиту.

Вначале это казалось почти столь же безнадежным делом, как и пытаться сдвинуть ее голыми руками. Потом братья подсказали, как следует действовать: не одновременно, а поочередно — сначала медленно, затем — с ускорением. Мы быстро разобрались и присоединились к ним. Все стало сразу до смешного легко. Той энергии, которую мы генерировали впятером, хватило бы поднять на две мили все породы под нами!

Плита плавно оторвалась от пола и поползла к потолку. Тут же замигали фонари, когда она задела силовой кабель. Что тут сделалось с журналистами! Пара идиотов бросились под плиту, или свалились в яму — мы сейчас же отвели ее в сторону, и все погрузилось во мрак: кабель

был оборван. Конец от него волочился по земле, кто-то споткнулся в темноте — и раздался истошный вопль. В воздухе тошнотворно запахло паленым мясом.

Главное — немедленно прекратить панику. Одному из наших пришлось выйти из связки и загнать корреспондентов в угол, чтобы беспрепятственно положить плиту на место. Это было непросто: мы же удерживали ее своей единой волей и образовывали, так сказать, параллельную цепь а не последовательную, так что держали ее поочередно.

В этот самый момент паразиты решили атаковать нас скопом — ведь именно сейчас мы были беспомощны. Все это было бы смешно, когда бы не было слишком опасно: одному человеку такая потеха уже стоила жизни.

И тут Райх спросил:

— А можем мы ее измельчить?

Мы даже не сообразили, что он имел в виду — в тот момент словно полчища теней нас обступили паразиты. Потом смысл сказанного дошел до нас; он прав — это был единственный выход. Если наших сил хватит, чтобы поднять тысячу таких плит, то неужели не хватит, чтобы разрушить всего одну? И мы рискнули — мысленно сжали плиту, пытаясь ее раскрошить.

Мы быстро меняли друг друга, возбуждение росло, и мы почти не замечали давления со стороны паразитов. И вот послышался скрежет, плита начала крошиться словно кусок мела в тисках. Через несколько секунд в воздухе висело лишь облако мельчайшей пыли, еще напоминавшее по форме плиту. В таком виде ее можно было загнать в туннель — что мы и сделали, — произошло это с такой скоростью, что нас самих едва не всосало внутрь, а в воздухе еще долго стояла пыль.

Как только плита исчезла, мы хлестнули всей накопленной силой по паразитам, будто избавляясь от докучливой блохи. И снова ошеломляющий результат: они не успели опомниться — наша энергия выжгла их словно огнем сухие листья. Только после этого Райх отключился от нас и, подобрав оторванный конец, срастил кабель. Вспыхнувшие прожекторы высветили картину полного хаоса. В результате катастрофы порвались «социальные связи» между людьми — каждый из них испытывал ужас и одиночество. В воздухе стояла черная пыль, от которой мы все задыхались. (Пришлось переждать, пока она не осядет). На силовом кабеле до сих пор лежал труп несчастного, который споткнулся в темноте — от тела шел тяжелый смрад. Лица у всех были черны как у шахтеров. Люди паниковали — им казалось, что они никогда теперь не увидят солнечного света.

Снова включившись в последовательную цепь, нам удалось потушить панику, мы велели журналистам построиться в два ряда и отправляться по вагончикам. Райх сосредоточился на трех телевизионщиках, чтобы те снова начали снимать (камеры у них на время вырубались). Остальные из нашей пятерки принялись очищать туннель от пыли — она медленно поднялась столбом до самого выхода и, свернувшись в жгут, вырвалась наружу, в небо — к счастью там наверху уже давно стояла ночь — и осела широко окрест.

Уже на поверхности мы поняли, что одержали значительную победу над паразитами лишь благодаря случаю. Конечно, они не собирались окончательно сдаваться и продолжали бомбардировать журналистов

энергией, едва те вышли из туннеля. На месте мы могли бы нейтрализовать их воздействие. Но когда паразиты рассосредоточатся, то уgomонить их будет не так просто. Да это уже и ни к чему.

Весь мир стал свидетелем того, как исчезла плита, а что напишут газетчики — уже не играло роли. Однако эти люди пережили искусственный разрыв социальных и эмоциональных связей, что непременно вызовет упадок сил, своего рода похмелье. Их не удастся слишком долго держать в полуотравленном состоянии. Пожалуй, энергетическая инъекция паразитов сослужит нам службу.

После полуночи мы ужинали впятером в специальной комнате, отведенной компанией для нас. С этого момента мы решили ни на минуту не расставаться. Да, мы сильны и поодиночке, но вместе наши силы приумножались в тысячи раз — сегодняшний вечер доказал это.

Мы не обольщались мыслью о собственной неуязвимости. Возможно, мы застрахованы от прямых атак, но всех окружающих паразиты могли использовать — вот что было реальной опасностью.

Утром мы просмотрели газеты и с трудом удержались, чтобы не поздравить самих себя с огромной победой. Поскольку, телетрансляцию смотрели почти все, весь земной шар стал свидетелем исчезновения плиты Абхота. Мы предполагали, что несколько газет все же заподозрят обман — в конце концов, сделанное нами было не более, чем хорошо поставленным трюком, — однако никто не усомнился. Было много истерических выпадов, но нас обвиняли лишь в тупости — за то, что мы не доглядели и выпустили на свободу «страшные силы». Все решили, что «Цатогуаны» — этот термин тут же прижился благодаря тому американскому специалисту по книгам Лавкрафта — разрушили плиту, чтобы не дать нам проникнуть в их тайны.

Журналистов больше всего ужаснуло следующее предположение: если Цатогуаны смогли раскрошить плиту весом в несколько тысяч тонн, то им под силу разрушить современный город. Паника особенно усилилась, когда ученые исследовали базальтовую пыль, выпавшую вокруг раскопок и установили, что плита была каким-то образом разложена на составные части. Это поразило их: подобного эффекта можно добиться лишь при помощи атомного бластера, но в этом случае пострадали бы все, кто находился вокруг камня; им было невдомек, как такое могло произойти даже без повышения температуры в подземелье.

Президент ООН Гуннар Фанген прислал нам письмо и просил рассказать, какие шаги необходимо предпринять против паразитов, а также интересовался, не поможет ли уничтожение Кадата при помощи ядерных снарядов? И вообще спрашивал, какое оружие наиболее эффективно против них. В ответ мы попросили приехать к нам, что он и сделал через два дня.

У Англо-Индийской Урановой Компании возникли в то время проблемы: популярность ее, безусловно, резко возросла, но пока сотни репортеров разгуливали по ее территории, работы не продвигались, и бизнес находился в застое. Нам нужна была новая штаб-квартира.

Я обратился прямо к президенту США Ллойд С. Мелвиллу: не мог бы он выделить нам хорошо охраняемый объект, где гарантируется полная изоляция?

Он тут же распорядился, и через час нам сообщили, что мы можем отправляться на американскую ракетную базу № 91 в Саратога-Спрингс, штат Нью-Йорк.

На следующий день, 17 октября, мы перебрались туда.

У нашей новой базы был целый ряд преимуществ. В руках у нас был список нескольких человек из Америки — кандидатов в «посвященные» — этих людей в свое время подобрали Реймизов и Спенсфилд из Йельского университета. Пятеро из этого списка жили в штате Нью-Йорк. Мы попросили президента Мелвилла, чтобы эти люди встретили нас на базе № 91. Так мы встретились с Оливером Флемингом и Меррилом Филипсом из Колумбийской психологической лаборатории, Расселом Холкрофтом из Сиракузского университета, Эдвардом Лифом и Виктором Эбнером из Исследовательского института в Олбани.

Вечером, накануне отлета из АИУК, Флейшман записал на видеопленку свое выступление, где он еще раз подчеркнул, что причин для паники у планеты нет. «Я не считаю, — сказал он, — что паразиты способны нанести серьезный вред человечеству, все остальное доверьте нам, мы постараемся ограничить силу и власть паразитов».

Рутинная работа «на публику» занимала нас меньше всего. Куда интересней было углубиться в настоящую — исследовать нашу мощь, а заодно и возможности паразитов.

Компания выделила самую быструю ракету, которая уже через час доставила нас на базу № 91. В полдень телевидение возвестило о нашем прибытии. Президент сделал специальное заявление и объяснил, почему он позволил нам остановиться на девяносто первой базе, самом охраняемом объекте в США (Американцы шутят: скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем посторонний проникнет на базу № 91). Он заявил также, что наша безопасность является делом всемирной важности, и любая попытка репортеров пробраться к нам будет расценена как нарушение правил безопасности со всеми вытекающими последствиями. Этим была решена одна из главных наших проблем — теперь мы могли спокойно передвигаться, не опасаясь слежки со стороны дюжины вертолетов.

Девяносто первую базу, конечно, не сравнить по комфортабельности с директорскими квартирами в АИУК. Нас поселили в сборные металлические палатки, построенные за сутки до нашего приезда — обычные казармы, разве что хорошо меблированные.

Всем пятерым ученым, которые встретили нас по просьбе президента, не было еще сорока. Высокий, под два метра, голубоглазый и розовощекий здоровяк Холкрофт вообще мало походил на исследователя — у меня даже возникли опасения насчет него. Остальные четверо — ребята что надо: сообразительные, уравновешенные и не без чувства юмора. Мы сели выпить чаю вместе с дежурным офицером и начальником службы безопасности. Оба они показались мне типичными служаками: в меру образованные, но уж больно прямолинейные — шеф безопасности тут же пожелал узнать, какие меры он должен принять против цатогуановских шпионов. Я понял, что им надо абсолютно четко разъяснить, против кого мы сражаемся: враг не перед нами и не сзади нас — враг засел непосредственно в нас самих. Они долго не могли взять в толк, пока генерал Уинслоу, дежурный офицер, не сказал: «Ага, вы хотите сказать, что эти существа похожи на микробов, попавших в кровь?» Я ответил, что именно так их и можно описать, после этого я почувствовал облегчение, хотя офицер безопасности тогда принялся про себя надеяться отыскать эффективный дезинфектант.

После чая мы пригласили наших «новобранцев» в палатку. В мыслях

дежурного офицера я прочел, что по его приказу под цементным полом нашего жилища установили вибрационные микрофоны, и едва мы вошли, я их тут же обнаружил и вывел из строя. Их упрятали в толще цемента на глубине одного дюйма, и разумеется, не взламывая пола их теоретически уничтожить было нельзя. Целую неделю после этого я ловил на себе озадаченные взгляды офицера безопасности.

Весь вечер мы просвещали пятерых «новобранцев». Для начала вручили им копии «Исторических размышлений». Потом я вкратце рассказал свою историю — одновременно мой рассказ записывался на магнитофон, так что, если у них возникли бы какие-то неясности, то можно было еще раз прослушать кассету. Вот выдержка из моего выступления — записаны последние пять минут, именно там выражена сущность проблемы, с которой мы столкнулись:

«...Таким образом, по нашим догадкам, сражаться с этими существами может лишь человек, тщательно изучивший феноменологию. Главная их сила состоит в том, что они могут разбалансировать сознание. (Я уже признался им, как мы разрушили плиту Абхота.) Это означает, что мы должны научиться оказывать им сопротивление на всех ментальных уровнях.

Отсюда возникает другая проблема, решить которую мы должны немедленно. Мы мало что знаем о человеческой душе. Мы не знаем, что происходит, когда человек рождается и умирает. Мы не понимаем, что связывает человека с пространством и временем.

Романтики девятнадцатого века считали людей „богоравными“. Теперь мы знаем, что это то действительно возможно достичь — потенциальные силы человека настолько неизмеримы, что мы их лишь начали постигать. Быть равным Богу, значит — контролировать ход событий, а не быть жертвой обстоятельств. Однако мы должны помнить: полного контроля не будет до тех пор, пока перед нами стоит так много вопросов. Человеку, который шагает и смотрит в небо, легче сделать подножку. Пока мы не осознаем основ нашего бытия, паразиты могут атаковать их и уничтожать нас. Вполне вероятно, что они настолько же невежественны в этих вопросах, как и мы. Но успокаиваться этим выводом нельзя. Мы обязаны разгадать тайны смерти, пространства и времени. И тогда это станет гарантией нашей победы.»

К моему удивлению и немалому удовольствию, Холкрофт оказался самым способным из всех моих учеников. Вид детской невинности действительно отражал незамутненную чистоту его внутреннего мира. Он воспитывался в деревне двумя незамужними тетюшками, а в школе весьма преуспел в науках. По своему нраву это был великодушный, жизнерадостный, чуждый всякой нервозности человек, и благоприятный фон детства позволил ему сохранить все эти качества. Его успехи в экспериментальной психологии были не ахти какими: в нем начисто отсутствовал особый нервный импульс, который движет первоклассными учеными. Но зато присутствовало более важное качество — врожденное чувство согласия с природой. Он обладал своего рода духовным радаром, который позволял ему жить с удивительной легкостью.

Иными словами — то, о чем я рассказал Холкрофту, он уже знал. Остальные постигали сказанное мною на понятийном уровне, они медленно переваривали полученную информацию подобно тому, как питон переваривает проглоченную крысу. А Холкрофт все понял одним лишь инстинктом.

Для нас пятерых это было особенно важным — ведь все мы были интеллектуалами. Нам никогда не избавиться от привычки постигать мир сознания при помощи интеллекта, что поглощает уйму времени: это можно сравнить с неповоротливостью армии, которой командует генерал, привыкший издавать все приказы в тройном экземпляре, а затем каждый свой шаг обсуждать со штабными офицерами. Холкрофт был «медиумом», но не в спиритическом смысле, хотя это довольно близко к его сфере, а в сфере инстинктов. В первый же вечер мы умудрились включить его в наш телепатический круг; его внутренний слух был изначально настроен на нас. И вот новая надежда озарила нашу пятерку: а вдруг этому новичку удастся нырнуть в сознание еще глубже, чем нам? Что если он сможет лучше нашего понять природу и цели паразитов?

Следующие два или три дня мы сидели в нашей хижине и обучали учеников всему тому, что сами знали. Телепатия очень в этом помогала. Оказывается, мы проглядели одну из важнейших проблем феноменологии: когда вы объясняете человеку, насколько он заблуждался всю свою жизнь по поводу собственной природы, это выбивает его из колеи, словно ему взяли и вручили миллион фунтов. Или представьте себе импотента, которому поручили управлять гаремом. В человеке пробуждается источник поэтического вдохновения, он открывает, что может разогреть свои эмоции до белого каления. На него обрушивается понимание того, что в руках его всегда был ключ к величию; оказывается, те «великие», которых мы знаем, обладали лишь жалкой толикой той силы, какой он теперь владеет в избытке. Оказывается, он всю жизнь недооценивал себя. Его прежняя личность, погруженная в непроходимую тупость тридцати-сорокалетней привычки, не собирается отмирать в одночасье. Но новая личность несравнимо сильнее. И человек превращается в поле битвы двух личностей. В результате — на всю эту заваруху расходуются гигантские запасы энергии.

Как я уже сказал, Холкрофт был блестящим учеником, у остальных же прежние личностные качества оказались куда более развитыми. К тому же у них отсутствовало настоящее чувство опасности и крайней необходимости; впрочем, если часть из нас выжила после нападения паразитов, то почему бы и им, новичкам, не выкарабкаться?

Я вовсе не осуждаю их: это неизбежно. Каждый университет сталкивается со сходной проблемой — студенты настолько входят во вкус новой жизни в кампусе, что у них исчезает желание грызть гранит науки.

Нам пришлось приложить немало сил, чтобы не позволить Флемингу, Филипсу, Лифу и Эбнеру вхолостую прослушать курс новых знаний. Пришлось следить за ними постоянно. Новые идеи были достаточно сильнодействующим снадобьем, а их мозг был настолько возбужден, что им хотелось резвиться словно школьникам на пляже. Порой, читая Гуссерля или Мерло Понти³, они начинали вспоминать сцены из детства или любовные истории прошлых лет. Эбнер был большой меломан и знал все оперы Вагнера наизусть — стоило его оставить наедине, как он тут же начинал мурлыкать какую-нибудь темку из «Кольца Нибелунгов», погружаясь в пассивный экстаз. Филипс — этот был законченным Дон-Жуаном и всецело уходил в воспоминания о своих победах, даже воздух

³ Мерло Понти — французский философ, автор феноменологических исследований (1908–1961).

начинал вибрировать от сексуального возбуждения, и это сбивало нас всех с мысли. В защиту Филипса я должен заметить, что в своих сексуальных приключениях он вечно искал недостижимого, и вот теперь обрел это и никак не может удержаться от постоянных *post mortems*⁴.

На третий день ко мне подошел Холкрофт:

— Мне кажется — мы сами себя дурачим.

Предчувствуя недоброе, я спросил, что он имеет в виду.

— Я толком не знаю, но когда я пытаюсь поймать их волны (он имел в виду паразитов), то чувствую очень сильную активность. Они что-то там замышляют, — ответил он.

Этого только не хватало! Мы овладели величайшей тайной, предупредили весь мир, а все равно остались такими же невежественными. Да кто же они такие, эти существа? Откуда они взялись? Какие цели преследуют? Действительно ли они обладают разумом или же примитивны, словно личинки мух в куске сыра?

Сколько раз мы задаемся этими вопросами, но нашли лишь несколько приблизительных ответов. Разум человека — это функция его эволюционного устремления; и ученый и философ стремятся к истине потому, что им надоело быть всего лишь двуногими существами. Но возможен ли разум такого рода у этих тварей? В разумность врага всегда трудней поверить. Впрочем, история не раздавала нам примеры, когда разум не являлся гарантией доброты. И все же, если они разумны, то должны быть и следы этого разума. Но в этом случае они должны понимать, что над ними взяли верх.

Но впрямь ли мы взяли верх?

Выслушав опасения Холкрофта, я созвал остальных. Мы только что позавтракали, стояло прозрачное утро, воздух успел уже прогреться. Группа летчиков в белых спортивных костюмах тренировалась неподалеку от нас — ветер доносил крики сержанта.

Я рассказал о своих тревогах и объявил, что пора изучить паразитов поглубже. Четверым «посвященным» было предложено подключиться к нашей телепатической сети. Операция предстояла опасная поэтому, лучше собрать воедино все наши силы. Через полчаса тренировки Аиф вдруг сказал, что слышит нас. Остальные долго пытались, измотались, но так и не смогли включиться — мы предложили им отдохнуть, расслабиться. Никто не знал о наших планах учеников не посвятили в них на случай атаки паразитов, ведь у неофитов еще так мало опыта в использовании новых сил сознания.

И вот — закрыты жалюзи, заперты двери, мы сели рядом и сконцентрировали душевные силы. Привыкнув к этой процедуре, я делал все почти машинально. Для начала — словно готовишься ко сну полное отключение от внешнего мира, затем отстранение от собственного тела. Через несколько секунд я уже погружался во тьму сознания. Следующий шаг требовал некоторой тренировки: надо отключиться от обычной физической индивидуальности. Остается только мыслящая часть меня, и она погружается в мир мечтаний и воспоминаний.

Вот как можно представить этот процесс. Предположим, вам снится кошмар, и вы говорите себе: «Это только сон. Я сплю в своей кровати, я должен проснуться». Вы ощущаете свое бодрствующее «я», однако оно

4 Воспоминаний.

запуталось в иллюзиях. Вскоре я обнаружил, что могу проникнуть сквозь пласт тех мечтаний, что стоят на пути к чистому сознанию — довольно сложный трюк, ведь люди обычно пользуются своим телом как отражателем сознания. Пласт мечтаний — странный беззвучный мир, в котором ощущаешь себя словно пловец под водой. Для новичков эта часть эксперимента может оказаться самой опасной. Тело в этот момент служит своего рода якорем для сознания. В одном из стихотворений Йитс благодарит Бога за «убогость плоти»⁵, которая спасла поэта от кошмаров. Тело, словно груз, заякоривает на наши мысли и оберегает их от растекания в разные стороны. Когда мы оказываемся на Луне, наше тело весит несколько фунтов — стоит сделать шаг, и оно взмывает в небо словно шарик. Так и наши мысли — стоит им освободиться от притяжения тела, как они обретают демоническую энергию. А если их владелец — человек недостойный, то и мысли его становятся подобными исчадью ада. Человек должен знать, что его мысли не существуют отдельно от него самого, иначе он сойдет с ума от паники и только усугубит свое положение, подобно летчику, который загоняет самолет в безвозвратный штопор, неосознанно давя штурвал от себя.

Сквозь мечты и воспоминания я опускался все ниже и старался не обращать на них внимания. Стоило отвлечься хотя бы на одно из воспоминаний, и оно тут же превращалось в целую вселенную. К примеру, я вспомнил запах табака «Джинджер Том», который когда-то курил мой дедушка. Я давненько не вспоминал о старике, поэтому задержался на этом воспоминании. Тут же представились и дедушка, и его палисадник в линкольнширском домике. И вот я уже сам в этом палисаднике — моментально воссоздаются подробности, которые убеждают меня в реальности происходящего. С невероятным трудом удается оторваться от этой картинки — я снова погружаюсь в теплую темноту.

Эта темнота наполнена жизнью, но она не просто отражение жизни телесной — она бурлит, словно электричество во Вселенной. Я бы назвал эту область сознания «детской». Здесь как нигде охватывает чувство теплоты и невинности: это мир детей без телесного воплощения.

Дальше, вслед за «детской» начинается пустота, сходная с пустотой межзвездного пространства, похожая на небытие. На этой глубине запросто можно лишиться всех ориентиров. В моих прежних путешествиях по сознанию я обычно в этом месте засыпал и просыпался лишь спустя несколько часов.

Дальше я не опускался. Даже короткое пребывание в зоне небытия требует регулярных выныриваний обратно в «детскую», чтобы собрать воедино распадающееся внимание.

Мы по-прежнему находились в телепатическом контакте. Можно сказать, мы ныряли туда-сюда, существуя каждый по отдельности, но держа постоянный дистанционный контроль друг за другом. Если бы я заснул в дедушкином саду, то остальные разбудили бы меня. А случись паразитам напасть на кого-то из нас, мы бы тут же «пробудились» и вместе отбили атаку. Однако на самой глубине каждый отвечал только за себя.

И вот через контакт с Холкрофтом я почувствовал, что тот

5 Уильям Йитс — (1865-1939) английский поэт. (Имеется в виду стихотворение «Человек и эхо».)

продолжает погружаться. Я замер от восхищения. На этой глубине я уже почти ничего не весил. Сознание будто пузырь с воздухом рвалось на поверхность. При помощи особой сноровки можно, конечно, опуститься и глубже, но на тренировки уйдет уйма времени, а если сил твоих хватает лишь на то, чтобы удерживать сознание, то дальше двигаться невозможно. У Холкрофта, видимо, такая сноровка была.

В этих сферах сознания почти нет ощущения времени — оно как бы движется, но никуда не уходит, — не знаю, объясняет ли что-нибудь эта фраза. Поскольку тут нет тела, которое испытывает нетерпение, то и движение времени представляется чем-то абстрактным. А еще я заметил — вокруг нет ни одного паразита, хотя я был начеку. Вскоре я почувствовал, что Холкрофт возвращается, и спокойно поплыл вверх, сквозь мечты и воспоминания, вернувшись к физическому сознанию примерно через час после начала эксперимента. Через десять минут Холкрофт открыл глаза. С его щек исчез румянец, но дыхание было ровным.

Он молча оглядел нас, и мы поняли, что ему нечего сказать. Наконец, он произнес:

— Ничего не пойму. Там внизу практически ничего не происходит. Неужели все убрались оттуда?

— Ты видел хоть одного паразита?

— Нет. Пару раз казалось — я вижу их, но буквально одного-двух.

У остальных были сходные воспоминания. Это обнадеживало, но у всех оставалась тревога.

В полдень мы впервые за трое суток включили телевизор, и тут же поняли, что паразиты не теряли времени даром. Мы узнали об убийстве президента Соединенных Штатов Африки Нкумблы, которое совершил Обафеме Гвамбе, он же возглавил *coup d'etat*⁶, захватив Кейптаун и Аден. В выпуске новостей передали выдержки из обращения Гвамбе по радио после переворота. Мы переглянулись: сомнений не было — Гвамбе находится под контролем паразитов, и это очень встревожило нас. А недооценить их — значило допустить смертельную ошибку.

Мы мгновенно разобрались в их стратегии, еще бы, они проводят ее уже два столетия. Для них главное — отвлекать внимание людей бесконечными войнами. Двести лет человечество трудится над изменением своего сознания для чего-то нового, его интенсификацией, и двести лет паразиты всякий раз подбрасывают людям проблемы, требующие немедленного решения.

Мы проговорили до поздней ночи. Новые события требовали немедленных действий — но каких? Самые мрачные предчувствия овладели нами. Наконец, в три ночи мы улеглись. А в пять утра нас разбудил Холкрофт:

— Они что-то затеяли, я чувствую. Может, лучше убраться отсюда подальше?

— Куда?

Но тут ответил Райх:

— В Вашингтон. Надо срочно ехать туда и поговорить с президентом.

— А какой в этом толк?

— Не знаю, но мне кажется, здесь мы зря тратим время, — ответил

6 Государственный переворот (франц.).

Райх.

До рассвета оставался еще час, но мы не мешкая сели в вертолет, любезно предоставленный нам правительством Соединенных Штатов. Вскоре внизу появились длинные прямые авеню Вашингтона. Мы сели прямо возле Белого Дома. Часовой, дежуривший у ворот, кинулся к нам с атомным автоматом наперевес. Он был молод, и нам не стоило большого труда объяснить ему, чтобы он вызвал старшего офицера, пока мы отгоним ветролет на лужайку перед Белым Домом. Все-таки наши способности давали приятные преимущества: исчезали обычные препятствия официоза.

Мы отдали офицеру послание для президента, а сами отправились попить кофе. Случайные прохожие принимали нас за делегацию бизнесменов. Наконец мы нашли ресторан со стеклянными стенами, где заняли два столика с видом на улицу. Там, за столиком, я попробовал прочитать мысли Эбнера. Тот почувствовал мое «прощупывание» и улыбнулся:

— Смешно даже. По идее, мне надо думать об угрозе, которая нависла над человечеством и моим родным городом — я из Вашингтона. А вместо этого я чувствую презрение ко всем этим слоняющимся по улицам людям — они же просто спят. Им глубоко плевать, что с ними может произойти...

— Не забывай: неделю назад ты был одним из них, — с улыбкой ответил Райх.

Я позвонил в Белый Дом и узнал, что мы приглашены на завтрак к президенту в 9.00. Когда мы возвращались по улице, запруженной утренним деловым людом, неожиданно тротуар дрогнул. Мы переглянулись, Эбнер спросил:

— Неужели землетрясение?

— Нет, — ответил Райх, — это взрыв.

Мы прибавили шагу и в 8.45 были в Белом Доме. Я спросил у встретившего нас офицера, не слышал ли он о взрыве. Он покачал головой: «Каком взрыве?»

Через двадцать минут после начала завтрака все прояснилось. Президента вызвали к телефону. Он вернулся совершенно бледным, руки его тряслись:

— Джентльмены, — объявил он, — полчаса назад была взорвана база № 91.

Воцарилось молчание, но все подумали только об одном: сколько нам отпущено времени?

Мы с Райхом уже писали подробный отчет о тогдашнем разговоре с президентом, поэтому я ограничусь лишь его кратким изложением. После разговора по телефону он был на грани обморока, но мы быстро успокоили его своими методами.

Мелвилл оказался не слишком стойким парнем. Это был прекрасный президент с хорошей административной хваткой, но он был президентом для мирного времени, совладать же с кризисом мирового масштаба ему было не под силу. Его настолько потрясла новость о взрыве, что он даже забыл объявить боевую готовность американской оборонной системе. Пришлось напомнить ему об этом — тут же пришел в действие сверхскоростной радар особого назначения (приятно думать, что эта штука гарантирует перехват ядерной боеголовки, летящей со скоростью

миля в секунду).

Очень хотелось Мелвиллу надеяться на случайный характер взрыва на базе № 91 — возможно, что-нибудь произошло со стоявшей там в ангаре ракетой для полета на Марс (в ней было напичкано топлива достаточно, чтобы в случае взрыва стереть с лица земли половину штата Нью-Йорк). Мы довольно жестко объяснили несостоятельность этой версии. Взрыв мог быть организован только паразитами, наверняка, и Гвамбе тоже стал их орудием. «В таком случае, — заявил президент, — Америка должна объявить широкомасштабную войну Африке». «В этом нет необходимости, — ответили мы, — этот взрыв предназначался нам. Совершенно случайно, благодаря интуиции Холкрофта, паразиты просчитались. Гвамбе не пойдет во второй раз на подобную авантюру». «А может, взрыв был направлен против марсианской ракеты?» — сомневался Мелвилл еще какое-то время. В конце концов мы убедили его в главном: надо как можно скорее собрать побольше мыслящих людей, способных понять проблему паразитов, и создать из них своего рода армию. Если людей с ПК-способностями будет достаточно много, мы сможем обуздать мятеж Гвамбе, пока он не распространился дальше. Но для этого нам нужно место, где можно работать без помех.

Целое утро мы поднимали дух президента, накачивали его энергией для решения кризиса. Мелвиллу пришлось выступить по телевидению и заявить о случайной аварии на базе. (Взрыв уничтожил все в радиусе 30 миль — вот почему мы слышали его в Вашингтоне.)

Это заявление успокоило американцев. Затем была тщательно проверена вся система обороны и послано секретное сообщение Гвамбе, в котором его предупреждали о немедленных ответных мерах, если взрывы повторятся. Заодно мы решили объявить о своем спасении — все равно от паразитов этого не скрыть, к тому же, слух о нашей гибели мог вызвать отчаяние у миллионов людей, которые видели в нас лидеров борьбы с паразитами.

Обедали молча, в подавленном состоянии — теперь мы уже слабо надеялись на победу. Выход был один: приобщить к нашим «посвященным» еще сотню-другую людей, а затем попытаться уничтожить Гвамбе тем же способом, какой мы использовали против Жоржа Рибо. Хотя мы наверняка будем под постоянным контролем паразитов, которых теперь ничто не остановит, и они овладеют еще одним лидером типа Гвамбе. Да что там Гвамбе — они вполне могут захватить и Мелвилла! Из него-то как раз никогда не выйдет «посвященного». Он принадлежит к тем 95 % землян, кому не под силу осознать проблему паразитов.

С этого момента мы жили под постоянным риском, даже гуляя по улице можно было ожидать, что паразиты запустят на нас какого-нибудь прохожего, словно ракету. А если у этого прохожего случится при себе атомный пистолет, то кто помешает ему прикончить нас?

И вот Райх как-то сказал:

— Жаль, что мы не можем взять и улететь на другую планету и основать там новую расу...

Тогда рассуждать об этом не имело смысла. Мы знали, что в Солнечной системе нет обитаемых планет, а на Земле нет такого корабля, на котором человек мог бы пролететь пятьдесят миллионов миль до Марса.

И все же... а что если именно космический корабль мог бы решить

проблему нашей безопасности? Найдется же в Америке несколько ракет, способных доставить пятьсот человек на Луну. Вдобавок, на орбите Земли висят три космические станции. Здесь, на Земле, мы живем под постоянной угрозой нападения паразитов — в космосе такой угрозы быть не должно.

Ну, конечно, — вот и найдено решение. Сразу же после обеда Райх, я и Флейшман отправились к президенту и рассказали о своей задумке. Если паразиты уничтожат нас, то и с Землей все будет покончено. Расправившись с нами, они будут безжалостно уничтожать всякого, кто попытается проникнуть в нашу тайну. Это была единственная надежда для Земли и ее обитателей — отправить человек пятьдесят на Луну, где бы мы провели несколько недель на одной из станций. За это время мы смогли бы хорошо подготовиться к битве с паразитами. Если наших сил окажется недостаточно, то можно разделить на группы учителей, а каждая из этих групп поднимет в космос еще по полсотни человек. Так мы постепенно создадим армию, способную освободить Землю.

По предположению одного историка, в те дни, когда паразиты пленили Гвамбе, мы «подмяли» президента Мелвилла и вынудили его пойти нам навстречу. Кстати, во время кризиса такие действия вполне могут быть оправданы, впрочем, нам было ни к чему использовать силу — Мелвилла настолько ужасал кризис, что он был рад сделать для нас все возможное.

Итак, у Спенсфилда и Ремизова был готов список из дюжины человек, которых можно допустить в наш круг. Из него мы задействовали лишь половину кандидатов. У Холкрофта и Эбнера были, кроме того, и свои кандидатуры. В итоге, к вечеру мы собрали 30 человек, готовых сотрудничать с нами. ВВС США помогли доставить их всех в Вашингтон, и к восьми утра следующего дня в нашей группе уже было 39 участников. Могло быть и 41, но самолет, на котором два психолога вылетели из Лос-Анжелеса, разбился в районе Большого Каньона. О причинах аварии мы так и не узнали, хотя о них нетрудно догадаться.

Президент сообщил, что на следующий день мы можем стартовать с ракетодома в Аннаполисе. За оставшееся время мы устроили нашим новым ученикам ускоренные курсы феноменологии. Чем больше мы занимались ею практически, тем быстрее у нас проходило обучение. Возможно, помогала общая атмосфера грядущей беды (по крайней мере, Меррил, Филипс, Лиф и Эбнер здорово изменились за это время). Уже к концу дня один из новичков смог произвести легкий ПК-эффект — ему удалось поднять в воздух сигаретный пепел.

И все же нас не оставляли дурные предчувствия. Казалось, угроза исходила как извне, так и изнутри. Допустим, мы могли бы справиться с кем-то из отдельных людей, но — представить страшно — ведь паразиты могут натравить на нас любого из нескольких миллиардов жителей планеты. Эта мысль вызывала чувство безнадежности, словно нам предстояло найти иголку в стоге сена. Признаюсь, мы даже с президента не спускали глаз, покуда находились в Вашингтоне: для паразитов не составляло особого труда проникнуть в его мозг.

Между тем, успехи Гвамбе в Африке начали настораживать. Когда же ООН сделала ему официальное предупреждение, то Гвамбе не замедлил использовать этот документ в пропагандистских целях — смотрите, дескать, эти белые пытаются запугать черных. И смута начала распространяться с такой скоростью, что стало окончательно ясно:

паразиты выбрали Африканский континент плацдармом для массового вторжения в сознание. Не советуясь со своими войсками, негритянские генералы спешили заявить о своей преданности Гвамбе. За какие-то три дня тот сделался фактическим хозяином Африканских Соединенных Штатов.

Всю ночь перед отлетом я лежал и думал — мне ведь для сна теперь требовалась всего пара часов, и стоило чуть переспать, как ментальные силы ослабевали, снижался контроль за сознанием. В ту ночь я сосредоточился на проблеме, которая давно мучила и дразнила меня. Похоже, я проглядел кое-что очень важное.

Это смутное чувство появилось после той ночи, когда паразиты уничтожили всех, кроме нас, пятерых. Мне кажется, с той поры мы не продвинулись дальше. Разумеется, мы одержали несколько мелких побед, и все же — ощущение такое, что главные наши достижения уже позади. Недаром же они оставили нас в покое после ночной битвы.

Все животные похожи на машины: ими управляют рефлексы и привычки. Человек, в значительной мере, — тоже машина, но с определенным уровнем разума, а это означает свободу от привычек, возможность делать что-то новое и необычное. Теперь я понял: мучило меня опасение, что я прогляжу как раз одну из подобных привычек. Я бился за больший контроль над сознанием, но глубинная привычка может стать помехой на пути к настоящему контролю.

Попытаюсь объяснить. Речь идет о некоем всплеске жизненной энергии, которая помогла мне одолеть паразитов. Как я ни пытался выяснить ее происхождение — ответ ускользал от меня. Давно замечено, что в экстремальных состояниях неожиданно увеличиваются внутренние силы, о которых раньше человек и не подозревал. К примеру, война может превратить ипохондрика в героя. Происходит это от того, что у большинства людей жизнеспособность контролируется подсознательными силами, до сих пор неизведанными. Но я-то о них знаю.

Я могу погружаться в собственное сознание, словно механик, который спускается в машинное отделение корабля, а определить этот источник истинной внутренней силы не могу. Почему же? Ведь смог же я во время битвы мобилизовать эту гигантскую энергию. Значит, если я не могу добраться до корней жизненной энергии, то чего-то я пока не могу понять.

Всю ночь я ломал голову, пытался все глубже и глубже опуститься в омут своего сознания. Бесполезно — какая-то невидимая преграда мешала мне, а может, то были моя слабость и недостаток собранности, но только не паразиты: их я не заметил ни одного.

К рассвету я окончательно выдохся, однако утром отправился вместе с Райхом, Холкрофтом и братьями Грау в Аннаполис, чтобы провести последнюю проверку ракеты.

Все было в порядке. Мы опросили всю обслуживающую бригаду под предлогом выяснения обычной технической информации. Эти ребята показались нам честными и дружелюбными. Мы поинтересовались, как они справились с работой, и те ответили, что все прошло без сучка и задоринки. Но тут Холкрофт, молча разглядывавший всех, вдруг спросил:

— А ваши все здесь присутствуют?

Полковник Массей, руководитель бригады, кивнул:

— Инженеры все на месте.

— А кроме инженеров? — настаивал Холкрофт.

— Только одного нет, но он не бог ведь какая важная птица — это Келлерман, помощник лейтенанта Косты. У него на утро назначен прием у психиатра.

Коста отвечал за программирование бортового компьютера, который контролировал расход топлива, температуру, состояние воздуха и прочие параметры.

Я как бы невзначай попросил:

— Конечно, это не так важно, но все же мы бы хотели посмотреть на этого парня — так, чистая формальность.

— Но лейтенант Коста знает о компьютере куда больше, чем Келлерман. Он ответит на любой ваш вопрос.

— И все же, мы бы хотели увидеть именно его.

Тут же позвонили психиатру военной базы. Тот сказал, что Келлерман ушел от него с полчаса назад. Охрана, проверявшая Келлермана, доложила, что он двадцать минут как уехал куда-то на мотоцикле. Коста неуверенно оправдывался:

— У него в студенческом кампусе девчонка, ну и я иногда разрешаю ему съездить к ней на чашку кофе во время перерыва. Наверняка он сейчас там.

Райх мимоходом заметил:

— Хорошо бы послать за ним. А пока неплохо бы проверить все цепи компьютера.

Через час выяснилось, что с электронными мозгами ракеты полный порядок. Однако посланный нарочный вернулся один: Келлермана никто не видел.

— Да ладно, — сказал Коста, — ну, может, парень по магазинам решил пройтись в городе. Конечно, это нарушение правил — видимо, он решил, что в это утро не до него...

Полковник Массей попробовал сменить тему, но Райх остановил его:

— Мне очень жаль, полковник, но мы никуда не полетим на этой ракете, пока не побеседуем с Келлерманом. Не могли бы вы объявить срочный розыск?

Представляю, какими сумасшедшими занудами мы им показались, но что им оставалось делать? Одним словом, двенадцать машин военной полиции и все полицейские района были подняты по тревоге. Тут же прошла проверка в местном аэропорту, и выяснилось, что человек с приметам Келлермана несколько часов назад вылетел в Вашингтон. Поиск перекинулся в столицу — там тоже всю полицию подняли на ноги.

Наконец, Келлермана нашли, ровно через час после назначенного старта — в 15.30. Его опознали на вертолетной площадке внутренних авиалиний в числе пассажиров, прилетевших из Вашингтона. Келлерман возмущался, заявлял, что отлучился, чтобы купить обручальное кольцо для невесты и вовсе не предполагал, что его хватятся. Однако стоило нам только глянуть на него, как тут же все стало ясно — наши опасения были не напрасными. Этот тип представлял собой любопытный случай раздвоения личности; существенная часть его личности была совершенно незрелой — просто находка для паразитов. Его сознание даже не надо было завоевывать: достаточно небольшой перестройки его центров, остальное помогало довершить школярское желание выглядеть куда важней, чем он был. Нечто подобное движет малолетними преступниками, которые устраивают крушение поездов ради потехи — им просто хочется влиться в мир взрослых и натворить что-нибудь этакое,

что бы вызвало вполне взрослые последствия.

Мы с ходу, без труда выжали из него всю правду. Он сделал совершенно незначительную перестройку температурного контроля на борту корабля, температура бы при этом поднималась, но так медленно, что никто бы не заметил этого. Однако эта перестройка вызвала бы нарушение работы всех систем управления, а затем — системы торможения. И тогда, на подходе к спутнику, нам не удалось бы погасить скорость, и корабль врезался бы в Луну. Обычная проверка цепи не позволила найти поломку, ведь у компьютера несколько миллиардов возможных операций, а проверка проводится лишь по основным соединениям.

Теперь Келлерману предстояла расплата — его судил впоследствии военный трибунал, приговоривший бывшего инженера к расстрелу, — ну а мы стартовали лишь в 4.30 утра. К шести утра мы уже набрали скорость и двигались в направлении Луны. Корабль был оснащен антигравитационным устройством, что позволяло ощущать свой обычный вес. Однако в первые два часа это не спасало нас от типичного космического головокружения.

Когда всем стало лучше, мы собрались в столовой, и Райх провел беседу о паразитах, рассказав заодно, как с ними бороться по методу Гуссерля. Остальные лекции решили пока отложить на завтра — люди были взбудоражены новой обстановкой, ведь многие впервые попали на космический корабль, и ученье на ум не шло.

Наши антенны пока что принимали телесигналы Земли. В 9.30 начались новости, и первое, что я увидел — лицо Феликса Хэзарда, который произносил страстную речь перед огромной толпой.

В 7.30 по берлинскому времени состоялось первое выступление Хэзарда в Мюнхене — в нем он прославлял арийскую расу и призывал к отставке нынешнее социал-демократическое правительство во главе с канцлером доктором Шредером. Толпа бурно реагировала на его речь. Через два часа Новое Национальное Движение объявило о том, что их лидер Людвиг Штер добровольно передал свой пост Феликсу Хэзарду. Штер заявил, что Хэзард возродит былую славу арийцев и приведет нацию к победе. Кроме того, он много говорил о «наглых угрозах со стороны национальных меньшинств» и постоянно цитировал Гобинье, Хьюстона Стюарта Чемберлена и книгу Розенберга «Мифы двадцатого столетия»⁷.

На Земле произошло что-то ужасное. Паразиты окончательно покорили Африку и настроили сознание всех ее жителей на восстание. Теперь они двинули на Европу. Однако мир пока еще довольно спокойно реагировал на путч Гвамбе. И тогда паразиты поставили на более сильную карту — возрождение арийского расизма. Как известно, в споре должны участвовать две стороны: паразиты решили подстраховаться, чтобы конфликт не вышел односторонним.

Признаюсь, в тот момент я здорово упал духом, и наше дело казалось полностью безнадежным. При нынешнем раскладе война могла разгореться в течение недели, так что мы даже не успеем вернуться на Землю. Казалось, мы не в силах ничего сделать, нам даже некуда будет возвращаться. Можно запросто вычислить следующий шаг паразитов, они

⁷ Жозеф Артур де Гобинье (1816–1882) — французский социолог и писатель, один из основоположников расизма. Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855–1927) — английский философ, последователь Ницше Альфред Розенберг (1893–1946) — идеолог фашизма.

постараются ослабить обороноспособность всех стран — вторгнуться в сознание главных военных специалистов. Это приведет к взаимному предательству военных Америки и Европы, системы предварительного оповещения будут там повреждены, оба континента лишатся своей неуязвимости.

Проспав всего пару часов, я вскочил в 16.00, чтобы посмотреть девятичасовые новости из Лондона (мы-то жили по американскому времени). Положение еще больше ухудшилось: в Германии казнили канцлера, а правительство социал-демократов Хэзард объявил вне закона. Как истинный выразитель воли немецкого народа, он объявил канцлером себя самого.

(Окончание в следующем номере)

Лусиус Шепард По направлению к Глори⁸

Предлагаемый вашему вниманию рассказ редакторы F&SF посчитали нетипичным для Лусиуса Шепарда, с 1984 года («Сальвадор» и «Человек, раскрасивший Дракона Гроуля») одного из опорных авторов этого журнала, чью главную тему все же можно обозначить так: перемена облика как отражение внутреннего изменения — неотвратимого, пугающе-притягательного...

Мы с Трейси сели в поезд в Белом Орле. Это была предпоследняя станция перед началом Дурной Полосы. Билеты взяли прямо до Глори, где у меня оставалось еще несколько друзей, доверяющих мне настолько (по крайней мере, в это хотелось верить), чтобы одолжить немного денег. Мои дела в Белом Орле шли так плохо, что я последнее время балансировал между крахом всех начинаний и откровенным мошенничеством. Кроме того, я знал, что Трейси опротивела ее теперешняя жизнь и что она жаждет перемен. Думаю, что именно это и побудило меня предпринять путешествие в Глори. Я к тому, что опасность потерять единственную опору в жизни заставляет многих мужиков совершать совершенно безрассудные поступки. Самое смешное, что у Трейси были, безусловно, такие же мрачные мысли относительно дальнейших жизненных перспектив, как и у меня, иначе бы она со мной ни за что не поехала. Главное, я никак не мог понять, хорошо это или плохо, что мы друг для друга оказались последней надеждой и опорой.

Каким-то образом мы сумели убедить сами себя, что наше путешествие — это редчайшая удача, но как только мы глянули на мрачные рожи наших попутчиков, к нам опять вернулось ощущение, что в такое предприятие можно было пуститься только с очень большой голодухи. Никто из нас, понятно, не хотел показывать, какие чувства его переполняют, и поэтому делал вид, что жизнь в нем бьет ключом. Первое время это было даже нетрудно. Солнце стояло высоко, прямехонько над расщелиной между двух скал. Его лучи золотили снежные вершины гор, а те отбрасывали ровные синеватые тени и наполняли весь этот уходящий

день редкой волшебной красотой и покоем, и у нас была пропасть времени на то, чтобы расслабиться, пока поезд еще не вошел в Полосу и не начались изменения.

Сразу же за кондуктором, проверившим билеты, в вагон вошел Рой Коул. Коул был обязательным атрибутом маршрута. Сухощавый человек, лет под пятьдесят с очень мрачным выражением обветренного, морщинистого лица. Мрачность его подчеркивал шрам, начинавшийся от угла рта и пересекавший щеку. Одет он был в джинсы и свободную черную куртку, а в руках держал двустволку, украшенную серебряной инкрустацией. Медленно проходя по вагону, он вглядывался в лицо каждому. Вид у него был такой, как будто он искал у нас во взглядах подтверждения нашей безусловной виновности. В какой-то степени так оно и было. Поезд отправлялся только в том случае, если Коула все устраивало, а поскольку он знал лучше всех, какие должны происходить изменения и на какие признаки надо обращать внимание, никто и никогда не возражал против досмотра. Если с тобой должны произойти изменения, то шанс выжить есть только под защитой Коула. Я понимал это не хуже других, но когда он посмотрел мне в глаза и я увидел его жуткие зрачки, похожие по форме на шахматные фигурки, мне захотелось выпрыгнуть из собственной шкуры и рвануть к двери. Мне очень нужно было его спросить, произойдут ли со мной изменения, но к тому времени, когда я собрался с духом, чтобы открыть рот, он уже прошел и теперь изучал другого пассажира.

Весь первый час путешествия не происходило ровным счетом ничего. Над западными вершинами гор догорал оранжевый закат, а в небе начинали просвечивать звезды. Снежные хрусталики вспыхивали и метались за окном как мириады маленьких живых драгоценностей. Закат освещал слегка растрепанные черные волосы Трейси и придавал ее лицу какое-то особое очарование. А ее лицо и при обычном освещении было достойно того, чтобы им любоваться. Милыми чертами и грустными глазами оно было похоже на лик уставшего ангела. Когда мы пересекли горы и въехали в долину, я почувствовал, что все дурное осталось позади и нас ждут новые прекрасные времена. Мы немного поговорили о наших планах, но потом довольно быстро переключились на воспоминания о жизни в Белом Орле, и если бы вы видели, как мы сидим, обнявшись, и заливаемся смехом, вы бы скорее всего приняли нас за молодоженов. Во всяком случае не за людей, потерявших в этой жизни все и бегущих от судьбы.

— Слушай, Трейси, а ты помнишь Гордона? — спросил я у нее. — Ну, этот тип на гневной кобыле. Ты еще говорила, что у него вечно недовольный вид. Ну так вот, еще до того как мы с тобой встретились, к нам в город как-то раз прибыл бродячий цирк.

— Медицинское шоу доктора Тига, — сказала Трейси.

— Да, да, — сказал я. — Кажется, так оно и называлось. Ну так вот. Там были обезьяны. Шимпанзе. Ну и значит, дали объявление, что владелец готов заплатить пятьдесят баксов тому, кто сумеет одну из них побороть. А Гордон считал себя потрясающим борцом. Не в том смысле, что он умел хорошо бороться, а в том, что считал это очень достойным занятием. Мы с ним как-то раз вместе нализались. Сидим такие хорошие, и тут вдруг он на меня смотрит туманным взором и говорит: «Ты должен понимать: заниматься борьбой — это не значит просто валяться в грязи и вечно ходить с разбитой мордой. Борьба — это наиболее чистая форма

проявления физической экспрессии».

Трейси хихикнула.

— Ну, естественно, как только Гордон услышал про этих обезьян, и про то, как они запросто могут побороть любого человека, так он тут же побежал занимать первое место в очереди. Он считал, что таким образом защищает честь человечества. — Я откашлялся. — Должен тебе сказать, это было ужасно. Дрались они в таком маленьком загончике с грязным полом. Гордон слегка приплясывал на цыпочках и делал страшные выпады левой, а обезьянка сидела, скорчившись в грязи, и смотрела на него с таким изумленным видом, как будто ей еще ни разу в жизни не приходилось видеть такого кретина. В конце концов ему это надоело, и он двинулся вперед, слегка забирая вправо и пытаясь достать голову обезьянки. Для той этого оказалось достаточно, потому что в следующую секунду она уже сидела верхом на Гордоне и молотила его всеми четырьмя конечностями, а еще через секунду он лежал, уткнувшись лицом в грязь, а эта тварь прыгала у него на спине и вырывала у него клочья волос.

— О, господи! — простонала Трейси, у которой от хохота уже начался приступ кашля.

— Но Гордон, конечно же, так просто не сдался, — продолжал я, — после того как мы привели его в чувство и налили ему пять капель, он заявил, что это нечестно — заставлять человека безо всякого специального снаряжения бороться с животным. Мол человек, по своей природе, в смысле крепости костей, гораздо слабее обезьяны, а вот если бы у него была какая-нибудь защита, то с обезьяной не было бы никаких вопросов, он бы ей быстро набил морду, потому что он вам не какая-нибудь там мартышка, он владеет глубоко научными методами борьбы. Ну, на следующий день он поперся к Билу Кранцу и заказал у него деревянный шлем с кожаной подкладкой и металлическими прутьями, закрывающими лицо. А потом он снова двинул в цирк и потребовал реванша. — Я сокрушенно покачал головой. — В этот раз все было еще хуже. То есть началось-то все так же. Гордон приплясывал, а обезьяна сидела, скорчившись, и смотрела на него, как на последнего идиота. Но как только Гордон попытался продемонстрировать ей хук справа, обезьянка прыгнула, сорвала с него шлем и лупила его этим самым шлемом, пока тот не развалился на куски.

Мы рухнули друг на друга от хохота. Не то чтобы история была такой уж смешной, просто нам надо было посмеяться, и мы использовали для этого любую возможность. Я всегда радовался, если слышал как Трейси смеется, потому что уж что-что, а назвать ее счастливой женщиной было никак нельзя. Ее родной папочка изнасиловал ее в тот год, когда она перестала носить косички, и это потянуло за собой цепь очень непростых отношений. Она много раз говорила мне, что я был первый мужчина в ее жизни, который ее не бил. Мне вообще казалось, что в ее отношении ко мне было гораздо меньше привязанности, чем чувства облегчения. Она привыкла к очень нездоровой форме зависимости от мужчин. Привыкла использовать их власть над собой как оправдание отказа от попыток достичь в этой жизни чего-то более достойного.

Я думаю, она считала, что лучше иметь кого-то, кто тычет тебя лицом в грязь, чем смотреть прямо в глаза тому, что тебя ожидает. А может быть, это мужчины заставляли ее так думать. При этом мне казалось, что со мной ее жизнь значительно улучшилась, хотя я, конечно же, понимал,

что был только последним звеном в длинной цепочке ее хозяев и что моя манера владения ею, замаскированная под любовь, была, пожалуй, еще более болезненной, чем синяки, которыми награждали ее те, другие, и по большому счету должна была причинять гораздо больше страданий. Однако, зная все это, я тем не менее никак не мог убедить себя бросить ее. Я говорил себе, что если я это сделаю, она обязательно найдет кого-нибудь еще, кто будет ее мучить. А кроме того, было еще нечто, в чем я отказывался признаваться даже самому себе — мне доставляло удовольствие быть хозяином. Занимаясь как бы благотворительностью, в глубине души я чувствовал себя берущим человеком, человеком, обладающим властью. Вся беда была в том, что я мог обладать реальной властью только над Трейси. И еще я думаю, что сильнее всего меня к ней притягивал страх. Однако я поднаторел в умении скрывать истинные мотивы от самого себя. Лучший из изобретенных мною для этого методов заключался в том, что я заставлял себя поверить, будто там, в глубине, под толстым слоем фальши, лежит нечто истинное — слегка тлеющие угольки любви или, если уж не любви, то, по крайней мере, искреннего чувства, и если эти угольки раздуть и добавить немного хвороста, то мы будем согреты до конца наших дней.

— Наверно, — сказала она, высвобождаясь из моих объятий, чтобы глотнуть воздуха. — Наверно, когда при Гордоне поминали обезьян, у него сразу делался очень недовольный вид.

— Скорее всего, — сказал я, — во всяком случае, он так и не отделался от воспоминаний об этом. Он рассказывал об этой обезьяне как о легендарном герое, как о великом человеке, подобного которому не знала земля. Вообще этот Гордон был довольно забавный парень.

Тем временем поезд втянулся в Лорэйн — жалкую кучку лачуг вокруг двух довольно солидных зданий. В одном была гостиница, а в другом располагались пробирная палата и общественные склады. Долина за городом была холмиста и заснежена. Закатное солнце слегка золотило несколько клиньев озимой пшеницы. А вот за пшеницей, за Весенними Холмами, чьи гранитные обрывы отсвечивали синью, уже стоял плотный туман — там начиналась Полоса. Это зрелище нас слегка отрезвило, и пару минут мы провели в молчании.

— Мы могли бы сойти, — задумчиво сказала Трейси, — Лорэйн довольно далеко от Белого Орла.

— Ты же знаешь, что на самом деле это не так, — сказал я, — а кроме того, здесь мне никто не одолжит денег.

— Я всегда могу снова заняться проституцией.

Я был поражен ее тоном. Тонем побежденного человека.

— Ты не можешь этого сделать.

— Это не сильно отличается от того, чем я занимаюсь с тобой.

Ее фраза настолько разъярила меня, что я ничего не ответил.

— В чем смысл всего этого? — произнесла она. — Туда мы едем ли, сюда ли, но ведь остаемся-то при этом теми же самыми людьми.

Я открыл было рот, но она меня прервала:

— И не вздумай мне только говорить, что ты собираешься начать новую жизнь! Ты уже бесчисленное количество раз обещал...

— Я не единственный человек, который не в состоянии избавиться от дурных привычек.

Это ее слегка охладило. Она не хуже меня понимала, что наш союз представлял собой удобную клетку, и что ее удобство было основано на

том, что ни на что лучшее никто из нас не мог и рассчитывать.

— Я все равно не вижу в этом смысла, — сказала она. — Если все останется по-прежнему, то какая разница, где мы остановимся.

— Ну хорошо, — сказал я. — Давай, выходи из поезда. Выходи из поезда и становись проституткой в Лорэйне, если ты считаешь, что это правильно, но только я в этом принимать участия не желаю.

Она молча склонила голову, только пальцы ее нервно сжимались и разжимались. Я понял, что кризис миновал.

— Почему ты решила ехать? — спросил я. — Ты же знала, что это рискованно.

— Да, знала. Но я считала, что эта попытка — что-то вроде волшебства, и мы сможем пройти через все и стать лучше, чем были раньше. Я знаю, это выглядит очень глупо...

— Да нет, не выглядит.

Она взглянула на меня.

— А почему ты на это решился?

— По той же самой причине, — солгал я и притянул ее к себе. Волосы ее пахли лавандой и груди ее прикасались ко мне. Я тихонько тронул их рукой и ощутил, какие они полные и твердые. Даже мысли о них способны были свести меня с ума. Я почувствовал, как поднимается по ней теплая волна и как она выгибается в моих объятиях. Однако уже в следующую секунду она резко оттолкнула мою руку и отпрянула. Глаза ее были полны слез.

— Что-то не так? — спросил я.

Она помотала головой и я понял, что она думает о том, как жалко, что за тем хорошим и добрым, что так замечательно делали наши тела, стояло так мало живительной правды, как будто то, что мы делали, было просто мастерским акробатическим этюдом.

Раздался тонкий безнадежный свисток паровоза, и поезд тронулся. Буквально в эту же минуту в вагон ввалилась чрезвычайно толстая женщина в черном пальто с меховым воротником и плюхнулась на сидение через проход от меня и Трейси.

— Черт подери, — сказала она, уставившись на нас. — Тот придурок чуть было не отправил меня обратно в графство Кулвер.

Она засучила ручонками, расправляя складки на пальто. На ней были белые перчатки, из-за которых ее руки казались очень маленькими по сравнению с массивными рукавами, из под которых они выглядывали. И ее ступни тоже казались маленькими и детскими, прикрепленными к огромным раздутым лодыжкам и толстым, обтянутым черными чулками, икрам. Ее жирные щеки колыхались в такт движению поезда. Маленькие бусинки глазок были утоплены в опару щек, а рот был нарисован вишнево-красным цветом. У меня было совершенно явное ощущение, что передо мной сидит огромное ожившее пирожное, по венам которого течет вместо крови густой заварной крем. Она наклонилась в нашу сторону, обдав удушливой волной духов, и сказала:

— Это, небось, ваша первая поездка, а? Я сразу поняла! Ничего, ребята, не дрейфьте — это не так страшно, как об этом говорят. То есть, я хочу сказать — это, конечно, страшно, я не отрицаю, но терпимо. — Она со свистом втянула воздух, отчего все морщинки на ее пальто расправились, как складки на готовящемся к взлету воздушном шаре.

— Знаете, сколько раз я пересекала Полосу?

— Ну и сколько? — спросила Трейси. По звуку ее голоса я понял, что

толстуха ее жутко раздражает.

— Тридцать два, — гордо сказала та. — Этот будет тридцать третий. Я понимаю, это кажется диким, но если бы вам было столько лет, сколько мне, и вы так же любили бы стряпать, и в вашей жизни не было бы хорошего мужика, вы бы тоже придумали себе чего-нибудь эдакое, что отвлекало бы от дурных мыслей. У всех людей есть хобби, а мое хобби — поездки через Полосу. Когда я поехала первый раз, в моей жизни все было так плохо, что мне было, откровенно говоря, без разницы, доберусь я до той стороны или нет. Но оказалось, что у меня, как и у Коула, иммунитет к изменениям. — Она порылась в своей сумке и извлекла на свет божий пухлый ежедневник в кожаной обложке. — Я веду записи во всех своих путешествиях. Думаю, это пригодится потом каким-нибудь исследователям. — Она покачала головой. — Я такого повидала! Вы в жизни не поверите, что это было взаправду.

Мне как-то никогда не приходило в голову, что есть люди, которые путешествуют через кошмары и ужасы Полосы ради своего удовольствия.

Я быстро переглянулся с Трейси, но на ее лице увидел только гримасу отвращения. Она быстро отвернулась к окну, всем своим видом показывая, что не желает принимать никакого участия в разговоре. В вагоне уже зажегся верхний свет и залил все тусклой желтизной.

— Это ужасное место, — сказала женщина. — Но при этом оно — порождение тайны, а все таинственное по-своему прекрасно. Правда, — тут она вдруг заговорила очень высокомерным тоном, — для меня в этом уже нет совершенно ничего необычного. Я думаю, что я знаю о Полосе больше, чем кто бы то ни было. Ну, кроме Коула, конечно.

Я, безусловно, не мог не заинтересоваться ее богатым опытом. Было бы странно, если бы я, проживший столько лет возле Полосы, пропустил бы ее слова мимо ушей. Мне довелось слышать страшное количество версий о том, каким образом возникла Полоса. И о том, как вели между собой войну индейские колдуны, и как случайно пущенное заклинание ударило рикошетом и преобразило участок земли, пересекающий всю страну. И о том, как с пролетавшей кометы просыпалось нечто странное и свершило все это. И о том, что это был участок ада, выползший из-под земли на поверхность планеты. Все эти истории разнились по вопросу происхождения Полосы, но были единодушны в том, что касалось ее сущности: Полоса была местом, где все изменялось, где происходили невероятные вещи, где искажалось время и пространство.

Я сразу спросил женщину, что ей известно о том, как возникла Полоса.

— Один мой знакомый, — сказала она, — утверждал, что Полоса — это как то место на Востоке, где с вершины горы можно видеть сразу семь разных стран. Здесь все так же, только это не страны, а миры. Тысячи миров, собранных в одну кучу. Этот мой знакомый утверждал, что под страшным давлением эти миры прорвались, как через дамбу, в Полосу и все в ней перемешались.

История про индейских колдунов мне нравилась гораздо больше, но я вежливо сказал:

— Угу.

— Честно говоря, мне плевать на ее происхождение, — все вещи такие, какие они есть, а знаешь ты или не знаешь, как они стали такими, это совершенно ничего не меняет.

Трейси сидела страшно напряженная, и я решил сменить тему.

— Вы долго жили в Лорэйне? — спросил я женщину.

— Я перебралась сюда, когда начала ездить через Полосу. А раньше я очень долго жила в Седли.

Седли был крупным центром по добыче серебра на другой стороне Полосы. Если бы у меня были деньги, я бы безусловно ехал туда, а не в Глори.

— Говорят, что Седли очень перспективное место, — сказал я.

— Это точно. Там любой может сколотить себе состояние, были бы только средства и желание. Вы туда направляетесь?

— У меня все в порядке с желаниями, — сказал я ей, — но я немножко ограничен в средствах. И поэтому — пока что в Глори. Надеюсь, там мне удастся раздобыть немного денег.

Она закудаhtала, старательно изображая глубокое сочувствие:

— Да, так оно всегда получается: хвост вытянешь — нос увязнет. — И добавила с очень жеманным видом. — Я уверена, что в Седли найдутся люди, которые захотят помочь такому симпатичному молодому человеку, как вы. Один бог знает, как много они делают для беженцев.

— Вы имеете в виду беженцев из Полосы?

Она кивнула.

— Это несчастные создания, те, которые сумели все выдержать.

— Я слышал, что здесь очень много проблем с беженцами. Я имею в виду, в поезде.

— О! И еще как много. Не было ни одного разу, чтобы они не попытались к нам прорваться.

Ее тон почему-то стал ликующим.

— Боже, когда они будто просачиваются через двери и приносят с собой этот жуткий дух мерзости и бесовства, и вы смотрите на них и вам кажется, что они улыбаются, потому все зубы у них наружу, и они выглядят так ужасно, что можно ощущать эту темную силу, овладевшую ими, и...

— Не хочу об этом слышать, — сказала Трейси, но толстуха только отмахнулась.

— Твой муж защитит тебя, милочка. Но эти беженцы, уж воистину, могут напугать кого угодно. До смерти напугать.

— Хватит, — заорала Трейси. — Хватит, ты, слышишь!

Я резко обернулся к ней. Она смотрела на женщину широко раскрытыми глазами, как замороженная. Ее била дрожь, щеки ввалились, в глазах светились мириады безумных огней. Казалось, что это мелкие осколки стекла, рассыпанные по черному бархату. Вот тут-то, заглянув в ее глаза, я и понял, что мы уже въехали в Полосу и изменения начались.

— Трейси? — сказал я испуганно.

Я боялся до нее дотронуться. Мне казалось, что я могу разрушить ту силу, благодаря которой она не рассыпалась на кусочки.

— И вам не удастся не ощущать этого, — продолжала женщина, мерзко улыбаясь. При этом зубы ее торчали так, что больше всего напоминали о тех несчастных существах, о которых она рассказывала. — Это исходит от них, как вонь от свежевскрытой могилы. Иногда их мясо только начинает отходить от костей, а иногда...

— Эй! — сказал я ей. — Эй, может хватит, а?

— Очень скоро, уже очень скоро мы увидим их, — бормотала она, показывая в окно на сгущающиеся сумерки и плотную стену снега. — Их лица светятся, как животы дохлых рыб, гнилые зубы чернеют и выпадают,

они дряхлеют прямо на глазах. И чувствуя, как силы покидают их, они падают перед тобой на колени и тянут к тебе руки, обтянутые кожей руки скелетов, и молят тебя о помощи на языках, которых ты не можешь понять... дьявольских языках. Их щеки разбухают, и их кишки начинают лезть у них изо ртов, и они пытаются запихивать их обратно, но те продолжают выпирать, и...

Трейси дико орала, лицо женщины страшно покраснелось и казалось раздувающимся изнутри, как гниющее яблоко. Ее руки в белых перчатках вцепились в ручки кресла, и она выплевывала слова, как отравленные стрелы. Я оттолкнул Трейси в сторону и сказал женщине, чтобы она заткнулась, но та только еще упоеннее продолжала живописать этот кошмар. Нарисованная ею картина вызывала у меня животный ужас, и я почувствовал непреодолимое желание шарахнуть ее чем-нибудь тяжелым. Я думаю, что я бы так и поступил, но в этот момент дверь вагона открылась и вошел Коул. Он медленно прошел по проходу и остановился около нас. Дуло его ружья уткнулось в груди женщины. Она выпучила глаза на два ствола, оказавшихся перед ее носом, и замолчала.

— Мне кажется, у тебя проблемы, Мэри, — сказал Коул стальным голосом.

— Нет, — выдавила она, — нет, я просто...

— Смотри-ка, ты вся раздулась, у тебя покраснелось лицо, — сказал он. — Мне определенно кажется, что у тебя начались изменения. Как ты себя чувствуешь, а? У тебя, наверное, все трясется внутри, как будто что-то там переворачивается?

Он взвел курок. Мэри замерла под прожигающим взглядом его страшных глаз. Ярko раскрашенный рот раскрылся, рука сжимала горло, из глотки со свистом вырывалось тяжелое дыхание.

— Нет, Коул, — выговорила с трудом. — Я тебе клянусь, я в полном порядке. Ты же должен был видеть, ты же знаешь, я...

— Ты поганая жирная тварь, — сказал Коул. — Мне уже осточертело, что ты постоянно запугиваешь моих пассажиров. Если ты не заткнешь свою поганую пасть, я тебе обещаю, что как только я хоть немного заподозрю, что с тобой начали происходить изменения, я вмажу твои мерзкие внутренности в спинку этого сидения. И ни одна живая душа меня в этом не обвинит. — Он сунул стволы ружья между подушками ее груди, будто вставлял вилку в розетку. — Ты полагаешь, меня кто-нибудь обвинит в убийстве?

— Пожалуйста, Коул, — прошептала она.

— Ты оставишь этих людей в покое?

Она хлопнула ресницами и кивнула. Коул грубо выругался, но поставил ружье на предохранитель. Его глаза метнулись в мою сторону, шрам на щеке сморщился как от удара.

— Держи свою пушку наготове, приятель, — сказал он мне. — В этом вагоне будут проблемы. Постарайся сделать все, что будет в твоих силах, а я, если получится, приду на помощь.

Сказав это, он двинулся по проходу к выходу из вагона. Я догнал его в тот момент, когда он уже переходил в следующий.

— Объясните мне, пожалуйста, что происходит, — сказал я, хватая его за руку.

Он пригвоздил меня к месту взглядом своих страшных глаз.

— Полегче, приятель.

— Но нельзя же говорить человеку, чтобы он приготовил пушку, не

объяснив зачем.

— Мне кажется, — понятно — зачем.

Он оттолкнул меня к двери, подальше от остальных пассажиров. Сзади нас было окно, разделенное на четыре узких полосы. В каждой из них виднелся прямоугольник темно-синей ночи с одинокой звездочкой в правом верхнем углу. Казалось, это блок каких-то мистических почтовых марок. Полоски были настолько неестественно симметричны, что, глядя на них, я окончательно осознал, в какое место меня занесло.

— Это будет плохая поездка, — сказал Коул. — Я не смогу проконтролировать все вагоны, поэтому здесь я оставляю все на тебя.

Я совершенно не горел желанием принять на себя ответственность.

— Так почему же вы пропустили их в поезд, если знали, что это кончится плохо?

— Послушай, сынок: во-первых, ты все равно не сможешь этого понять, а во-вторых, у меня нет времени на объяснения. Последний раз, когда дела сложились так же плохо, как сейчас, я потерял девять пассажиров. Значит так, я оставляю этот вагон на тебя и меня интересует, будешь ты мне помогать или будешь просто смотреть на то, что происходит вокруг?

— А Трейси, — сказал я. — Трейси, женщина, которая со мной. Она... с ней... ничего плохого?..

— Иногда изменения не очень серьезны, и можно не обращать на них особенного внимания, но иногда бывает нужно их остановить. Поэтому я и хочу, чтобы ты взял на себя этот вагон. Думай о каждом человеке, когда ты будешь принимать такое решение.

Мой пистолет лежал в кобуре, холодный, как змея в черепе.

— Нет, — сказал я. — Нет, ей я все равно не смогу сделать ничего плохого. Да и вообще я не очень умею обращаться с оружием.

— Я буду занят, — сказал Коул. — Что бы ни случилось здесь, это твои проблемы.

Я внимательно смотрел в его обветренное лицо, странные глаза. Я не был уверен в том, что он сказал мне все. Он тоже посмотрел мне прямо в глаза. Шум и грохот идущего поезда казались ощутимым проявлением напряжения, стоящего между нами, и той страшной силы, которая неистово ускоряла течение нашей жизни. Я понял этого человека, я понял, что, хотя работа и выпячивала темные стороны его природы, он в сущности не был ни особенно злым, ни добрым, ни смелым, ни трусливым. Просто человек, который достиг трудного участка на своем пути, наполовину по собственной вине, наполовину по воле судьбы и теперь просто делал то необходимое, без чего не выжить. И когда я понял, что это такой же человек, как и я, не колдун вовсе, я поверил в него. И в себя. Мне никогда раньше не приходилось поднимать оружие на других людей, но сейчас я понял, что смогу это сделать.

— Что от меня потребуется? — спросил я.

— Появятся беженцы, — сказал он. — Всегда появляются. Они проникают в поезд на участке с крутым подъемом, примерно в двух часах езды отсюда. Если они войдут внутрь, не задавай никаких вопросов. Их надо сразу убивать. И не трать зря патронов. — Он посмотрел на мой патронташ. — Видишь этого типа с квадратной головой в углу вагона?

Он указал на блондина средних лет, в сером костюме, с задумчивым скандинавским лицом, и сказал, чтобы я не спускал с него глаз. И с Трейси. В вагоне было еще семь пассажиров: пожилая женщина в

зеленом платье и шесть довольно неопрятных, просто одетых фермеров, оставшихся без земли и надеявшихся начать все сначала на новом месте.

— Может случиться что-нибудь совсем неожиданное, — сказал Коул. — Но ты увидишь, что это приближается. Некоторых Полоса меняет совершенно жутко, некоторых едва заметно. Другим, таким как я, эта старая шлюха Мэри и ты — во всяком случае в эту поездку — она просто дает возможность увидеть весь тот ужас, который происходит с остальными. Я даже и не знаю, к ним или к нам она более милостива. Мне довелось видеть такое, что я иногда думаю, лучше бы мне было родиться слепым.

Он расправил плечи и сунул дробовик под мышку:

— Удачи, приятель!

Я прошел по проходу вагона и подошел к Трейси. Ее вид меня сильно удручил, он впала в какое-то оцепенение. Однако то, что я увидел, выглянув в окно, заставило и меня замереть в ужасе при мысли о том, что меня ожидает в ближайшее время внутри вагона. Мы как раз проезжали станцию — сияющий остров в бесконечной ночи. Это было деревянное сооружение с островерхой крышей, освещаемое неестественно ярким белым светом, лившимся с верхушки шеста, что торчал над грузовой платформой. Позади платформы лежали ровные ряды человеческих фигур в сером, будто ряды мумий. Чуть позже поезд прогрохотал через заснеженный город, над круглыми каменными домами которого колыхались загадочные светящиеся надписи. Разобрать их мне не удалось. Потом тьму пронзили бесчисленные огоньки — мы проезжали мягкий участок дороги, стук колес ослабел и стал похож на шуршание тростника. словно мы шли на паруснике при сильном ветре вдоль усыпанных драгоценными камнями островов.

Я все больше и больше жалел, что рискнул направиться в Глори. всю жизнь я принимал неверные или слишком поспешные решения и хотя считал, что мне просто не везет в жизни, сейчас осознал, что это были проявления слабости характера... или, точнее, несформировавшегося сильного характера, — доставало сил, но собрать их воедино не удавалось. В результате я вечно перескакивал с одного занятия на другое, на все жизненные трудности ощетинивался, как дикая кошка, и самое странное, что до сих пор я этого не понимал. Может быть, это было просветление, которое, как говорил Коул, приходит ко всем проезжающим через Полосу, а может быть, я просто уже достиг самого дна, исчерпал все свои возможности и все, что мне осталось, это глазеть вверх, обдумывая, как же это я мог так низко пасть.

Первое время я старался внимательно следить за шведом и за Трейси, но потом слегка расслабился, решив, что Коул, должно быть, преувеличил опасность, чтобы я был настороже. Именно в этот момент швед вскочил, обхватил голову руками и издал дикий, ужасающий крик, как будто полдюжины глоток тянули одну мучительно низкую ноту. Мне показалось, что у него какие-то неестественно длинные пальцы, и тут я понял, что эти пальцы продолжают расти, обхватывая голову, как прутья птичьей клетки. При этом его лицо удлинялось и становилось карикатурой на его унылую физиономию в начале пути. Зрачки засветились, как два фонаря, на концах пальцев появились страшные когти, а белая кожа стала темной и шершавой, как у гигантской ящерицы. От ужаса я просто окаменел. Я был так потрясен, что не мог шевельнуть

даже пальцем.

Раздались крики ужаса, и пассажиры поползли через сиденья к центру вагона. Один из фермеров, толстый мордатый кретин в рабочем комбинезоне попытался поймать шведа, когда монстр проходил мимо его сиденья, но тот царапнул крючковатыми пальцами и вырвал кусок мяса из щеки фермера. Это вывело меня из оцепенения, я выхватил пистолет и выстрелил. Рукоятка будто вросла мне в ладонь, отдача тоже отозвалась живой мышечной реакцией. В тире со мной такого никогда не случалось. Пуля выбила фонтан крови из груди шведа и заставила его шарахнуться назад, однако он не упал, а снова двинулся вперед, издавая свои ужасающие крики. Следующим выстрелом я выбил ему глаз, а еще одним раскрошил челюсть. Он рухнул на колени с залитым кровью лицом. Я выпустил еще три пули ему в грудь и, уже полуоглохший от грома выстрелов, разрядил пистолет в живот и в голову. Только тогда он упал и больше не двигался. От последнего выстрела его рубашка загорелась, веселые язычки пламени прыгали по тому, что совсем недавно было человеческим телом. Страшная кожа обуглилась и почернела. Кровь, лившаяся из живота, была багровой и более темной, чем остальная. Она густела на глазах, застывая кусками лилового желе.

В ту же секунду началась пальба в соседнем вагоне. Пассажиры в панике бросились в обратную сторону, но я заставил их вернуться, а потом приказал двум фермерам связать Трейси. У одного из них среди вещей был моток веревки. Трейси не противилась. Просто смотрела в окно вагона. Даже когда я спросил ее, как она себя чувствует, она не ответила. Похоже, она даже не услышала вопроса. Желваки ходили на ее лице, а глазницы чернели, как пулевые отверстия. Мне было больно смотреть на нее связанную, но я ее уже боялся. Перед глазами у меня стоял швед. Я не мог забыть, как он шел по проходу, разбрызгивая кровь и ярость. Мэри поймала мой взгляд и с ликующим видом принялась что-то чиркать в своем блокноте. Я почувствовал жгучее желание ее пристрелить, но духу не хватило.

По мере того как пальба в вагоне впереди нас разрасталась, фермеры постепенно перебирались в заднюю часть вагона. Поезд тащился еле-еле, с трудом преодолевая крутой подъем. В окне, сквозь черную тьму, были видны заснеженные сосны вершинах и над ними незнакомые, непривычные созвездия. Почти все пассажиры сидели, пялясь на собственные руки, и молчали. Наверное, они молились или просили, чтобы им улыбнулась удача. Я неотрывно смотрел на связанную Трейси. Мне было неясно, то ли мне было больно за нее, то ли за самого себя. Я страшно боялся навсегда потерять ее. Все то время, пока мы были вместе, мне удавалось убедить себя, что я, во всяком случае, хоть немного, но люблю ее, что любовь сидит во мне, скрытая за грубым фасадом моего характера. Однако сейчас я задумался, а что же такое я вообще называл любовью. Отсутствие проблем с сексом, близость жилетки, в которую всегда можно поплакать, детскую зависимость, острую потребность в другом человеке, некоторую возможность проявлять власть и полное отсутствие истинно мужских чувств? Казалось, я чувствую, как жизнь проносится мимо. Будто остался на полустанке, а жизнь, как скорый поезд, сверкнула в ночи, оставив за собой теплое дуновение, и все снова так, как было до его появления, и только теперь осознаешь, как многим можно было напитать свою жизнь, — приглядеться бы, заметить бы вовремя. И лишь в конце, если повезет, удастся измерить глубину

неудачи. Я услышал бормотание одного из фермеров:

— Господи, я все бы отдал...

А отдам ли я все, и если отдам, то в обмен на что? На неистовую решимость, на то, чтобы совесть моя больше не ослабляла мою волю? Вообще-то это не совсем то, чего должен был бы желать приличный человек, и, кроме того, даже если мне и удастся отбросить мораль, все равно мне не будет хватать того, что приходит с крупными опытами, того, что нельзя просто купить в магазине, как ружье или пару ботинок. Может быть, надо просто решиться полюбить, может, это просто достигается усилием воли, усилием, которого я никогда не решался сделать. Но я могу сделать это усилие сейчас, и поскольку это было скорее решением, чем выбором, я тут же, сидя на скамейке со скрещенными пальцами и посвистывая в пустоту, поклялся, что буду защищать Трейси, преступая, если потребуется, через все мои моральные нормы и правила.

Когда мы проехали примерно половину подъема, я заставил себя посмотреть, что с ней происходит. Она улыбалась. Улыбалась застывшей, безумной улыбкой, и черная струйка сочилась из уголка ее рта. Иногда она высовывала шершавый длинный алый язык и облизывала губы. Кожа ее стала очень белой и слегка припухшей. Под одеждой все время происходили странные колыхания, а когда она слегка шевелила пальцами, то казалось, что они или совсем лишены костей или имеют очень много суставов.

— О, Господи! — выдохнул я, отпрянув.

И Мэри тут же завизжала:

— Убей же ее ради бога!

Я вынул пистолет из кобуры и направил его в потолок. Кожа на моем лице напряглась, будто растянутая горячей сталью.

— С ней все в порядке, — сказал я.

Один из фермеров, здоровый седой мужчина в потертой вельветовой куртке, сказал:

— Я тебе сочувствую, парень, но сейчас не время рисковать.

Я снова посмотрел на Трейси. Мне как-то сразу вспомнились ее живость и ее упрямство, и тот взгляд, которым она смотрела, когда хотела меня, и я понял, что мне плевать на всех.

— Вы знаете, мистер, — сказал я ему. — Вы ведь тоже можете сейчас внезапно умереть. Мне совершенно ничего не стоит это обеспечить.

Другой фермер стал медленно подкрадываться ко мне сзади. Я резко обернулся и направил пистолет ему в лицо.

— Ну, давай, — сказал я. — Еще один шагок.

Моя растерянность перешла в ярость и я уже орал на них:

— Ну, вы, все! Давайте! Идите сюда и увидите, что вас здесь ждет! Ну же! Давайте! Чего вы стоите!

Они сгруппировались в кучу, как испуганные лошади, почувствовавшие дым лесного пожара. Седой фермер сказал:

— Успокойся, парень.

Я засмеялся ему в лицо и ткнул в дальний конец вагона:

— Быстро все перешли туда. И попробуйте только пальцем шевельнуть.

Я проводил их взглядом и сел на скамейку через проход от Трейси.

Ее глаза стали ярко желтыми, временами их закрывала прозрачная перепонка. От углов губ гусиными лапками разошлись складки. Все черты обострились, морщины резко углубились. Лицо казалось маской, готовой

рассыпаться на кусочки.

— Трейси! — позвал я. — Трейси! Ты меня слышишь?

Она издала kloкочущий горловой звук. Все тело ее колыхалось, веревки ослабевали. Ногти стали темно-синими. Как смерть. Это ее цвет — темно-синий. У меня перед глазами возникло видение. Это было, как вспышка: ее обнаженное тело в лунном свете среди скомканных простыней, молочная белизна ее груди и мягкая округлость живота, чистого, как весенний луг, спускающегося к темному треугольнику лобка. Я был совершенно опустошен, мысли, которые бродили у меня в голове, были как горький дым только что залитого костра. Я кожей чувствовал безмерную пустоту, через которую шел поезд, попрежнему преодолевая подъем, и мне безумно хотелось запрокинуть голову и завывать.

— Трейси. — Я было протянул руку, чтобы коснуться ее, но не смог заставить себя это сделать. Ее кожа, должно быть, была влажной, а на ощупь ее припухшее тело, наверно, было похоже на тело яблочного червя. Веревки все больше ослабевали, и я смотрел на это с ужасом. Я понимал, что лучше застрелить ее сейчас, чем ждать, пока она набросится на пассажиров.

Но я не мог заставить себя это сделать. Краем глаза я заметил какое-то движение: двое фермеров крались вдоль прохода. Я их миготом отправил к остальным, пустив пулю первому из них под ноги.

Следующая пойдет дюйма на три повыше, — сказал я.

Пожилая женщина вышла чуть вперед, простирая ко мне руки в мольбе:

— Не дай ей напасть на нас, — сказала она. — Пожалуйста... останови ее!

— Она правильно говорит! — завизжала Мэри.

Все пуговицы у ней на блузке поотлетали, дряблые груди вывалились наружу и колыхались, как два болезненно жирных животных.

— Ее нельзя оставлять в живых.

Фермеры выразили свое согласие дружным мычанием и двинулись на меня.

С их рыхлой кожей, желтеющей в электрическом свете, открытыми ртами и выпученными глазами они казались какими-то мерзко изменившимися. А может быть, так оно и было, может, они действительно изменились, ведь меняются по-разному.

— А ну, назад! — заорал я.

В этот момент распахнулась задняя дверь, в вагон ворвался ледяной ветер, и вошли беженцы. Их было всего трое. Мужчины — или что-то вроде мужчин — одетые в грубо сшитые шкуры. Вдруг стало очень холодно. Беженцы загораживали дверной проем, все остальные стояли лицом к ним, а позади — темнота и внезапно усилившийся стук колес. Но я чувствовал не только холод, но и какое-то странное покалывание в позвоночнике. По коже пошли мурашки, и я вспомнил, что Мэри говорила о той силе, которая чувствуется в беженцах. Один из них был горбун с тяжелой нижней челюстью. Мохнатые брови, большие мешки под глазами и крупные желтые обезьяньи зубы. Второй прятался за горбуном, а третий был здоровяк с серой кожей и странным, каким-то недоделанным лицом — провал рта и ровные круглые черные глаза, как отверстия, аккуратно прорезанные в грязной простыне. Его огромный череп был шишковат и лыс. Что-то в его облике мне казалось неуловимо знакомым. Попробуй я определить точнее, — слова «сила», «стойкость» и

«интеллект» тут подошли бы лучше прочих, именно эти качества угадывались в нем.

Он мне что-то сказал на нечеловеческом языке с хрустом и клацаньем, будто лошадь жевала яблоки. Думаю, что это был вопрос.

Не понимаю, почему я не последовал совету Коула и не начал стрелять сразу же. Наверное, я надеялся на здоровяка, наверное, в глубине души я чувствовал, что он имеет право на жизнь и не мне быть его судьей и палачом. Я подумал, что его вопрос подразумевал желание вести переговоры, означал, что он чего-то хочет от нас. Но я же не знал способа ему ответить.

— Быстро уберитесь отсюда, — сказал я. — И все будет в порядке.

Он опять что-то сказал. Кажется, о том же самом, но более выразительно. В его взгляде была просьба, — по крайней мере, мне так казалось. Когда я посмотрел ему в глаза, я почувствовал, — что-то меня с ним связывает, и то, что скрыто в их глубине, может вовсе и не быть враждебным.

Ближайший к нему дернулся, и он поднял руку, а затем снова произнес те же слова.

Я поднял пистолет и решительно сказал:

— Предупреждаю последний раз! Быстро вышли отсюда!

Здоровяк развел руками, показывая свою полную беспомощность, и, клянусь, мне показалось, что он улыбнулся. Хотя, может быть, он просто хотел меня испугать, показав зубы. Он сказал что-то горбуну и тот как-то странно, по-крабьему двинулся в мою сторону. После чего трое фермеров набросились на здоровяка, и у меня больше не осталось выбора.

Я стрелял без страха и жалости, лишь пистолет слегка вздрагивал в руке. Горбун растянулся на полу посреди прохода, пришлось всадить в него последние четыре пули. Пока я шарил по патронташу, пытаюсь перезарядить пистолет, здоровяк свалил на пол Мэри, отшвырнув к стене одного из фермеров и расквасив другому физиономию кулаком размером с пушечное ядро. Он склонился над Мэри, которая громко стонала и пыталась приподняться. Наконец, я перезарядил пистолет и начал стрелять. Три пули оставили вмятины в его голове, но отскочили от кости. Я выстрелил ему в спину. Пуля вошла в тело, но это не произвело эффекта.

— Горло! Целься ему в горло! — крикнул кто-то, когда здоровяк повернулся ко мне; ручейки крови струились по его лицу и окрашивали в розовый цвет обнажившиеся в гримасе зубы.

Я сделал так, как мне велели, и здоровяк осел на колени, схватившись за горло, темная кровь фонтаном забила между пальцами. Он все пытался говорить, не сводя с меня еще живых глаз, но захлебнулся кровью, рухнул вперед, подогнув сведенную судорогой ногу и затих. Пороховой дым повис в воздухе, колеса громко и безжалостно выстукивали ритм. Голова болела, болело сердце. Борясь с тошнотой, я стал искать глазами третьего беженца. Мэри села, изумленно уставясь на тела в лужах крови. Остальные фермеры сгрудились сзади. Третьего беженца не было видно.

Затем послышался голос, тот же, который советовал целиться в горло.

— Не стреляй, — сказал он. — Я не причиню никому вреда.

— Встань, — сказал я, целясь в сиденье где-то почти в конце вагона, откуда, как мне показалось, доносился голос.

— Клянусь, я никому не причиню вреда. Разве я не помог вам? Разве это не доказывает, что я на вашей стороне?

Пожилая женщина в капоре, забрызганном кровью, подняла руку и указала назад, за сиденье, в которое я целился.

— Он здесь! — сказала она дрожащим голосом. — Здесь... здесь он!

— Господи! Как Вы не понимаете? — скороговоркой произнес человек. — Я с вами. Те, другие, они... сумасшедшие; этот ад теперь их дом. Им нужно было забраться в вагон, чтобы расправиться с вами. Но я, я почти не изменился. Я не собирался делать ничего плохого; с остальными пошел, чтобы попасть в поезд, я хотел их перехитрить. Пожалуйста! Я просто хочу жить!

Пока он болтал, вид мертвых тел, запах пороха, крови в дымном желтом воздухе постепенно проникали в мое сознание. Поразительно, с какой легкостью я обращался с оружием и убивал. А это совсем не в моем характере. Мне подумалось, что если сейчас посмотреть в зеркало, на меня оттуда глянут черные глаза Коула со зрачками в форме пентаграммы. Мне захотелось снова вернуться в свою старую трусливую шкуру.

— Встань, — повторил я. — Руки повыше и без глупостей. Я не буду стрелять.

Секунду спустя он подчинился. Это оказалось маленькое тщедушное создание, которому не доставало нескольких дюймов до пяти футов, с лохматой шапкой седеющих черных волос и помятым лицом цвета несвежей салфетки, морщинистым, как косточка от персика. Сперва я подумал, что он старик, но потом понял, что ошибся — у него были руки молодого человека, упругая гладкая шея. И то, что я принял за морщины, оказалось на самом деле толстыми венами, темневшими на фоне кожи. Мне подумалось, что в таком виде среди людей ему делать нечего.

— Не доверяй ему, — сказал фермер, и Мэри добавила:

— Никогда не знаешь, чего от них ждать. Самые невинные на вид могут оказаться самыми опасными.

Я не доверял ему — он подставил своих компаньонов, с отчаяния или по другой причине, и пусть даже они чудовищны, предательство есть предательство.

И кроме того, я не был убежден, что верю его болтовне насчет враждебных намерений верзилы.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Господи, — давно уже никто не спрашивал моего имени, — ответил он сдавленным голосом. Я жил с этими скотами, притворяясь одним из них... — Помолчав, он собрался с силами и продолжил. — Меня зовут Джимми Крисп. Я держал ранчо в Глори, пока этот подонок, который украл мою землю, не связал меня и, засунув в машину, не отправил катиться в Полосу. Это было шесть лет назад... Шесть проклятых лет.

Двое фермеров убеждали меня убить его, но я велел им заткнуться. И тут у Мэри отвалилась челюсть, она попятилась, уставясь на что-то позади меня. Другие смотрели туда же, и я, обернувшись, успел заметить, как какое-то тощее существо шмыгнуло через проход и исчезло за сиденьем. Выстрелив в сиденье, я услышал крик, резкий, подобный птичьему, но гораздо пронзительней. И я понял, что стрелял в Трейси — в голосе слышались та же боль и разочарование, которые я чувствовал в ней с момента нашего знакомства. Я выстрелил туда еще раз, не желая видеть происшедших с ней изменений.

Новый крик пронзил меня насквозь, и тут кто-то схватил меня за руку, не дав выстрелить в третий раз. Джимми Крисп. Пассажиры кричали, чтобы я стрелял, но Крисп, чье лицо вблизи более походило на усохшее подгнившее яблоко, сказал:

— Она не причинит вам вреда. Теперь это зверек, из тех, что живут в лесах и никогда не выходят к людям. Они мирные и хотят только, чтобы их оставили в покое.

Казалось странным, что он позабыл про опасность, которой подвергался сам, и принялся защищать ее. Я подумал, что он старается понравиться нам.

Остальные продолжали нудить. Мэри, громче всех торопила меня исполнить свою обязанность. Обязанность! Я не напрашивался на эту работу и не чувствовал к ним ничего, кроме отвращения. Я уже хотел было сказать им пару слов, но Крисп опередил меня:

— Вы, тупые подонки! Вам хочется уничтожить все, что приходит из Полосы. Растоптать на месте. Но знаете, кого вы убиваете? По большей части это люди, у которых были семьи... друзья, сестры, близкие. Люди, глупые, как вы, или грешные, как я. Да, человек там жить не может. Но это все равно жизнь, и вы не можете отказывать в праве жить тем, кому только и осталась такая жизнь.

Речь его произвела впечатление; но потом существо за сиденьем — я не мог назвать его Трейси — снова зануло, и они опять затянули свое.

Мэри выступила вперед:

— Если ты не прикончишь ее, это сделает Коул. — Не получив ответа, она двинулась по проходу. — Я приведу Коула!

Я направил пистолет ей прямо в жирное брюхо и взвел курок.

— Черта с два.

В тусклом больничном свете ее одутловатое лицо с кислым выражением и фингалом под глазом проступало кошмарным видением; в его мерзких чертах было еще меньше человеческого, чем в лице Криспа. Она уставилась на меня, поджав губы и прищулив глаза, и завопила:

— Помогите! Убивают! Коул, на помощь!

Позади послышалась возня. Существо, очевидно напуганное воплями Мэри, подпрыгивало и, вертясь как хореk, царапалось в окна. Через прорехи в платье Трейси я увидел, что ее тело больше не было гладким — сплошные упругие мускулы, а кожа потемнела до цвета полуночной синевы. Лицо тоже потемнело, хотя и не до такой степени, и как-то упростилось — в нем появилось что-то от кошачьих, но вместе с тем и от рептилий: рот тоньше, шире, нос — пара изогнутых щелочек. Но глаза, огромные, желтые, светящиеся как кристалл — в них была боль, которая слышалась в ее крике. И в очертаниях лица, той малой толике, что осталась от него, я еще мог видеть тревожную красоту Трейси. Было жутко обнаружить ее в этом создании. Я почувствовал дурноту, рука с пистолетом дрожала. Я хотел свершить чудо, вернуть ей прежний облик. И в то же время хотел освободить ее. Мне подумалось, это лучшее, на что она могла надеяться: не пытаться больше со мной счастья, а измениться безвозвратно, чтобы уйти от себя в мир простых успехов и неудач, простых радостей и горестей, где можно всегда действовать по своему выбору. Быть может, я пытался оправдать ошибку, которую совершил, взяв ее с собой, но так или иначе, эта идея крепко засела у меня в голове.

Крики прекратились. Глянув назад, я обнаружил, что Мэри рухнула на одно из сидений, новый синяк красовался над ее левым глазом; Крисп

стоял над ней, изрыгая проклятия. Фермеры соблюдали дистанцию. Я перевел взгляд на существо. Оно повернулось ко мне, издав отчаянное шипение. Я подумал, что если не дать ему сейчас выбраться, оно решит, что единственная возможность выжить — напасть на нас. И тогда придется убить его.

Поезд выпускал пар, достигнув самого крутого участка подъема, и я подошел к окну, готовясь выбить его рукояткой пистолета, думая о том, что смог бы убедить существо выпрыгнуть в проделанную дыру. Но едва я занес руку, дверь распахнулась и вошел Коул. Вид у него был не самый лучший, черная рубашка разорвана. Он захватил дробовик, чтобы завершить дело. Я направил пистолет ему в грудь.

— Если ты застрелишь ее — ты мертвец, — сказал я, пытаюсь придать взгляду твердость, которую Коул ощутил бы там, в двадцати футах от меня.

— Не сходи с ума, дружище. Она теперь никто для тебя. Когда идут разборки с пальбой, не нужно вмешиваться. Мексиканское правило.

— Меня сейчас волнует только, чтобы ты был на мушке. Так что если ты готов умереть...

— О, я-то готов, уже много лет. А ты?

Я заметил, как напряглись мускулы на его шее и плечах: он готовился сделать ход. Мне почудилось, что в тусклом желтом воздухе запахло озоном... или это просто был медный запах крови, подсыхающей на полу.

— Опусти ружье, — сказал я. — Сейчас же.

— Слушай, сынок, — ответил он ровным спокойным голосом, — я дам тебе шанс, потому что ты оказал мне услугу. От твоей женщины не осталось ничего. А ты пытаешься сделать еще хуже для всех... и для нее в том числе.

Коул был слеп — я это сейчас понял. Он слишком долго занимался этой работой, действовал по правилам, которые составил для себя много лет назад и был теперь неспособен оценить ситуацию. Каждый шрам и морщинка на его выдавшем виды лице говорили об упрямстве и нестигаемых принципах. Он, по его словам, видел слишком много, чтобы хотеть увидеть что-либо еще, и просто перестал замечать вещи, требующие другого подхода. Но мое зрение было ясным и четким. Я заметил, как сузились его зловещие зрачки, их форма изменялась, как очертания мастей в волшебной колоде карт — от червей к пикам, еще более зловещей форме, и я знал, что он попытается меня достать, другой возможности у него нет.

— О, черт! — крикнул я. — Беженцы!

Его глаза метнулись в сторону и я, чуть опустив руку, выстрелил. Пуля попала в бедро, отбросив его к стене; дробовик разрядился в потолок, существо бросилось к двери, протиснулось наружу и исчезло. Я выскочил за ним в тамбур. Поезд полз как черепаха, и я долго провожал взглядом ту, которую слишком поздно научился любить.

Земля резко уходила вниз от полотна дороги. Заснеженный бугристый склон, залитый лунным светом, порос хвойным лесом, а дальше, насколько хватало глаз, раскинулась равнина. Такие места могут явиться только в воображении, если пожевать побеги кактуса, которые индейцы продают на мексиканском базаре. Мерцающие во тьме цветными переливами длинные мысы загнутыми пиками уходили в воду тусклого серебряного блеска: это величественная река несла свои воды сквозь край

девственных лесов и одиноких поселений, вихри огненных вспышек, замкнутых в мрачную дугу сердца Полосы. Неведомо откуда взлетали ввысь фонтаны света; все бесконечное небо было столь испещренно звездами, что само уже казалось ожившим олицетворением глубочайших чувств. На островках тени мигали колдовские огоньки. Светящиеся пятна загорались и гасли вдалеке, как зарождающиеся миры; тени, лишенные источника, пробегали по воде. Молнии, касаясь земли, посылали по ней расходящиеся волны света. Неизъяснимо притягательно, все вокруг наполнилось угрозой и одновременно вселяло безмятежность, сулило откровение или смерть. Беспредельное многообразие таинственных знаков, бесконечная переменчивость. И навстречу всей этой божественной круговерти, безмолвному смятению бежала по снегу Трейси. Я вдруг принял ее такой, какой она стала, потому что выпустил ее, позволил ей уйти, и еще потому, что Полоса перестала представляться мне адом: враждебная и отталкивающая для большинства людей, она была единственным домом, способным одарить так, как и не снилось в моем мире. Добро и зло четче отграничивались друг от друга, и было какое-то величие в свободе и дикости этого края, в бесконечных безлюдных просторах, в ощущении, что, какова бы не была твоя судьба, она определяется твоими деяниями, а не природной слабостью, помноженной на ложь. Я чувствовал что-то от той свободы и неукротимости в человеке с серой кожей, которого я убил, хотя в тот момент еще не мог облечь это чувство в слова. Я был уверен, что ему требовалось нечто большее, чем наши жизни, но что — открыть мне он не сумел. Да, сказать по правде, в том столкновении я и не мог понять его. Но сейчас, видя более ясно, чем когда-либо прежде, я осознал, что между нами могла установиться связь, которая бы предотвратила смерть. А Крисп и другие беженцы, возвращавшиеся в мир? Полуизмененные люди, непригодные для жизни в где бы то ни было, несовместимые с любым из миров. И Крисп говорил о том же, защищая Трейси, — а он нутром это чувал. Мне подумалось, что и сам я такой же. Рожденный жить вовсе не там, где оказался. На дюйм пролетевший мимо счастья. Вернее, не счастья — в него я не верил больше. А силы, постоянства.

Размышляя обо всем этом, я наблюдал, как удаляется тоненькая фигурка, растворяясь в снежном просторе. Будто смотришь, как горящая спичка, накрытая листом белой бумаги, прожигает в листе дыру, только в обратной последовательности — дыра уменьшается и, наконец, исчезает. Пока темная точка не исчезла в тени деревьев, я не чувствовал, что потерял Трейси. Но боль потери не рвала душу на части. То, что я ощутил, было мягче и более точно выражается словом *dolor*, — так называют это мексиканцы, — склоненная голова, сладкая мгла на сердце, светлая боль, озаряющая созданный ею мрак. И тут я понял, что потерял Трейси давно, но лишь в это мгновение начал тосковать по ней.

В конце концов, я вернулся в вагон, дрожа от холода. Моя пуля оставила глубокую ссадину на бедре, не причинив, однако, Коулу серьезного вреда. Пожилая леди перевязала его, и он сидел на полу немного бледный, но разговорчивый. В руке у него была кварта эмерсоновского бурбона. Он глянул на меня и с сожалением покачал головой.

— Дурак чертов, — сказал он без угрозы, просто констатируя факт. — Но ты и крепок, должен признаться.

Я плюхнулся рядом с ним.

— Зря ты хотел убить ее. Неужели не ясно?

Но я понял, что ему это безразлично.

— Надо бы запереть тебя, — сказал он. — Может, поумнел бы.

— Я буду свидетельствовать против него, — сказала Мэри. — Можешь на это рассчитывать, Коул.

Она снова устроилась на сиденье. Они все — и фермеры и пожилая леди — сидели в тех же положениях, которые приняли в начале поездки. Будто ничего не произошло. Только Крисп, качавшийся взад-вперед, зарывшись своим гротескным лицом в ладони, казалось, помнил о том, как туго нам пришлось. Он говорил сам с собой, очень взволнованно, но неразборчиво, время от времени топал ногой и хлопал себя по бедру, будто в наказание. У меня не было ни сил, ни слов, чтобы утешать его.

— Если ты не выдвинешь обвинений, — сказала Мэри, глядя в ручное зеркальце и припудривая синяки, — это сделаю я. Меня еще никто не оскорблял так, как во время этой поездки.

— Успокойся, Мэри, — тихо сказал Коул, поежился и вздрогнул.

— Мне очень жаль, — я кивнул на его бедро.

Он ухмыльнулся.

— Бывало и похуже. Зарастет.

— Потрясающе, — сказал я ему. — Если бы все так реагировали, когда в них палят, я пострелял бы побольше в свое время.

Он улыбнулся.

— Так и бывает. Иногда ты кусаешь тигра, иногда он тебя.

— Ну и ладно, — сказал я.

Мэри ошеломленно уставилась на нас.

— Но ты же не сможешь просто забыть, а, Коул? Он же совершил тяжкое преступление!

— Разберемся, — ответил Коул. — Но говоря по правде, ничего не изменишь, даже посадив этого парня. Я думаю, он мне еще пригодится на маршруте.

— Что-то меня не тянет, — сказал я. — Во всяком случае, уж это *твои* проблемы.

Он с одобрением посмотрел на меня.

— Может, ты и прав. Но в следующий раз, когда вернешься в Полосу, тебе не так повезет с изменениями.

Мы достигли высшей точки подъема и начали спуск, с каждой секундой набирая скорость. Я глянул в окно на простор равнины, сверкающую воду и темные гребни; мне показалось, что все пространство образует единый сказочный образ, как символ в древнем манускрипте или знак на карте сокровищ. Я подумал, что там должно быть настоящее сокровище. Множество мест, где стоит бывать, миллионы возможностей, которые стоит испытать. Я представил Трейси где-нибудь там, спящую в тени; сном стала теперь прежняя ее жизнь.

— Не могу в это поверить, — сказала Мэри. — Он всадил в тебя пулю, а ты предлагаешь ему работу?

Коул подмигнул мне.

— Охота тебе ковыряться, Мэри, — ковырай у себя в носу, а не в том, какие у меня друзья.

— Но он чуть не убил нас! Я не могу смотреть, как он расхаживает на свободе!

С нечленораздельным воплем Крисп вдруг вскочил и закружился на месте, ища к кому обратиться.

— Вот там в Полосе есть место, — начал он наконец тоном проповедника, — которое могут вынести только самые худшие из них. Настоящие монстры, которым что родить, что убил ребенка — все едино. Ад по сравнению с этим местом покажется воскресной школой. Огонь там не согревает — только бросает тени и ослепляет глаза, снег — скопище белых насекомых, дождь состоит из прозрачных бритв.

Он быстро шагнул Мэри за спину, нож скользнул из его рукава, и он приставил его к горлу Мэри.

— Я тебя, свинья, сейчас вышвырну туда, самое тебе там место.

Он поднял ее на ноги и дико глянул на меня.

— Не вздумай меня останавливать! Я прирежу ее!

Я осторожно наблюдал за ним. Как бы ни хотелось увидеть Мэри вышвырнутой в Полосу, странное дело, я не мог позволить Криспу сделать это.

— Сядь, — сказал я ему, — никому от этого лучше не станет.

Мэри скосила глаза вниз, на нож. Я вскочил на ноги. Крисп кольнул ее. Мэри пискнула и стала сползать вниз.

— Назад! — предупреждая крикнул он мне.

— Слушай, я не буду вмешиваться, — сказал я. Хочу только задать пару вопросов... Хорошо?

Это его насторожило, но он все же согласился:

— Да, конечно.

— Те, что пришли с тобой, хотели убить нас. Но верзила просил нас о чем-то. То есть не просто вошел и начал крушить кости. Чего он просил?

— Я не знаю.

Но ты сказал, что притворялся одним из них. Ты должен знать их язык.

Он открыл рот, снова закрыл, явно смущенный.

Я поразмыслил об этой женщине, которую ты схватил. Почему она такая подлая. Я так понимаю, что она боится самой себя, ненавидит себя за то, что она такая жирная и никому не нужная. Все, что ей остается делать, это раскатывать на этом чертовом поезде туда и обратно. Но она не может ненавидеть себя с достаточной силой, поэтому переносит ненависть на других. По сути, до нас ей дела нет. А себе навредить — духа не хватает. Понимаешь меня?

— Да ты совсем спятил. — Крисп неуверенно оглядел остальных, ища поддержки. — Чего ты добиваешься?

— Итак, ты забрался в вагон с двумя другими и выдал их нам. Ты сказал нам, что всегда планировал сделать это, что просто ловчил. Они, сказал ты, собирались нас прикончить. Но ты и их обманул — ты боялся.

— А чего ты хотел? Чтобы я позволил им убить вас?

— Ты бы сделал все что угодно, лишь бы выбраться из Полосы. Ты был другой, не из них. Ты так стремился вырваться, что ни о чем другом и думать не мог от страха. Но оставшись с нами, ты почувствовал, что и к нам ты не принадлежишь, что остался чужим. Нас ты тоже боялся. А чтобы доказать, что ты с нами, ты помог нам, предав тех, с кем пришел, чтобы спасти наши жизни. Как ты сказал «...просто ловчил».

— Нет, — сказал Крисп, — это не так.

— И ты стал себя ненавидеть за предательство, но поскольку ты не можешь достаточно возненавидеть себя, ты выбрал Мэри. Ненавидеть легко, но если разобраться, то, что делает она, ничем не отличается от того, что сделал ты, не так ли?

Крисп обмяк. Он выглядел побежденным.

— Ты еще не понял, — спросил я, — что нигде в этом мире не будешь чувствовать себя как дома? А если ты убьешь эту жалкую женщину, очень похожую на тебя, будет только хуже.

— Пусть так!

— О чем просил верзила?

— Ни о чем... я не знаю.

— Что он просил?

Крисп заорал:

— Я не знаю!

— Что ему было нужно? Пища, да? Лекарства? Топливо?

Он резко качнул головой, будто пытаюсь избавиться от какой-то мысли; казалось, он не может решить, улыбнуться ли ему мне или зарычать. Его голова, похожая на фонарь из гнилой тыквы, мотнулась так, что едва не слетела с шеи.

— Можешь не говорить, — сказал я. — Не знаю, чего он хотел, но уж точно не кровопролития.

У Криспа вырвался ужасный стон, полный боли и отвращения.

— Помощи, вот чего он хотел, — сказал я. — Он не слишком верил в успех, но все же попросил о чем-то, надеясь, что у меня хватит ума понять его.

Коротышка оттолкнул Мэри и с искаженным лицом повернулся ко мне, раскачиваясь в такт неровному движению поезда, выставив перед собой нож.

Я спокойно и размеренно сказал:

— И это тебе не поможет.

Он замахнулся на меня ножом, в его помятом неуверенном лице читалась готовность нанести удар. Как и я чуть раньше, он утратил осторожность.

— Что бы ты не совершил, твои поступки ничуть не хуже наших. Все мы состоим из добра и зла. Ты, может быть, плохо обошелся со своими компаньонами, но зато спас одну жизнь в этом вагоне. Никто тут не собирается тебя обвинять. Но нельзя убивать людей просто из-за того, что у тебя паршиво на душе. Подумай об этом.

Казалось, он в самом деле задумался, но в голове у него слишком все перемешалось, слишком много он пережил, чтобы нормально соображать. Я чуть расслабился, надеясь на его разум. И тут он кинулся. Я не успел среагировать и принял удар предплечьем. Скрипнул зубами от боли и попытался схватить, но он вырвался и кинулся к двери. Он стоял между вагонами — бледная тень Криспа у поручня. Поезд летел во весь опор, я понял намерения Крепа и знал, что у него нет ни единого шанса. Но поскольку я больше не был за него в ответе, то лишь наблюдал и ждал. Он помедлил, бросив взгляд назад в наш вагон. Я почувствовал его тоску, тяжесть боли, все разрушительное действие того, что он узнал о себе. Потом он перемахнул через поручень и исчез в черноте ночи. Если он и кричал, то крик его потерялся в грохоте нашего поезда.

Я уныло уселся возле Коула, не обращая внимания на шум в конце вагона. Мэри рыдала, фермеры говорили все разом.

— Не очень ладно теперь у тебя вышло, — Коул передал мне бурбон.

Я сделал глоток и начал перевязывать руку.

— Ничуть не хуже, чем у тебя со мной, — сказал я ему.

Мы въезжали в густой лес, и все, что я мог увидеть на великой

равнине сквозь зазубренные силуэты елей, — неровное поблескивание серебристой воды и неземной огонь. Я закончил перевязку, хлебнул еще немного и откинулся назад.

— Теперь все будет в порядке? — спросил я. — Мы выбрались?

Коул сказал:

— Похоже на то, — и забрал свой бурбон.

Спустя некоторое время он поинтересовался, что я собираюсь делать дальше.

Я засмеялся:

— Я все-таки намерен достичь Глори.

Он уклончиво хмыкнул и хлебнул из бутылки.

— Ничего себе поездочка, — сказал я.

Я глянул вдоль вагона на засохшую кровь и фермеров, на Мэри, огромную, расстроенную, закутавшуюся в пальто. Несмотря ни на что, я не чувствовал к ней ненависти. Все мои чувства сгорели, душа была гулкой и пустой. Я дрожал, но не от холода. Это меня покидали последние остатки эмоций.

«Трейси» — подумал я, но даже это не вызвало никаких чувств.

— Что теперь делать? — спросил я. Что нам остается?

— Развернуться и ехать обратно — все, что я могу предложить, — сказал Коул.

Я снял комнату в Глори. Она была крошечная, скособоченная, с покатыми стенами и потолком, холодная как могила. Из окна я видел ветхие здания, неровные дороги, покрытые ледяной коркой. Днем колдобины прорезали следы полозьев; женщины в шерстяных платках и длинных юбках спешили мимо; мужчины поднимали и сгружали бочки с гвоздями, тюки соломы и мешки с зерном, сидели в салунах за выпивкой; дети гонялись друг за другом, ныряя под лошадьми и фургонами и швыряясь снежками. Ночи... в них была какая-то дикость — тихая музыка, выстрелы, женские крики — но не так как в Белом Орле. Пробыв здесь несколько дней, я понял, что любой город, который я знал, можно назвать Глори — так они все были похожи.

Тут, конечно, были беженцы. Они спали в проходах и подъездах — везде, лишь бы было потемнее, это давало шанс провести ночь без побоев. Никто не желал, чтобы они здесь ошивались, со своими причудами и физическими уродствами, но их терпели, — наверное, так проявлялись у здешних христианские позывы. Я сидел у окна, наблюдал, как они снуют взад-вперед, и удивлялся, почему я не один из них. Я не стал утруждать себя поисками друзей, чтобы занять у них денег. Это был наш с Трейси план, но даже будь она здесь, я не стал бы этим заниматься. Я изменился, все мои прежние представления потеряли смысл. Вместо этого я устроился в салун разнорабочим. Денег вполне хватало на еду и кров, а также и на то, чтобы время от времени приводить женщину в свою комнатенку. Женщины делали меня счастливым, но ненадолго. Как только они уходили, я не зажигая света становился у окна и подглядывал, как течет жизнь. Я представлял себе тысячи вещей, которых бы желал, но ничем не хотелось мне обладать так, чтобы схватить, откусить кусок и смеяться от радости утоленного желания. Я был пуст, как в начале путешествия из Белого Орла. Глядя на себя в зеркало, я видел человека, бегущего от самого себя, в котором росли боль и слабость.

Прошла весна, умерло лето, отгорела осень. Я выиграл в покер коня

непристойно-коричневого цвета с больными суставами и ужасным норовом, — и держал-то я его только потому, что был не в том положении, чтобы от чего-то отказываться. Я ненавидел этого жеребца, и скорее согласился бы жить вместе со скунсом, чем хоть раз оседлать его.

Но, однажды утром я понял, что слишком ослаб, да и комнату свою больше не могу терпеть. Она провоняла перегаром, серостью бессилия. Я решил покончить с прошлым, с охватившей меня апатией. Собрал вещи, оседлал своего жеребца и двинулся на восток, в Стедли, полагая, что начну все сначала на новом месте. Но поездка сама по себе оказалась живительное действие. Воздух был так свеж, что проникал в легкие холодным огнем, небо — такой густой голубизны, какую можно было встретить лишь в начале мироздания, впереди, к северу, виднелись снежные горы. Я-то собирался совершить что-нибудь душеспасительное, чтобы вновь обрести перспективу в жизни. Но перспектива открылась сразу, как только я покинул Глори. Я почувствовал, как возвращаются чувства, которые в чистоте своей казались воплощением идеального неба, сверкающих гор и импульсов, идущих от земли — колоссальный поток в направлении на восток, усиливающийся и затухающий с плавностью океанских валов. Тело мое стало чистым, разум освободился от тревог. Даже у коня норов стал мягче.

Полтора дня спустя, когда вдали замаячили дома Стедли — кучка обшарпанных строений, отличавшихся от Глори только размерами и степенью убожества, — я еще не был готов завершить свое путешествие и решил проехать чуть дальше и разбить лагерь к востоку от города.

Погода испортилась, небо стало серым, повалили жирные белые хлопья. Но, достигнув холмов, я все еще хотел ехать дальше, и, когда опустились сумерки, я сказал себе, что проеду еще несколько миль поближе — но не слишком близко — к краю Полосы. Я въехал в хвойный лес, начинавшийся за железнодорожным полотном, окаймленным высокими сугробами — снег падал всю неделю, обретая покой среди темных деревьев. Крошечные птицы с белыми грудками и в черных шапочках возбужденно сновали среди ветвей как блохи. Это напоминало сумятицу моих мыслей в последнее время. Ветер вздымал поземку с наста и уносил ее прозрачными сверкающими шарфами. Тяжелые, укрытые снегом, лапы елей едва подрагивали под ветром.

Я собирался подыскать место для лагеря, когда услышал гудок приближающегося поезда со стороны Стедли и увидел клубы дыма над верхушками деревьев. Минутой позже из-за поворота показался локомотив. Искры летели из его трубы, и весь он был, будто огромный черный зверь из преисподней. Его обитая медью решетка сияла в угасающем свете как золотые зубы. Поезд шел в гору, замедлив ход, и я пустил коня рысью вдоль состава, заглядывая в окна, в испуганные лица пассажиров. Тут человек с дробовиком, стоявший на площадке между вагонами, крикнул мне посторониться. Коул. Даже с такого расстояния я ясно видел выражение его глаз с их причудливыми черными зрачками.

— Эй, Коул! — крикнул я. — Ты не узнал меня?

Он глянул на меня и нагнулся вперед, опершись о поручень.

— Не тот ли ты парень, который продырявил мне бедро?

Я помахал рукой.

— Как ты?

— Терпимо... а ты?

— Черт! Лучше просто не бывает.

И что странно, я действительно верил в это.

— Ты, черт возьми, соображаешь, куда едешь? — прокричал Коул, когда поезд начал набирать ход. — Мы почти в Полосе.

— Именно туда я и направляюсь!

Его предупреждение не произвело на меня впечатления... во всяком случае, такого, как я мог ожидать. Я чувствовал себя возбужденным, живым, чувствовал, что мне брошен вызов. Я пустил коня в галоп по глубокому рыхлому снегу и был удивлен легкостью, с которой мой конь мне подчинялся.

— Ты спятил! Вспомни, что я говорил. На этот раз тебе так не повезет с изменениями.

Я засмеялся.

— Только не говори мне, что тебе самому никогда не хотелось попасть туда и разузнать, что там. Со стороны этого не увидишь.

Он кивнул.

— Хотелось пару раз.

— Тогда пошли со мной! — я пришпорил коня. — Нас будет двое! Чудовища попрячутся в норы, и мы спасем принцессу из башни, мы сможем.

Он просто смотрел на меня и улыбался.

— Пошли! — кричал я. — Чего ты теряешь? Мы будем королями в этой чертовой дыре! Давай со мной!

И я верил, что мы увидим все чудеса Полосы и ее загадки, пройдем и свет, и мрак — и выйдем победителями. Это чувство вело меня вперед.

Клуб дыма повис между нами, а когда он растаял, Коул крикнул:

— А уж это *твои* проблемы!

Поезд начал удаляться от меня, приближаясь к следующему повороту, и когда он начал поворачивать, Коул крикнул:

— Удачи тебе!

— К черту удачу! — сказал я ему. — У меня внутри тикают специальные лунные часы. Я — часть бесконечного проекта. Во мне больше огня, чем в твоём старом движке. Зачем же мне удача?

— И все же, удачи! — крикнул он, тряхнув ружьем на прощание.

Поезд скрылся за поворотом, и больше я Коула не видел.

Я-то думал, что просто бахвалюсь, и как только Коул исчезнет из виду, я натяну поводья и стану искать место для ночлега, но вместо этого пришпорил коня. Да он и не нуждался в понукании. Это уже был не конь, а огромная темная машина с окутанным клубами пара сердцем, несущая вперед и помогающая не отказываться от решения, принятого, как я понял, задолго до того, как я покинул Глори. Я вспомнил Трейси, бегущую к лесу. Тогда я еще подумал, что она спасается от опасности. Но теперь разум подсказывал, что она спешила навстречу радости жизни, влекомая теми же светлыми мыслями, которые толкали меня вперед. В моих действиях не было ни логики, ни смысла, ни плана. Я был свободен от всего этого, свободен от оков, о которых даже не подозревал. Препятствия казались столь ничтожными, что я не замечал их. Я мчался так, как это возможно лишь в детстве — испытывая восторг от движения, подчиняясь пьянящему чувству свободы. Ветер — огонь за моей спиной, снежная пыль, подхваченная ветром — призраки, темные деревья — башни старого замка. Возможно, я летел навстречу смерти, но это не вызывало ужаса. Я ушел от смерти куда более страшной, чем любая из ждущих меня впереди. Паралич страха, извращенные мечты, отравляющие душу.

Больше им меня не достать. Я должен использовать свой шанс. Смерть ждала, никакого сомнения, но я покончил с нытьем, с увертками и ложью, с попытками смягчить удары судьбы, ухватившись за юбку несчастливой женщины.

Непостижимо, но мы незаметно нагоняли поезд. Мой конь был настоящим чудом. Каждый шаг переносил нас на немыслимое расстояние. Я не мог видеть его морды, но знал, как он изменился. Глаза сверкали, как фонарь шахтера, зубы угрожающе заострились, подковы высекали искры из камней. Чувствовал я изменения и в себе самом, пусть не совсем в ту сторону, что я желал бы, имей я возможность выбора, но я не страшился этих изменений, они отвечали тому, что таилось в глубине души. Сердце мое яростно колотилось, разум переполняли невозможные желания, руки превратились в орудие любви и убийства — никаких полутонов. Я прищипорил коня, и мы поравнялись с последним вагоном. Заглянув в окно, я увидел хорошенькую женщину в синем платье. Я уставился на ее грудь, рот мой увлажнился, по телу прошла волна желания. Женщина отпрянула назад, испуганная и бледная, зажав рот рукой. Бог знает, какое зрелище являл я ныне собой. Я захохотал, и смех мой был созвучен воющему ветру. В том смехе слышалась злая радость. Прежде от подобного звука у меня пересохло бы во рту и затряслись поджилки. Теперь мне нравилось слышать его. Это был сигнал к началу новой жизни. Я уже собирался влезть в вагон, чтобы овладеть этой женщиной, но к чему, когда передо мной уже лежала вся бескрайняя сверкающая равнина. Туда, на север, я и направил своего коня, пробиваясь через хвойный лес, ломая сучья руками, налившимися чудовищной силой, вздымая тучи снега позади себя, по направлению к Глори, — всегда, навсегда, навечно обретя славу, единственную славу для того, кому тесно в привычном мире. Я несея туда, сокрушая все преграды и презрев жестокие мечты, срывая завесы с тайн, — туда, к беспредельной любви и власти.

Первый рассказ Дейла Бейли «Машина Эйдельмана ». был опубликован в июльском F&SF за 1993 г. В основу второго рассказа, «Тронутый», легли воспоминания о собственном детстве писателя.

«Я родился на юге Западной Вирджинии, — пишет автор, — там и живу. Когда я был подростком, меня страшно интересовала борьба, разворачивавшаяся вокруг тамошних шахт в начале двадцатых. Ее организатором стал профсоюз шахтеров Америки... Мне давно хотелось написать рассказ из жизни тех шахтеров, но я не представлял, как за него взяться, пока в моей памяти не всплыло старое аппалачское поверье о том, что умственно отсталые дети обладают каким-то даром, компенсирующим их неполноценность .»

Дейл Бейли Тронутый⁹

О, мама, вырывается снова. О, мама.

В груди ноет тупая, непрекращающаяся боль, но стонешь потихоньку — вдруг мать заметит. Мама хочет, чтобы ты умер.

Она общается в основном с Кейдом, когда он дома. Ну и, конечно, с

отцом, а иногда даже с бабушкой.

Бабушка раскачивается в кресле-качалке возле печки, приговаривая:
— Он дурачок. Тронутый.

Ее дрожащий палец нацелен на тебя, съездившегося у теплого очага в комочек.

Кашляя отрывистым, лающим кашлем, который преследует всю жизнь, придвигаешься поближе к топке, но даже здесь ты чувствуешь, как дует из разбитого окна. По телу будто пробегают ледяные пальцы. Сколько раз мама просила управляющего прислать кого-нибудь заделать дыру, но им нет дела до таких мелочей. Картонка, вставленная в отверстие, почти не спасает от ветра. Ты еще ближе придвигаешься к топке и смотришь на маму, ты всегда так делаешь, когда думаешь, что тебя никто не видит. Мама сбивает масло. Время от времени, она украдкой бросает на тебя взгляд.

Твой кашель вселяет в нее надежду.

Тронутый, повторяет бабушка, и мамино красивое лицо искажает гримаса, будто она откусила неспелое яблоко. Она перестает сбивать и вытирает рукой лоб. Что ты имеешь в виду, старуха, спрашивает она. Как это, тронутый?

Бабушка не отвечает, она раскачивается, взад-вперед, взад-вперед. Ее кресло скрипит — скрип, скрип, — тоненько, как мышка. Этот звук, этот сквозняк, этот удушливый запах варящихся на плите булькающих бобов, и эта бабушка, что нависает над тобой. Ее сморщенный, как чернослив, рот похож на ввалившуюся пещерку. Из подбородка торчат седые волосы.

Мама вновь принимается за масло. Мутовка стучит по деревянной кадке.

Из окна видно, как мертвенно-бледный зимний свет ползет по высоким холмам. Вечереет. Скоро вернется из школы Кейд. Вслед за ним придет отец — лицо черно от угольной пыли, мешок для инструментов перекинут через плечо.

Бабушка говорит Тронутый. Тронутый десницей Господней. Слабоумное дитя. Малолетний идиот владеет даром Божиим.

Мама фыркает и идет к плите помешать бобы. Потом она садится рядом с тобой на корточки, ее огрубевшие пальцы касаются твоего лица. Джори, окликает она. Ее голос холоден и пуст. В нем безнадежность. Нет у Джори никакого Божьего дара, старуха. У него вообще ничего нет.

Ты опять кашляешь, в этот момент распахивается дощатая дверь. В комнату влетает Кейд в клубах морозного пара.

Кейд! мамин голос оживает. Кейд пришел!

Мама встает, ты натужно кашляешь, грудь заложена и болит. Ты пододвигаешься еще ближе к очагу, чуть не касаясь раскаленного железа.

Ой, мама, говоришь ты.

Но мама... Она даже не оборачивается.

Высоко над пятой шахтой тебя словно одеялом окутывает морозная тишина. Здесь нет резких, издевательских голосов, здесь никто не тычет в тебя пальцем. Здесь, наверху, никто не крадется за тобой следом, чтобы толкнуть на мерзлую землю.

Здесь только холод, комочки пара вылетают изо рта в неподвижный воздух, тощие почерневшие стволы деревьев тянутся так далеко вдоль

холмов, как только может достать взгляд. В тишине доносится глухой подземный грохот и лязганье. Далеко внизу электрические машины, груженные углем, вывозят его из приемника в горную долину. И порожняком отправляются обратно за следующей порцией. Если хорошенько прищуриться, то можно разглядеть покрытые толем крыши поселка угольщиков Копперхеда, заплатами чернеющих на тощей, бесплодной земле.

Домой. Мама ждет.

В твоём кармане звякают монетки, ты поплотней запахиваешь фланелевое пальтишко, чтобы не выпустить тепло. Но почему-то ты не можешь заставить себя спуститься. И дело не в жестоких детях, а в том, что твой отец сейчас где-то внизу глубоко под горой. Дело в нём и ещё в заходящем солнце, что садится за край долины и ласкает твоё лицо прощальными лучами, и в белке, устроившейся над обрывом и грызущей промороженный орех. Раньше ты приносил ей хлебные корки, пока мама не выпорола тебя за то, что ты ворует хлеб.

Шурша сухими опавшими листьями, на опушке леса появился Кейд. Он присел на корточки рядом с тобой, уперев локти в бока. Белка поспешила укрыться в спутанных ветвях гикори¹⁰ и оттуда насмешничает над ним. Тебе тоже смешно.

Очень весело, Джори, фу, укоряет Кейд.

Но смех перерастает в кашель, а кашель в позорный поток слез.

Опять мальчишки задали трепку? Спрашивает Кейд. Ты киваешь, стыдясь непрощенных слез. Мальчики не должны плакать.

Но Кейд продолжает сидеть на корточках и смотрит вверх, будто что-то увидел в небе, давая тебе выплакаться. Постепенно слезы высыхают и ты заглядываешь в его глаза. У него тонкое смуглое лицо с голубыми глазами, сощуренными от солнца. Мама говорит, ни у кого нет таких голубых глаз, как у Кейда. Она права. У Кейда столь красивые и правильные черты, что хочется протянуть руку и потрогать его. Но едва ты протягиваешь свои коротенькие пальчики к брату, он резко оборачивается.

Ну как, полегчало? Спрашивает Кейд. Он широко улыбается и ерошит твои волосы.

Немного, отвечаешь ты. Но то, что велела мама, не сработало.

А что она велела?

Сказать им, чтобы они прыгнули в озеро.

Кейд смеется и садится. В воздухе плывет пар от его дыхания.

Ты вторишь ему. Кейд всех заражает своим смехом, всех, кроме отца. Может быть, потому мама и любит Кейда как-то по-особенному, а может быть и нет. Если бы мама хоть когда-нибудь поговорила с тобой так, как она говорит с Кейдом, оживленным и радостным голосом, а не тонким и жалостливым.

Н-да, говорит Кейд, поджав ноги к подбородку и положив голову на колени. Боюсь, что совет, чтобы они прыгнули в озеро, действительно сработать не может.

Ты, как всегда, ничего не отвечаешь, потому что просто не знаешь, что сказать. Просто нравится сидеть здесь в тишине и покое, особенно, когда рядом Кейд. Это он, Кейд, показал тебе это место. Он сказал, что у

¹⁰ Род сев. — амер. орешника.

него есть особое место, где хорошо думается, и вот теперь это и твое место, хотя мыслей в голове не больно-то много.

Кейд напевает что-то себе под нос, когда ты открываешь рот.

Тебя мама послала найти меня?

Мама сказала, что ты сбежал, прихватив деньги на масляную лампу, вот и все, говорит Кейд. А я подумал, что ты, наверно, здесь.

Мама на меня страшно разозлится, говоришь ты. И позвякиваешь в кармане мелочью.

Не разозлится, возражает Кейд. Я позабочусь об этом. Она просто не понимает тебя.

А как меня надо понимать?

Кейд изучающе смотрит на тебя своими чистыми голубыми глазами. Она, Джори, иногда бывает странной, объясняет он. Иногда она забывает, что ты не такой, как все, а особенный.

Я не особенный. Я глупый.

Кейд хихикает. Конечно, Джори, до профессора тебе далеко, но что-то в тебе такое есть. Это уж точно.

Кейд лохматит тебе волосы, смеется и встает на ноги. Ты еще некоторое время сидишь неподвижно. Слова Кейда пробудили воспоминание: бабушка называла тебя Тронутый. Эти слова засели у тебя в памяти.

Пошли, бездельник, говорит Кейд, легонько подталкивая тебя носком ботинка. Пойдем, нам пора возвращаться.

Ты встаешь, монеты опять звякают в кармане. Ты думаешь о масляной лампе, о поселковой лавке, закрытой до утра, и говоришь, мама будет злиться.

Кейд успокаивает: не дергайся, говорит он. Утром компания присылает на поезде людей Болдуин-Фелтс. У мамы и без тебя есть о чем поволноваться сегодня вечером.

Он опять смеется, но в смехе проскальзывают какие-то фальшивые, резкие нотки. То ли возбуждение, то ли испуг, что-то, чему ты не можешь дать названия. Прямо внутри все переворачивается.

Кейд дрожит. Пошли, здесь холодно.

Он кладет руку тебе на плечо, и вы вместе идете через лес, в обход шахты, вниз к проселочной дороге и дому. Обернувшись, ты видишь белку, выскочившую из зарослей гикори; презрительно фыркнув, она исчезает за холмом. У тебя внутри разливается приятное тепло, а беспокойство отступает, по крайней мере, пока.

Ночью кашель усилился, тебе кажется, что чья-то рука стискивает твои легкие. Но никому нет до тебя дела. Сегодня нет.

Папа, мама и Кейд увлечены разговором, они сидят, сгорбившись, за столом, на котором стоит керосиновая лампа. Вокруг них пляшут извивающиеся тени. Эта убогая лачуга — самое подходящее место для дикой пляски теней. Бабушка крадется к печке, а рядом покачивается твоя тень. Обычная тень маленького мальчика, похожая на все остальные.

Мамино лицо кажется очень бледным в отблеске пламени, ты никогда не слышал, чтобы ее голос так дрожал. Он еще маленький, Джек.

Отец, — у него редкие, седые волосы, вокруг глаз морщины, черные от угольной пыли, — отец говорит: у нас нет выбора. Копперхед ни перед чем не остановится, чтобы выжить профсоюз из Западной Вирджинии. Мы должны доказать, что сила за нами.

Кейд наклоняется, его большие руки лежат на столе, он сжимает и

разжимает кулаки. Его тень вроде придвигается, встает над ним, простираясь по всей шероховатой стене и потолку. Кейд говорит, Он прав, мама.

Как это прав? А школа?

Только один день, говорит отец.

Но Кейд не шахтер, не отступает мама.

В этих краях нельзя быть никем другим, вмешивается бабушка. Тебе надо было бы это знать, Лилла.

Завтра здесь будут люди Болдуин-Фелтс из Блуфилда, говорит отец. С ними придут штрейкбрехеры.

Пусть приходят, отвечает мама, но мой сын пойдет в школу.

Черт возьми, он уже не мальчик, злится отец. Ему почти шестнадцать.

Пятнадцать, поправляет его мама. Он еще мальчишка. Я не позволю тебе использовать его. Кейд может погибнуть.

Отец, чертыхнувшись, встает из-за стола, стул опрокидывается и летит на пол. Сердитыми шагами подходит к окну. В наступившей тишине Кейд смотрит на мать с тем неподражаемым выражением, на которое способен только он. Кейд может загипнотизировать змею, иногда говорит мама. Их взгляды встречаются, глаза матери блестят от слез, они полны страха.

Мам, неужели ты хочешь, чтобы мы опять жили в палатке? Это спрашивает Кейд своим медовым голосом.

Мама шмыгает носом и отрицательно качает головой. Папа отворачивается от окна, и в неверном свете ты видишь, что его глаза мокры от слез. У тебя возникает желание подбежать к нему, уткнуться лицом в его живот, прислониться щекой к колючей рубашке, но ты не двигаешься со своего места и продолжаешь наблюдать.

Кейд говорит, что готовится забастовка. Что с этим уже ничего не поделаешь. Завтра люди с Болдуин-Фелтс вышвырнут нас отсюда и мы вновь окажемся в палатках.

Ты хочешь всю зиму просидеть с этих проклятых палатках? — в сердцах бросает отец. Чтобы мы мерзли и голодали, когда Джори так кашляет?

Мама даже не смотрит в твою сторону.

А как насчет нее? Отец показывает пальцем на бабушку.

Кейд взглядом заставляет его замолчать. Слышно только как скрипит бабушкино кресло и шипят последние остатки масла в лампе. Кейд говорит, они выкинут нас отсюда, ма. В шахты придут работать ниггеры и займут наши дома.

Па говорит, что если кому и суждено добывать уголь из горы, то только нам. Это будет по справедливости.

Но почему Кейд? Возьми с собой Джори, только не Кейда, говорит мама. Она плачет.

Отец смеется. Джори, повторяет он. Ты понимаешь, что говоришь, Лилла.

И Кейд говорит, мам, завтра мы должны поддержать их. Все мужчины обязаны вступить.

Керосин в лампе кончился. Лампа мигнула и погасла. В полумраке комната кажется красной от отсвета пламени в печи. Мама говорит, сынок-то дурак. Масла больше нет.

Отец, выругавшись идет к двери. Ты идешь за ним, комната почему-то

стала очень тесной от запаха керосина и горящего угля. Ты проскальзываешь за отцом на резкий ветер, он кажется очень чистым и непорочным, что ли, в своей холодности. Дверь за тобой захлопывается.

Черные холмы неясно вырисовываются на фоне неба. Пошел снег, крохотные снежинки ветер бросает в лицо, словно ледяные песчинки. Ты дрожишь.

Отец стоит на другой стороне дороги, на краю обледеневшего ручья, он поворачивает к тебе свое лицо. Джори.

Да, Па, сэр, отвечаешь ты.

Что ты здесь делаешь, малыш? Здесь так холодно, а ты кашляешь.

Ты переходишь улицу, ковыляя по замерзшей грязи. В доме жарко, отвечаешь ты. Я хотел побыть с тобой.

Отец снимает с себя фланелевую куртку и накидывает тебе на плечи. Подумав с минуту, он говорит, пошли, пройдемся.

Вместе. Его тяжелая рука обнимает тебя за плечи, вы идете к поселку угольщиков. Внизу деревья тесно обступили ручей. На другой стороне выстроились в ряд убогие лачуги, они дрожат под порывами ветра, из труб идет дым, тут же уносимый ветром. Над долиной запах угольной гари.

Если бы я только мог помочь тебе завтра, говоришь ты. Я знаю, спасибо, отвечает отец. Вы некоторое время идете в молчании.

Ручей журчит о чем-то своем у тебя за спиной. При свете дня видно, что его вода черна от угольной пыли, но это днем, а сейчас он серебристо светится в падающем снеге и кажется совершенно прозрачным. Чернота-то никуда не делась. Просто ее не видно.

Мама тоже хочет, чтобы я тебе помог.

Па вздыхает, облачко серого пара от его дыхания на миг повисает в темноте. Мама сама не знает, чего хочет, почти никогда, говорит он. И не тебе судить, чего она хочет, Джори.

Наконец ручей заворачивает в лес. Ты идешь по изъезженной колее, вдоль которой через весь поселок тянутся рельсы. А за ними виднеются неказистые домишки, побитые непогодой, неровно чернеющие за снежным занавесом.

Вместе, ты и Па, вы пересекаете пути и поднимаетесь по ступенькам на крыльцо магазина. Его освещает одна-единственная лампочка, отбрасывающая узкий пучок света на крыльцо и деревянную дорожку. Па опускается на дубовую скамейку в темном углу и закрывает лицо руками. Ты прижимаешься к нему, от него пахнет теплом.

В двух кварталах отсюда, в салоне Джени, всюду гуляли, до нас доносятся разухабистые крики, музыка, кто-то играет на пианино. Па поднимает голову и говорит: слышишь, Джори? Не суди свою маму.

Хорошо, соглашаешься ты.

Она не из этих мест, говорит Па. Она родилась в Блуфилде, там нет шахт. Ты должен помнить Блуфилд.

Ты помнишь. Это было очень давно, три или даже четыре года назад. Па сказал, что тебе нужен настоящий доктор, а не шарлатан, пользующий угольщиков. Они с мамой скопили денег и как-то весенним утром вы с мамой поехали в Блуфилд, он находится примерно в часе езды на поезде. Но доктор, он лишь покачал головой. Ничем не могу помочь. У мальчика болезнь Дауна. С этим ничего не поделаешь.

Потом мама показала тебе дом, в котором жил дедушка. Большой дом с колоннами, белый-белый, ты хотел войти и увидеть дедушку. Ты никогда

прежде не видел его. Но мама сжала губы так, что они побелели и увела тебя. В поезде, увозящем вас обратно в Копперхед, мама плакала. А ты сидел рядом и смотрел, как в окне катятся мимо горы.

Никто, ни тогда, ни потом, ни словом не обмолвился об этой поездке, но мама уже не была такой как прежде.

О, Джори, говорит папа. Горы позвали тебя к себе. Тебе не уйти от них.

Ты не понимаешь, что хочет этим сказать Па, поэтому молчишь в ответ. Ты дрожишь, прислушиваешься к музыке, доносящейся из салона Джени, и смотришь как снег все сильнее и сильнее валит с ночного неба. Он липким серым саваном накрыл весь Копперхед. По деревянной дорожке раздаются приглушенные шаги. Возле магазина возникает долговязая фигура, вы с Па затаились, невидимые в тени, но твой кашель выдает ваше присутствие.

Отец встает, тянет тебя за руку, тянет к свету. Вечер добрый, Гранвилль, говорит отец.

Гранвилль Снидоу прикладывает кончики пальцев к черной шляпе, потом облокачивается на перила крыльца. Справа и слева на поясе у него висит по револьверу с перламутровыми рукоятками. Дома отец называет его сукиным сыном, прихвостнем Болдуин Фелтс, но здесь, на ступеньках лавки, он почему-то дружески улыбается.

Снидоу смеется, у него грубый, неприятный смех. В электрическом свете блестит приколотая к лацкану звезда. Усатый рот растягивается в улыбке — усы у него хороши, неплохая приманка, говорит о них мама, — жесткие, густые, с загнутыми концами. Что это ты, Джек, говорит Снидоу, не заглянул к Джени, надо же хлебнуть для храбрости.

Мне не нужно пить для храбрости, Гранвилль, отвечает отец. Я вообще не пью.

Холодноватое время вы выбрали для прогулки, а?

Мы идем домой. Па крепко стискивает твое плечо и ведет тебя к дороге. Вы переходите ее и идете по проселку к дому.

Эй, Джек! — Кричит вам вдогонку Снидоу. Ты чувствуешь, как Па напрягается. Гранвилль почти невидим в сплошной пелене падающего снега.

Эй, Джек! Зовет Гранвилль. Хорошо, что вы уходите. Я бы не хотел, чтобы твой дурачок простудился.

Отец не отвечает. Он разворачивается и ведет тебя домой. Ваше убогое жилище кажется теплым после холодной ночи. Какое облегчение забраться в постель рядом с Кейдом, воругая его тепло, когда жаркие отсветы печного огня освещают комнату. Лежа в темноте, ты прислушиваешься к бабушкиному храпу, к тому, как раздевается отец, перед тем, как лечь в постель рядом с мамой. В комнате становится совсем тихо и ты засыпаешь.

Ночью ты просыпаешься от собственного кашля. Комната залита лунным светом. Снег перестал, но ты не обращаешь на это внимания. Ты лежишь и смотришь на отца. Он сидит у окна на плетеном стуле, его подштанники будто светятся в лунном свете. Он что-то тихонько мурлычет себе под нос, отец мурлычет и чистит винтовку.

Тебя будит предрассветный холодок, твои нервы напряжены от того, что ты чувствуешь на себе чей-то взгляд: бабушкин. Старуха не спит. Она молча смотрит как ты выбираешься из уютного тепла рядом с Кейдом и

вылезает на холод. И пока ты одеваешься, бабушка все молчит. Ты предлагаешь ей кусок хлеба, но она лишь качает головой, жуя губами.

Она смотрит на тебя выцветшими глазами и ничего не произносит. Может оттого, что ты тронутый.

Тронутый.

Это слово. С ним связана какая-то тайна, она гремит в твоей голове, словно бусинка в сушеной тыкве. И этот неслышный уху грохот тайны, и немигающий взгляд старухи, жутковатый в сонной комнате, — они гонят тебя на холодный рассвет с недоеденным куском хлеба в руке.

Бесшумно, как призрак, ты проносишься мимо рядов грязных, убогих, полуразвалившихся лачуг. С каждым шагом ноги пробивают корку наста, к лодыжкам липнет серый снег. Ты не можешь избавиться от ощущения, что бабушкин взгляд по-прежнему не отпускает тебя, и это бабушкино слово — тронутый — прочно засело у тебя в мозгу.

Только когда ты оставляешь позади поселок и сворачиваешь к шахтам, неотступный взгляд бабушки перестает тревожить тебя; возвращается голод. Ты грызешь хлеб, но тут вспоминаешь о голодной белке на краю обрыва. В животе становится тепло, ты съешь сухую корку в карман.

Наконец, ты добираешься до своего потайного места, над пятой шахтой. И видишь мертвую белку, окоченевший комочек на краю утеса.

У тебя все плывет перед глазами, голова кружится, кажется, что вот-вот упадешь, провалишься в бездонный колодец памяти. Прошлая зима. Взрыв на третьей шахте. И пятнадцать мертвых шахтеров.

Тебе никогда не забыть их тел, окостеневших и окровавленных, уже начавших разлагаться и смердеть, когда их подняли на поверхность. Ты никогда не забудешь этих похорон: стук лопат по смерзшейся земле; голоса шахтеров и их семей несутся ввысь в прощальной песне, холодный одинокий звук, словно завывание ночного ветра в штольне. Смерть реальна, она осязаема, хотя ты и не понимаешь ее.

В памяти всплывают мамины слова: «Могут погибнуть люди. Кейд может погибнуть».

Сегодня.

У тебя в мозгу будто что-то щелкает. Все становится на свои места, как было прежде, головокружение прекратилось. Из твоей груди вырывается рыдание, ты словно во сне делаешь шаг вперед, падаешь на колени, обронив припасенную корку хлеба.

Белка застыла и окоченела. Ее усики заиндевели. Маленькая головка расколота — так раскалываются желуды под ногами отца — над глазом мех слипся от крови. Наверно она упала с обледенелых веток гикори. Тебе этого уже не узнать.

Среди множества горьких и непостижимых утрат это крохотное горе трогает тебя. Ошеломленный чувством потери ты бессознательно прижимаешь к груди крошечный трупик.

Когда ты, наконец, приходишь в себя, неяркий рассвет уже сменился морозным утренним блеском. Холод пробивает тонкое пальтишко. Он высасывает тепло из ног, промокших, когда ты взбирался на гору. Ты стынешь, твое тело немеет, как трупик, который ты до сих пор прижимаешь к груди.

Как белка. Мертвая.

Ты вспоминаешь, как она обнюхивала твои пустые пальцы, когда хлеб был весь съеден. От этого воспоминания в тебе будто разворачивается

холодная, гулкая пустота. В неподвижности утра ты произносишь единственное слово: НЕТ. Внутри тебя просыпается какая-то сила. Одно только слово рассеяло туман, застилающий твоё сознание. Это слово заполнило тебя целиком.

Онемевшие было пальцы становятся теплыми и гибкими. Руки пронзает острая боль. Вдруг белка дергается в твоих руках, ещё опять, и крошечные челюсти вонзаются тебе в палец. Острые зубки впиваются в плоть, и темная струйка крови заливает бледную руку.

Испустив крик ужаса и изумления, ты выпускаешь извивающееся тельце. Белка спрыгивает, презрительно фыркает и скрывается в орешнике. Ты не двигаешься с места, ты даже забыл поднести укушенную руку ко рту.

Ощущение тайны и благоговейного ужаса, которые ты не в состоянии выразить словами, охватывает тебя. Но неведь откуда взявшиеся сила и власть, данное тебе свыше мгновение потрясающей ясности и прозрения вновь заволакивает пеленой невнятицы. Долгие часы ты направляешь всю свою волю на то, чтобы разорвать эту пелену, чтобы понять. Но твои усилия тщетны. Ты никогда ничего не поймешь.

Туман заполняет каждую клеточку твоего мозга, но ты отчетливо знаешь, что есть какая-то тайна. Бабушкин голос произносит: «Тронутый. Тронутый десницей Господней. Слабоумный ребенок владеет Божьим даром».

До тебя не доходит смысл этих слов, но ты прокручиваешь их в голове десятки раз в это утро. Ты совсем продрог, но не двигаешься с места, пока долгий и протяжный, жалобный вой дневного поезда не выводит тебя из оцепенения.

Кейд, думаешь ты.

И тогда ты бежишь вниз с горы к железной дороге, к дому.

Когда ты оказываешься в Копперхеде, с неба, спрятавшегося за облаками, сыплется серый снег.

Чуть дыша, ты стоишь напротив магазина и видишь, как отец и с ним трое каких-то мужчин идут по рельсам в сторону станции и салона Джени. Они сжимают в руках длинные ружья. Позади них, ярдах в двадцати, идут неровным полукругом человек десять или одиннадцать. Все они вооружены. Среди них Кейд, у него бледное, худое лицо, он выглядит совсем ребенком. С другой стороны, им навстречу, идет группа людей, под предводительством Гранвилля Снидоу. Его руки непринужденно покоятся на перламутровых рукоятках револьверов. Продолговатое лицо с острыми чертами бесстрастно и непроницаемо.

Когда между ними остается десять или пятнадцать ярдов, они останавливаются и изучающе смотрят друг на друга. Они переминаются, явно волнуясь. Побелевшие пальцы сжимают курки ружей и винтовок. Только отец и Гранвилль не двигаются с места, глядя друг на друга.

В морозной тишине слышно, как шумит ветер в деревьях. В окошке магазина шевельнулась занавеска, показалось мамино лицо, через стекло она смотрит на происходящее в этот хмурый день.

Раздается голос отца, неожиданно громкий в тишине, твоё внимание вновь приковано к собравшимся.

Гранвилль, произносит Па. Он склоняет голову, простой кивок.

Хорошенькое дело, говорит Гранвилль. Судя по разговорам у Джени вчера вечером, я было решил, что вас придет куда больше.

Нас достаточно, отвечает Па. Мы не хотим неприятностей. Но мы не собираемся покидать наши дома.

Больше он не успевает ничего сказать. Ты не успеваешь понять, кто и почему выстрелил первым, но день внезапно взрывают выстрелы. Гулкие ружейные выстрелы смешиваются с отрывистыми выстрелами винтовок и пистолетов Гранвилля.

Стреляют повсюду. Пригибаясь, люди кинулись врассыпную прочь. Ты пытаешься найти в этой неразберихе Кейда, но его нигде не видно.

Вдруг все кончилось так же неожиданно, как и началось. В воздухе плывет едкий запах пороха. Посреди лежащих тел стоит Гранвилль, держа в руке пистолет, из которого еще вьется дымок.

Па! Кричишь ты. Кейд!

Твой крик тонет в долгом, надрывном кашле. Ты выбегаешь на середину улицы. Коротенькие ножки вспахивают серый снег. Отец корчится на рельсах, винтовка отброшена в сторону, он ругается и держится за ногу. Кейд лежит неподвижно. Он всего в нескольких ярдах от отца, лежит на спине, широко раскинув руки, словно хочет обнять тебя. Его лицо стало пепельным, он лежит на свинцово-сером снегу, на губах пузырится кровь.

Кейд! Опять кричишь ты срывающимся голосом.

Ты становишься на колени в снег рядом с ним, обнимаешь его. Кровь течет из рваного отверстия в груди. При каждом вдохе в этом отверстии что-то свистит, как в чайнике, когда он начинает закипать.

Кейд, зовешь ты. Кейд.

Кейд открывает глаза, голубые, как сосульки, свисающие с крыши магазина. Ну, Джори, разве это не здорово, говорит Кейд, поднимая голову.

Он пытается засмеяться, но захлебывается в кашле. Кровавые брызги летят на твоё пальтишко. Голова Кейда откидывается назад, у него закатились глаза.

Глаза мертвые, как у белки.

Позади тебя по шпалам стучат чьи-то каблуки, с крыльца магазина раздаётся мамин крик, Нет! Нет!

Ты оборачиваешься и видишь перед собой Гранвилля Снидоу, по-прежнему сжимающего в руках пистолеты. На его лице написан ужас, какого ты никогда не видел у взрослых. Он бледен, как мел, весь осунувшийся, даже усы обвисли. Сверкающие глаза запали.

Нет! истошно кричит Ма.

Гранвилль, пошатываясь, делает шаг к тебе. «О Боже, сынок, — шепчет он. — Господи, я же не хотел». Он воздевает руки к небу, на его груди расцветает кровавый цветок. Раздается гулкий выстрел, Гранвилль Снидоу валится в снег, его тело бьется в агонии. Позади него ты видишь отца, он привстал, раненая нога неловко подвернута, отец сжимает дымящуюся винтовку.

Иисус, говорит отец, он тоже клонится вперед, роняет винтовку и падает, обхватив ногу.

Джори, слышишь ты мамин вопль. Джори!

Оглянувшись, ты видишь, как она сбегает с крыльца. Ты смотришь на Кейда. Перед тобой проходят все дни, когда вы сидели в своем укроном месте, он относился к тебе как к равному, вовсе не считал глупым — не то, что другие дети, не то, что Мама. Таким был Кейд. Только Кейд.

Нет, шепчешь ты, и память о белке, извивающейся в твоих руках,

возвращается к тебе.

Ты снова чувствуешь ту силу и власть. Она поднимается в тебе, заставляет петь натянутые струны твоих нервов.словно электрическая искра пробегает по твоим пальцам, они становятся такими горячими, что кажется, сейчас засветятся. Помимо твоей воли, пальцы смыкаются в белокурых волосах Кейда. От этого касания волосы дыбятся... Веки Кейда дрогнули, еще раз, ты уже знаешь, что можешь сделать ЭТО.

Ты можешь вернуть его. Ты знаешь, что можешь. Но в этот момент ты слышишь мамин голос, он прорезает тишину, она бежит через дорогу. Мама кричит: Джори! Джори! Что с Кейдом?

Твой рот наполняется горькой желчью, ты отшатываешься от Кейда, руки, пальцы внезапно немеют от холода. Его глаза закрываются — на этот раз навсегда, — голова перекачивается на плечо. Из открытого рта течет кровь, смешиваясь с серым снегом.

Перед тобой стоит мама.

Кейд умер, говоришь ты.

Мама рыдает. О, Джори, говорит она. О, Джори.

Ее голос звучит по-другому. В нем появились теплые, глубокие нотки, кажется, что когда-нибудь мамин голос для меня зазвучит по-настоящему. Как для Кейда. Теперь он будет звучать для тебя. Только для тебя. Всегда.

Этот миг до конца жизни навсегда останется в твоей памяти застывшим слепком, как моментальный снимок, на котором запечатлелись голые ветки деревьев, освещенные внезапной вспышкой молнии. В этот нескончаемый миг ты выплакиваешь свое горе и свою радость — нового одиночества, невосполнимой потери, которую тебе никогда до конца не понять, какую-то прежнюю пустоту внутри себя, навсегда заполнившуюся. Наконец рыдания стихают, уступив место извечному твоему кашлю. Кашляя, ты поднимаешься с колен. Поднимаешься и перешагиваешь через тело Кейда, чтобы крепко обнять маму, уткнуться лицом в ее теплые юбки.

О, мама, говоришь ты. О, мама!

Брэдли Дейтон Грехоед с Кау-ривер¹¹

Памела почувствовала, что бродяга смотрит на нее, сразу как только вошла в фойе Городской Публичной библиотеки, и невольно обернулась. Он сидел, сгорбившись, на диванчике около стены, баюкая пластиковый пакет для мусора. Грязная голубая вельветовая кепка с опущенными наушниками, выцветшая клетчатая рубашка, поверх нее — коричневый пиджак из полиэстера. Белесые, бывшие некогда зелеными, брюки и заскорузлые башмаки довершали наряд.

Глаза цвета мокрого снега, покрывавшего мостовую, уставились на нее с обветренного морщинистого лица — человеку с таким лицом с одинаковым успехом могло быть и сорок, и сорок тысяч лет.

Памела поспешно отвернулась, ругая себя за то, что взглянула на него, и направилась к стойке. Осталось выполнить поручение Дональда —

11 © Bradley Denton. The Sin-Eater of the Kaw. F&SF, June 1989.
Перевела Д. Налепина

и можно идти домой, сменить деловой костюм секретарши на пижаму и провести остаток вечера в ожидании звонка Дона.

Последняя мысль вызвала раздражение. Ей уже двадцать семь, а она все еще должна сидеть у телефона. С другой стороны — лучше ждать звонка, чем выжидать, пока освободится ванная. Она таила надежду, что последняя встреча Дональда в Канзас-Сити прошла неудачно, — ведь предложи они ему эту работу, он, чего доброго, стал бы просить Памелу, чтоб она переехала к нему, на новое место.

Тощая библиотечка даже не подняла глаз от своего журнала, пока Памела выкладывала на стойку книги. Затем, нахмурясь, заметила:

— Прекрасная погода, уточки плавают.

Памела размотала шерстяной шарф, закрывавший лицо.

— Да, видать эти утки с Аляски. Похоже ночью еще похолодает, как бы к утру их маленькие лапки не вмерзли в лед.

Библиотечка взглянула на Памелу так, словно та вдруг заговорила с ней по-русски.

Пожалуй, — сухо сказала она, придвигая к себе книги.

— Я хочу их продлить, — сказала Памела.

Слова эти прозвучали, наверное, в сотый раз. Дональд держал библиотечные книги месяцами, не читая; если бы не она, от размеров штрафа у него бы глаза на лоб полезли.

Библиотечка кивнула и стала проверять, не заказаны ли эти книги еще кем-то. Памела стянула колючую шерстяную шапочку, взъерошила короткие темные волосы.

— Одолжите доллар, мэм!

Она услышала хриплый голос и одновременно ощутила ужасающе зловонное дыхание. Прежде чем она успела отреагировать, бродяга схватил ее за рукав.

— Всего один доллар, — повторил бродяга. — Я бы выпил кофе в закусочной. Там отличный кофе.

Памела заставила себя обернуться к источнику голоса. Маленький, сутулый бродяга улыбался ей, показывая пеньки гнилых зубов.

— Нет! — выдохнула она, отдергивая руку, но его пальцы оставили полосы грязи на небесно-голубом рукаве ее нейлоновой куртки. Бродяга придвинулся ближе. В другой руке он сжимал свой мешок для мусора.

— Я отработаю, мэм!

Памела замотала головой, отстраняясь. Библиотечка ожила.

— Вон! — грозно вскричала она. — Вы уже четвертый раз приходите сюда. Еще один раз — и я вызываю полицию!

В глазах бродяги появилась тоска.

— Я могу отработать, — прошептал он и поплелся к выходу.

— Он приставал к вам? — спросила библиотечка. — Я немедленно вызову полицию...

— Нет, нет. — Голос Памелы все еще звучал слабо.

— Ну, если вы уверены... — библиотечка проштамповала первую книгу. — Не знаю, почему их тянет сюда, в Лоуренс. Отправлялись бы лучше в Канзас-Сити — там им, по крайней мере, могут чем-то помочь. — Она взглянула на Памелу, ожидая ответа, но промолчала. — Я продлила, но здесь просрочено на неделю. Общий штраф — три с половиной доллара.

Памела была уверена, что просрочено не больше, чем на день, но спорить не стала.

— Надеюсь, февраль будет потеплее. Счастливого Нового года!

Памела пробормотала в ответ «спасибо» и устремилась к выходу. При виде пустой скамейки в фойе ее вдруг охватило чувство непонятной вины. Она вышла. На улице моросил холодный дождь, замерзающий на лету.

Она оставила книги в своем рено, надвинула поглубже шапку, старательно обмоталась шарфом и отправилась по Вермонт-стрит на почту. Библиотека осталась позади, и напряжение постепенно спадало, но ей все еще было не по себе. Да и погода не способствовала улучшению настроения — сырое, давящее небо, выстроившиеся вдоль улицы голые деревья, мокрый и грязный тротуар — а кроме того, бродяга не выходил из головы. Ведь он просил всего один доллар... Один паршивый доллар — и он отстал бы от нее и мог бы греться в библиотеке до закрытия. Памела заплатила в три с половиной раза больше за просрочку, которой не было. Что ж, даже если он просил на выпивку! В Канзасе январь, и очень многие тратят деньги именно на выпивку.

Она замерзла, ожидая, пока светофор загорится зеленым. Стало еще холоднее; грязь заледенела, улица превратилась в каток, и если дождь не прекратится, ветви деревьев тоже покроются льдом. Ниже по течению Кау-ривер, в четверти мили к северу, уже виднелась узкая кромка льда. Зеленый наконец зажегся, и она двинулась дальше. Теперь ее мысли перенеслись к двум мостам-близнецам, соединяющим Вермонт-стрит и Массачусетс-стрит с северным берегом реки. Из газет она знала, что под этими мостами холодными зимними ночами собираются бездомные Лоуренса. Частенько там находили замерзших, а прошлой зимой обнаружили труп с перерезанным горлом. Обычное дело, хотя чаще всего бродяги просто замерзали.

Что такое для них доллар? Лишний час в закусочной, лишняя чашка кофе или стакан вина? А может быть лишний день жизни? Она поскользнулась и чуть не расшиблась о бордюр тротуара, но в последний момент сумела ухватиться за столб вывески «Стоянка 15 минут». Открывая двери почты, усмехнулась. Да, какая ирония: она могла разmozжить себе голову, в процессе размышлений — умрет ли бродяга без ее доллара.

Почта была безлюдна, что тоже не способствовало улучшению настроения. Лампы дневного света горели еле-еле, и Памела подошла ближе к ящикам, разыскивая номер Дона. Непонятно, зачем вообще нужен этот ящик, ведь Дональд давно уже ничего не получал. Она сняла перчатки и стала набирать код. Сзади послышался неясный шум — шуршание пластикового пакета. Первая мысль Памелы была: вот еще один шанс сделать доброе дело, затем она подумала, что, обидевшись, он может и не принять теперь деньги. Когда она увидела бродягу, сердце замерло у нее в груди. Он стоял футах в десяти от нее. Сначала в глазах у него была надежда, но узнав Памелу, он ссутулился и побрел прочь.

— Подождите! — голос звучал приглушенно из-за шарфа.

Бродяга обернулся, и она пожалела, что окликнула его. Он буквально заворожил ее взглядом, и теперь оставался только один путь избавиться от него. Ворсинки шарфа лезли в рот, а кошелек никак не желал находиться.

— Все в порядке, мэ.

— Нет, нет, подождите!

У нее оставалось десять долларов одной бумажкой и полдоллара двумя монетами — остальное ушло на штраф. Полдоллара — это слишком

мало, но она ведь просила подождать...

Памела протянула бродяге десять долларов. Он взял их как-то робко, стараясь не прикоснуться к ее пальцам.

— Это очень много, — голос был тихий. — Я должен буду отработать...

— Нет, нет, все нормально.

Бродяга покачал головой:

— Я всегда возвращаю, мэм.

Это была явная ложь, и Памела торопливо ответила:

— Не надо ничего возвращать, и, пожалуйста, оставьте меня в покое! — Она повернулась к ящику, давая понять, что разговор окончен, однако бродяга не ушел.

— Вы думаете, я их не верну?

Памела поняла, что если она хочет избавиться от него, ей придется быть жестокой.

— Единственный способ вернуть их — это потратить их на что-то, кроме спиртного!

Бродяга кивнул.

— Меня зовут Григгс. У вас не найдется чего-нибудь съестного?

Она не верила своим ушам. Только что он получил десять долларов, и она надеялась, что он отстанет, а он вместо этого представился ей, да еще просит поесть.

— Все равно что — произнес Григгс, обнажая в улыбке гнилые зубы, — конфета или кусочек жвачки.

Памела снова принялась копаться в кошельке, вытащила почти пустую пачку ментоловых таблеток и протянула ему, держа за бумажную ленточку. Григгс покачал головой:

— Нет, мэм. Зажмите ее в кулаке, вот так.

Памела уже собралась спросить зачем, но вовремя остановилась. Теперь все понятно, бродяга просто сумасшедший, и ее единственная задача — не раздражать его. Она развернула пачку и сжала одну из таблеток в кулаке.

Григгс кивнул:

— Хорошо, правда я ничего не гарантирую. Вообще-то надо, чтобы вы разделись и положили ее на кожу...

«Господи, да он же извращенец, он просто хочет лицезреть ее голую в этой пещере из стекла и стали...»

— Но поскольку вы скорее умрете, чем разденетесь, попробуем справиться и так. Теперь вспомните свой самый плохой поступок.

Памела, скорее сконфуженная, чем испуганная, не смогла удержаться от возгласа:

— Какой?

Григгс ухмыльнулся.

— Нет, конечно, не вспоминайте самый плохой поступок. Маленькая мятная таблетка вряд ли выдержит что-то крупное, да и вряд ли леди вроде вас может совершить какой-нибудь страшный грех.

— Грех?! — Памела возненавидела звук своего голоса.

— Да, мэм, лучше всего вспоминайте то плохое, что преследует вас с детства. Вспоминайте, и сжимайте кулак.

Памела уже собралась швырнуть таблетку ему в лицо и броситься к выходу... Но неожиданно перед ее глазами всплыла давно позабытая картинка...

Ей было тогда девять лет и она занималась в бассейне в Уичите.

Больше всего во время уроков плавания ее донимала одна девочка по имени Шарон. «Пойдем со мной, Пэмми, Давай сделаем вот это, Пэмми... Ты со мной дружишь, Пэмми?» — и так без конца. В конце концов, однажды, когда инструкторы отвернулись, Памела исхитрилась столкнуть ее с бортика в том месте, где было совсем мелко. Шарон сильно ударилась, и зеленоватая вода бассейна окрасилась кровью. Памела, ошеломленная и испуганная, стояла и смотрела, как два инструктора вытаскивают Шарон из бассейна. Девочку отвезли в клинику, а Памела провела остаток дня, спрятавшись под одеялом в ожидании наказания.

Наказание так и не последовало. Шарон потеряла молочный зуб и ободрала нос, но про Памелу так и не рассказала. Сначала Памела успокоилась, но потом, когда увидела лицо Шарон... Она много раз пыталась заговорить с ней, но та только печально смотрела на нее. Вскоре семья Шарон переехала, но Памела так и не забыла об этом случае и так и не простила себя за то, что сделала с этой девочкой, которая просто хотела, подружиться с ней.

— Достаточно, мэм, — Григгс тронул ее грязным пальцем, — теперь давайте ее сюда.

Памела с удивлением смотрела на таблетку, расплавившуюся от жара ее ладони, но Григгс совершенно спокойно взял ее и сунул себе в рот. Таблетка хрустнула на зубах, кадык бродяги дернулся, и Григгс улыбнулся.

— Может быть, это и немного, но я же говорил, что отработаю. А грех небольшой, мне доводилось испытывать и худшее. — Он прикоснулся рукой к своей кепке. — Доброй ночи, мэм.

Придя в себя, Памела обругала себя за глупый страх. Григгс просто старый немытый бродяга и ничего больше. К тому же жить ему, бедняге, осталось год или два. С другой стороны, может быть жизнь ее будет теперь лучше, потому, что она помогла ему — дала денег, — по крайней мере, это было единственным объяснением ощущению легкости, возникшему у нее. Честно говоря, она с трудом удерживалась, чтобы не побежать вприпрыжку и не начать танцевать посреди замерзшей улицы.

Дома Памела задремала в гостиной перед уютно мурлыкавшим телевизором. Сначала сны ее были неясными и туманными, однако в конце концов она обнаружила себя стоящей в бассейне в Уичите. Ярко светило солнце. Воды в бассейне — всего по щиколотку, и Памела совсем уже собралась вылезти, как вдруг увидела, что бассейн окружен сотнями маленьких девочек в голубых купальниках, готовящихся нырнуть. Но если они нырнут в этот бассейн...

Одна из них уже почти прыгнула, и Памела кинулась к ней через весь бассейн, едва успев поймать, но только она водворила девочку на место, у противоположного бортика приготовилась к прыжку другая. За второй последовала третья, четвертая... Памела носилась как сумасшедшая, едва успевая ловить прыгающих девочек. Что интересно, количество желающих разбить себе голову не уменьшалось, а, напротив, увеличивалось. Ей суждено остаться здесь навечно, — кидаться на помощь каждой девочке, но приласкать, утешить их времени не хватит никогда.

Бассейн был уже переполнен рыдающими детьми, стоящими по шею в воде. Памела с трудом продиралась сквозь толпы девочек, с ужасом понимая, что рано или поздно не успеет, и кто-нибудь все-таки разобьется, и вода окрасится в ржавый цвет.

Когда она пыталась поймать, наверное, уже десятитысячную девочку, перед ней внезапно возник Григгс, покрытый черной липкой грязью.

Он схватил Памелу за руку, когда та проносилась мимо него, и сказал, улыбаясь своей гнилозубой улыбкой:

— Теперь моя очередь, мэм.

Григгс наклонился к плачущей у его ног девчужке и протянул ей мятную таблетку, достав ее из своего вечного пластикового пакета.

В тот же миг Памела оказалась сидящей высоко над бассейном в кресле инструктора. Внизу Григгс, казалось, безо всякого труда подхватывал детей, успокаивал плачущих и раздавал направо и налево красные мятные таблетки. Каждая девочка, которой удавалось поймать подарок, пробиралась к лесенке и исчезала. Постепенно бассейн пустел и количество детей, желавших кинуться в него, уменьшалось.

Памела попыталась позвать Григгса, чтобы поблагодарить его, но оказалось, что рот у нее набит мятными таблетками. На ее небесно-голубой купальник упала алая капля, и это почему-то наполнило ее душу блаженством...

Она проснулась, все еще ощущая на языке мятный холодок, но оказалось, что запах мяты исходит от Дональда, склонившегося над нею. Его гладко выбритое правильное лицо было так близко, что черты казались расплывчатыми. Одет он был в свое длинное белое зимнее пальто, и в мерцающем свете телевизора очень походил на приведение.

— Салют, — сказал он.

Он всегда так ее приветствовал. Памела находила, что это весьма идиотская привычка, но старалась мириться с некоторыми неудобствами «во имя великой любви». Потягиваясь, она пробормотала:

— Никогда больше не дам тебе ключ.

Он поцеловал ее в лоб:

— Я хотел позвонить, но побоялся разбудить тебя.

— Да, это была бы великая трагедия.

Дональд выключил телевизор, помог Памеле подняться с дивана, обнял и так, в обнимку, повел в ванную. Она было хотела сказать ему, что способна добраться до туалета без посторонней помощи, но передумала. Собственно она радовалась его приходу, и совсем ни к чему было начинать перепалку.

Когда они легли, Дональд сказал:

— Я нашел работу. Буду заниматься маркетингом.

— Мои поздравления, — сказала она, зевнув.

Позже, чувствуя себя совсем проснувшейся, она как бы невзначай поинтересовалась:

— Как ты думаешь, что такое грех?

Дональд откликнулся:

— Что?

Памела приподнялась на локте:

— Я хочу спросить, ты веришь в грех?

Дональд изумился:

— Ты чувствуешь себя в чем-то виноватой?

— Да нет, — протянула она, совсем не будучи в этом уверена.

— Ты хочешь сказать, что нам пора пожениться?

— Нет, — она чувствовала во всем теле усталость и поняла, что не может больше спорить, — я, наверное, просто думала вслух. Просто я

сегодня говорила с одним человеком, и он заставил меня задуматься о том, что же все-таки люди называют грехом.

— С каким человеком? — сон слетел с Дональда и голос прозвучал слегка сердито.

Памела пожалела, что завела этот разговор.

— Да ни с каким. Обычный бродяга. Он что-то там бормотал насчет греха, а мне это почему-то запало в голову.

Дональд включил ночник.

— Интересно, зачем это тебе понадобилось разговаривать с бродягой, да еще и задвинутым на религию? Именно такие шизоиды и становятся маньяками-убийцами.

Памела откинулась на подушку и закрыла глаза.

— А я с ним и не разговаривала. Он клянчил у меня деньги и что-то бормотал. Я дала ему деньги, и он отстал. Вот и все.

— А сколько ты ему дала?

— Не волнуйся — не разорюсь.

Дональд возмущенно фыркнул:

— Учитывая, сколько ты получаешь на своей прекрасной работе, разориться для тебя — пара пустяков.

Памела тысячу раз говорила ему, что ее финансовые проблемы его не касаются — хотя в данном случае он был безусловно прав — но сейчас у нее уже не было сил спорить. В конце концов, он ведь приехал из Канзас-Сити специально, чтобы провести с ней ночь, а ведь мог бы спокойно переночевать там в отеле за счет своей новой фирмы. Тем более теперь, когда они оба окончательно проснулись, есть масса куда более приятных вещей, чем ругань. Она повернулась к нему и целовала его до тех пор, пока у него не пропала охота разговаривать.

Занимаясь любовью с Дональдом, Памела размышляла о том, не является ли такой способ решения конфликта грехом — с точки зрения Григгса.

Позже она лежала, уставившись в пустоту, и думала о том, как хорошо было бы родиться кем-нибудь другим. Дональд вернулся из ванной и рухнул на постель рядом с ней.

— Ты Меня измучила, — заявил он, я соображаю не лучше, чем консервная банка.

Памела покосилась на него с неодобрением.

— Не прыгай на кровати, о'кей? Если ты пробьешь дыру в полу, платить за ремонт придется мне.

Он выключил свет и повернулся на бок, сказав:

— Извини.

Памела хотела было сказать что-нибудь ласковое, но раздумала, побоявшись, что будет только хуже.

Засыпая, она желала только одного — не видеть снов.

Разбудили ее душераздирающие звуки тяжелого рока. Из радиобудильника неслась «Лестница в небо». На всякий случай она стукнула по нему, уронив будильник на пол.

— Извини, дорогая, — донесся голос Дональда из ванной.

Памела села.

— Что происходит? — заорала она. Язык едва ворочался, словно заржавел.

— Я тебя не слышу из-за «Лед Зеппелин». Что ты его вообще

настроила на это старье?

Она наклонилась и выдернула шнур из розетки. Перед тем как погаснуть, оранжевые цифры показали 7.10 утра.

— Почему ты так рано встал? — крикнула она. — Сегодня ведь суб-б-о-о-та!

Памела почувствовала, как снова заболела голова.

Дональд появился в дверях в рубашке, но еще в пижамных штанах, держа в руках ботинки и носки.

— Я боялся, что у меня не будет времени, и встал пораньше.

— Времени для чего? — Памела старалась говорить спокойно, но это ей давалось с трудом.

— У меня в полдень ланч с новыми боссами, — ответил Дональд. — Поэтому мне надо быть дома к восьми, переодеться и помыться. Если бы мы жили вместе, можно было бы валяться еще целый час.

Памела уже с трудом сдерживала свой гнев:

— И то, что мы живем не вместе, это, конечно, моя вина.

Дональд в изумлении уставился на нее.

— Я не говорил этого, Пэмми.

Ее словно током ударило.

— Не смей меня так называть! Я никому не позволяю называть себя так.

— Хорошо, хорошо, — ответил он, отступая в гостиную.

Памела вскочила с постели и последовала за ним.

— Ты не хочешь сообщить мне, когда ты сегодня вернешься?

Дональд сел на диван и стал натягивать носки.

— Между прочим, это было первое, что я сообщил тебе вчера ночью. По-моему ты была не слишком сонная. Кстати, я хотел взять тебя с собой, но это, вероятно, создаст проблемы, — он надел ботинки и встал. — Между прочим, Пэм, в квартире очень прохладно, чтобы бегать нагишом.

Памела была даже благодарна ему за это замечание — оно давало возможность ретироваться в спальню и не отвечать на дальнейшие вопросы. Надевая розовый фланелевый халат, она размышляла, как отреагировал бы Дональд, если бы это ей посчастливилось найти работу в другом городе и ему надо было бы покинуть Лоуренс.

Когда она вернулась в гостиную, Дональд был уже в пальто и стоял в дверях со своими книгами и своей почтой.

— Извини еще раз, я действительно предупреждал тебя ночью насчет будильника. Ты еще пробормотала что-то вроде «да-да», честное слово.

— Все в порядке, милый.

Он обнял ее, как всегда слишком крепко, пальто было таким жестким, что ей показалось, будто ее обнимает кресло. Хотя уж лучше так, чем когда вообще никто не обнимает.

— Будь осторожна, если пойдешь куда-нибудь, — шепнул он ей на ухо. — На улице скользко.

— Ты тоже.

Он открыл дверь, и холодный ветер ворвался в дом, так что Памела вновь ощутила себя обнаженной. Она глубоко вдохнула.

— Подумай о переезде в Канзас-Сити, — крикнул Дональд на ходу. Памела уже закрыла дверь, когда он добавил:

— И держись подальше от бродяг. Этот городишко не такой тихий, как кажется, а Канзас-Сити...

Его голос потонул в завываниях ветра, и Дон зашагал к стоянке.

Памела захлопнула дверь и кинулась в спальню. В постели накрылась с головой и не вылезала, пока не согрелась. Дверь была открыта всего несколько секунд, но она чувствовала себя промерзшей до костей. Только сейчас она подумала, как же холодно должно быть ночью под мостом...

Под свитером и джинсами у нее был тренировочный костюм, но она все равно ощущала холод. Ветер колот нос и щеки миллионами ледяных иголок, и она почти не чувствовала пальцев ног, несмотря на две пары шерстяных носков. Пешеходная дорожка моста Вермонт-стрит была огорожена лишь алюминиевыми перилами. Они были ей по пояс и Памела чувствовала себя канатоходцем на тонкой стальной нити, соединяющей два пика Гималаев. В сорока футах под ней текла серая холодная река, даже отсюда слышался шум водопада на шлюзах за мостом Массачусетс-стрит. Каменистый берег, судя по виду, мог быть населен только пингвинами.

Зачем она это делала? Этот вопрос она задавала себе снова и снова. Какое объяснение можно было подыскать? Почему она покинула теплую квартиру ради этого самого холодного куска бетона в городе? Она была уже на середине моста, когда ее поразила мысль о том, что хорошо было бы прислониться к этим толстым алюминиевым перилам, расслабиться и, мягко перекувыркнувшись, упасть вниз. Каково это — кружиться и кружиться, пока не ударишься об эту мягкую серую гладь? А вода, — вода, которая так мягко обнимает, теплее она или холоднее этого ледяного воздуха?

Памела ухватила рукой в толстой перчатке за перила, резко отстранилась и пошла дальше чуть быстрее. Впервые в жизни в голову ей пришла мысль о самоубийстве. Наверно, это ветер выстудил не только лицо, но и мозги.

Самое правильное сейчас — это вернуться обратно, сесть в машину, поехать домой и забыть все. А еще правильнее было бы вообще никуда не выходить... но это было невозможно. Дома слишком пусто и мрачно, вот поэтому она здесь, идет, напрягая усталые мышцы, через реку Канзас — так ее называют все, кроме жителей штата Канзас. И во всей этой путанице с названиями не больше смысла, чем в ее собственных поступках.

Наконец она оказалась на северном берегу Кау-ривер и задумалась, куда идти дальше. Здесь, в Северном Лоуренсе, ничего не было, кроме газгольдеров и топливных станций. Так зачем же она здесь?

Она заметила знакомые обноски на скалах за дамбой. Первое побуждение — повернуть обратно, но чертыхнувшись сквозь зубы, пошла вперед. Идя по дамбе, она смогла рассмотреть, что это не просто куча тряпья, что внутри нее кто-то копошится. Когда она спустилась с дамбы на скалы, то увидела выглядывающую из тряпья физиономию Григгса. Он сидел, сгорбившись, словно замерз под невидимыми ударами, и Памеле показалось, что он уже мертв. Теперь надо вызвать полицию, а завтра ее имя появится в газетах... «Секретарша находит замерзшего бродягу»...

Памела остановилась футах в пятнадцати. Ей не хотелось вызывать полицию, ей не хотелось видеть свое имя в газетах, ей вообще ничего не хотелось знать о нем, особенно же не хотелось узнать, что это на ее десять долларов он напился до такой степени, что упал и свернул себе шею.

Но ведь она здесь именно для того, чтобы все это знать, для этого она перешла через реку. Выходя из дому, она еще пыталась убедить себя, что

идет просто проветриться и подумать о них с Доном — но в глубине души уже знала, зачем идет сюда. Теперь же вот стоит и пытается найти повод не подходить к нему.

— Мистер Григгс?

Если он откликнется, или хотя бы пошевелится, можно спокойно уходить.

Он не шелохнулся. Ей ничего не оставалось, как спуститься еще ниже. Теперь она находилась под самым мостом Вермонт-стрит; шум падающей воды превратился в рев. Даже если Григгс и откликнется, ей не услышать его. Футах в пятидесяти от нее трое мужчин сидели у костра, не обращая ни на нее, ни на Григгса никакого внимания. Это ее удивило.

Почти ненавидя себя, она тронула его за плечо, легонько трянула. Он качнулся, не отвечая, словно тряпичный куль. Она потрясла его сильнее.

— Вставайте! — прокричала она сквозь шум воды. — Это не место для сна, вы, старый болван!

Собственные слова показались настолько нелепыми, что она затрясла его еще сильнее. Уронив сумочку, нагнулась за ней и увидела, что он прижимает к себе пакет, словно пытаясь со греться. Вдруг глаза Григгса открылись, и он улыбнулся ей. За ночь у него еще поубавилось зубов, а лицо было белым как молоко. Памела почувствовала приступ ярости.

— Я думала, вы умерли! — завопила она.

Губы Григгса шевельнулись, но она не расслышала ни звука. Не имеет значения. Если его дружки не желают помочь ему, это она сделает. Она схватила его за плечи.

— Пошли! — она подняла его на ноги. — Отведу вас в Армию Спасения... или еще куда-нибудь.

Где-то в городе действительно была эта контора; правда Памела понятия не имела, занимаются ли они устройством бродяг. Сейчас это неважно, решила она и потащила его за со бой.

Обратный путь длился целую вечность, и Памела совсем вымоталась. Григгс спотыкался на каждом шагу, не то от холода, не то от того, что был пьян. Ко всему прочему его мусорный мешок был страшно тяжел, едва не тяжелее самого Григгса. Наверху они остановились передохнуть, повернувшись спиной к ветру. Памела устала, и на Григгса ей смотреть совсем не хотелось, однако она чувствовала на себе его взгляд, и невольно обернулась. Он улыбался.

— Я знал, что вы придете, мэм.

Странно, но от него до сих пор пахло вчерашней мятной таблеткой. Неужели он потратил ее деньги на конфеты? Они двинулись дальше.

Григгс был в душе уже давно, а у Памелы едва начали отходить ноги. Только сейчас она стала осознавать, что натворила. Этот бродяга мог быть маньяком или убийцей... или кем угодно.

Зазвонил телефон на столике, она автоматически подняла трубку. Только услышав голос Дона, поняла, что шум льющейся воды прекрасно слышен на том конце провода, хотя дверь в ванную закрыта.

— Салют! И где это ты была? Я звоню уже третий раз за день, автоответчик обещал, что ты скоро вернешься, но он наврал!

Памела прикрыла трубку рукой:

— Я ходила... по магазинам... Правда не купила ничего...

Второе «Я» тихонько подсказывало, что надо все рассказать Дону, но третье «Я» решительно возражало.

— А ты меня хорошо слышишь? Я тебя отвратительно.

Она осторожно убрала ладонь:

— Это все из-за мороза, что-то с линией.

— Да, наверное. Слушай, малыш, я звоню, чтобы сообщить — я вряд ли появлюсь сегодня и даже завтра. Честно говоря, мне не хотелось бы возвращаться в Лоуренс до пятницы. Много работы, и надо быть здесь. Завтра я попробую найти какую-нибудь квартиру. Для тебя.

— Ты собираешься искать квартиру в воскресенье? — она даже забыла на минуту о Григгсе.

— Разумеется, а что?

— Но я не собиралась приезжать!

Трубка умолкла на несколько секунд.

— Да, но ведь на следующий уикенд...

— Не стоит труда!

— О, Господи, да ведь я только хотел подобрать квартиру. Если не хочешь...

— Не хочу!

На этот раз пауза была длиннее, а затем голос Дональда зазвучал уже спокойнее:

— Я понимаю, ты нервничаешь. Работа для меня значит многое, но ты, разумеется, не обязана относиться к этому так же, как я. Я позвоню в понедельник, и мы поговорим. Ты все обдумаешь, и мы поговорим.

Памела с шумом выдохнула и только сейчас обнаружила, что все это время сдерживала дыхание.

— Послушай, я просто не хочу никуда ехать в такую погоду. Я еле дошла до дому, а ночью обещали снег! — прогноза погоды она сегодня еще не слышала.

— Я понял, понял. Запиши мой номер на всякий случай...

Шум воды в ванной прекратился, и квартира огласилась звуками хриплого кашля.

— Мне надо идти! — в панике закричала она.

— Да я только продиктую номер...

— Ладно, давай, только быстрее... у меня что-то подгорает на кухне!

Дон торопливо продиктовал номер, она собралась записать, но пока искала книжку, уже успела забыть его.

— Неприятности, мэм? — прокаркал Григгс из дверей ванной.

Памела взглянула на него. Он стоял на ковре в гостиной, обмотавшись полотенцем. Худой настолько, что голова, покрытая редкими бесцветными волосами, казалась непомерно большой. Он побрился старым лезвием и явно неудачно. Вода еще капала с него, оставляя темные пятна на полу.

— Идите в ванную, пожалуйста.

Он не шелохнулся. Памела сдалась:

— Ну хорошо. У меня неприятности. Что дальше?

Григгс шагнул назад в ванную:

— Он будет недоволен, что вы меня привели?

— Нет, если я ему не скажу.

Она направилась в спальню.

— Вытритесь хорошенько, а я подберу вам какую-нибудь одежду. Ваши вещи завтра отнесем в чистку, хотя по правде говоря большую их часть проще сжечь, чем вычистить.

— Врать тому, кого любишь — грех, — донесся до нее его голос. Затем

она услышала, как он откашлялся и сплюнул в унитаз. Она не могла решить, какая часть этой симфонии была омерзительнее.

Ел Григгс неторопливо, чего Памела от него не ожидала. Она-то думала, он по-волчьи накинется на хлеб и жареного цыпленка, вымажется маслом и соусом — а он вместо этого ел степенно, тщательно пережевывая. Сначала она удивилась, а потом вспомнила, сколько у него зубов.

— Я отплачу за вашу доброту, мэм, — объявил он после пятнадцати минут молчаливого поедания обеда. Памела вздрогнула и со звоном уронила вилку на тарелку.

— После вчерашнего... вы ведь знаете, я могу это сделать.

Памела тщетно пыталась наколоть на вилку кустик цветной капусты:

— Не нужны мне деньги. Я просто не могла дать вам замерзнуть.

Григгс вытер губы рукавом пижамы. Это ее успокоило; только то, что он ведет себя как обычный бродяга, давало ей некоторое преимущество.

Вы же знаете, я не о деньгах, мэм. Та маленькая таблетка — вы помните... Я забрал ваш грех, и вам не придется об этом больше думать. Я могу сделать и больше. Я — грехоед.

Памела усмехнулась, надеясь, что его это не обидит:

— Я с восемнадцати лет не верю в Бога, мистер Григгс. Родители пытались меня воспитать в этом духе, но что выросло — то выросло, и давайте больше не будем о грехе.

Григгс рассмеялся — если этот отвратительный скрип можно назвать смехом.

— Ваши слова говорят о том, что вы просто не любите Бога, и здесь я с вами согласен. Мне этот сукин сын тоже не нравится. — Он уставился в тарелку. — Но это не значит, что его нет.

Памела положила вилку.

— Любовь тут не при чем. Я просто не верю — вот и все.

— Впрочем, это без разницы, — Григгс взял из хлебной корзинки булочку и протянул ей. — Это подействует лучше таблетки, вам надо лечь и положить это вот сюда, — он задрал рубашку и ткнул себе в солнечное сплетение.

Памела встала и собрала посуду.

— Я не хочу об этом больше слышать. Спать будете на диване. Думаю, что в Армии Спасения может не оказаться для вас места. Если будете меня злить — опять окажетесь на улице.

Григгс положил руку ей на плечо.

— Я не собираюсь вас злить, мэм.

— Не хочется вас обидеть, но мне кажется, что занятие этим, как вы называете, «грехоедством»...

— Это чистая правда. Если вам неприятно об этом думать — не думайте об этом вообще. Просто делайте, что я вам скажу. Я заберу ваш грех, и ваша душа успокоится. А это то же самое, как если бы я заранее обещал вам местечко в раю. Или наоборот, вытащил бы вас из ада.

Он повернулся и вышел из кухни, пижамные штаны были ему велики и нелепо хлопали по коленкам. Памела вымыла посуду и обвела взглядом кухню. Все было чисто, только посреди стола в корзинке лежала одна единственная булочка.

«Как это она может забрать мой грех?» — неожиданно подумала Памела. И вообще, как это можно измерить грех? Чем? Литрами? Галлонами? Метрами? Килограммами?

Из гостиной донесся кашель Григгса. Если она не верит ему, то зачем притащила его к себе? Уж, конечно, не по доброте душевной — ведь бродяг на свете много, но всем им помогать она не собирается.

— Какого черта? — произнесла она вслух. Все равно никто не узнает. Она схватила булочку и решительно вошла в гостинную, где ее ждал Григгс.

— Ложитесь на спину.

Она опять впала в панику. Что, если он просто хочет ее изнасиловать?

— Ложитесь и успокойтесь.

Она села на диван, но все еще медлила:

— Я не знаю, что вы хотите.

Григгс, кряхтя, уселся на ковер, скрестив ноги.

— Неужели вы испугались бродяги? Я уже забыл, как это делается, я ничего не смогу сделать с вами. Да если бы и мог, не стал бы. Если вы думаете, что я хочу вас изнасиловать или ограбить — что ж, я буду сидеть здесь: и вы увидите, как только я пошевелюсь. Молодая здоровая женщина против костлявого старика...

Вообще-то, это было правдой. Сжимая в потной руке булочку, Памела медленно улеглась на диван. Когда голова ее коснулась подушки, она почувствовала, что во рту у нее пересохло. Дрожащими пальцами она засунула булочку под майку.

— Что я делаю? — прошептала Памела.

Она прижала булочку к телу обеими руками, как сказал ей Григгс и бессмысленно уставилась в потолок.

— Расслабьтесь, — раздался голос Григгса, — иначе вы не сможете вспомнить то, от чего вам хочется избавиться.

— Я пытаюсь.

Григгс откашлялся несколько раз и произнес:

— Все в порядке, мэм, вы просто боитесь того, чего не знаете. Так что доверьтесь мне, и вам воздастся. Он снова закашлялся.

Памела вскинула голову:

— Вам нужен доктор.

Он заставил ее улечься обратно одним взглядом.

— К черту докторов и к черту Армию Спасения. Можете вышвырнуть меня, когда вам угодно, но не указывайте мне, куда я должен идти, — он снова вытер рот рукавом, — вы спрашиваете себя — кто такой Григгс. Этот вопрос вас мучит. Григгс — никто. Григгс — сын Большого Города, сын трущоб. Он видел, как его мать умерла от рака, ему было семь лет, и с тех пор он стал задумываться о греходеях — он узнал о них от одного бродяги, который пришел к умирающей мамаше. И этот вот бродяга рассказал, что она была ведьмой, хотя остальные считали ее просто сумасшедшей. Да, так вот... Григгс видел, как его мама лежала обнаженная, на кровати, а на животе у нее лежали хлеб и мясо, как будто она была обеденным столом, а бродяга сидел рядом, а потом съел эту пищу; затем бродяга потрепал маленького Григгса по плечу и сказал: «Не удивляйся, сынок, потому что я грехоед. И я забрал грехи твоей мамы, чтобы ее душа могла отправиться в рай».

Голос Григгса звучал глухо и монотонно. От него Памела постепенно впадала в транс и уже плохо понимала смысл слов. Тело ее расслабилось; сейчас она чувствовала себя маленькой девочкой, засыпающей, пока папа рассказывал ей сказку на ночь. Бродяга продолжал:

— Вскоре мама отдала Богу душу. Григгса отправили в приют, а того бродягу положили в государственную клинику. Григгса взяли чужие люди. Новая мама била его и забирала все деньги, которые Григгсу давало государство, и чем взрослее становился Григгс, тем больше ему хотелось убежать. А чем больше ему хотелось убежать, тем чаще он проводил время в обществе бродяг, собиравшихся под мостом через Кау-ривер. Тогда там было много бродяг. Впрочем, они и сейчас там есть. Один из них — вот тут-то и начинается история, мэм, — один из них был старый грязный бродяга — тот самый, который съел мамины грехи. Каждый раз, когда Григгс убегал из дому, этот бродяга рассказывал ему разные истории. Истории о том, как в давние времена в доброй старой Англии любой ребенок знал о грехоедах, а в каждом городе был собственный. Когда кто-нибудь умирал, к нему звали такого грехоеда, и он заботился о том, чтобы душа умершего попала прямо в рай. Единственная беда заключалась в том, что когда приходил черед помирать самому грехоеду, душа его отправлялась прямехонько в ад, потому, что никто уже не мог избавить его от груза грехов. Но, как рассказывал старый бродяга, это не очень-то волновало их, ибо они обладали достаточной силой, чтобы сразиться с дьяволом.

Григгс замолчал. Памела чувствовала себя полностью расслабившейся, однако спать не хотелось и она спросила, что же было дальше.

— Старый бродяга умер. Не так, как все. Он просто усох, словно кусок яблока. Умирая, он рассказал, что все грехи, которые он съел за свою жизнь, обязательно потянут его в ад, и там он останется до тех пор, пока не появится новый грехоед и не освободит его душу. Тогда все эти грехи перейдут к новенькому. Кстати, бродяга рассказал и то, что он носит в себе грехи тридцати двух поколений людей со всего света, потому что у него нет преемника. Глядя на него, в это легко можно было поверить. Григгсу исполнилось четырнадцать лет, он продолжал жить со своей второй семьей, которая была ничуть не лучше первой. Однажды он все-таки убежал, и уже не вернулся обратно. Он ушел далеко, почти до самого Манхэттена, вместе с тем старым бродягой. Здесь, у Кау-ривер, тот и умер на руках у Григгса. Затем Григгс на время покинул эту страну и скитался по всему свету, добрался даже до Боливии, все это время поедая чужие грехи. Наконец он решил вернуться обратно к реке, туда, где был его настоящий дом, и остаться здесь навсегда. Да, еще одна штука. Во время своих скитаний он выяснил, что некоторые человеческие грехи можно забирать не только у умирающего, но и у живого, вполне здорового человека. Никакие легенды этого не объясняли. Но Григгсу это было и не нужно. Кстати, мэм, подумайте о том, что скажут соседи, если они видели, как вы впускали меня в дом.

Веки Памелы отяжелели и она едва различала слабый сероватый свет. Она слышала, как бьется ее сердце, но удары были какие-то замедленные, ленивые. «К черту соседей», — хотела сказать она, — но с губ слетело только слабое бормотание. Вероятно, Григгс ее загипнотизировал, но как ни странно, эта мысль совсем не испугала ее.

— О, кей, мэм, — голос Григгса обволакивал ее, словно теплая вода в ванне. — Теперь вы что-то вспомнили. Что-то плохое. Не бойтесь этого, теперь это больше не вернется к вам.

Голос Григгса вдруг превратился в пузырьки воздуха, поднимающиеся со дна реки, а затем Памела вдруг вспомнила, как

однажды соврала родителям, ей тогда было семнадцать.

Она почувствовала укол совести: — «надо было сказать правду тогда, чтобы они поняли, что я не жалею о том, что сделала, и чтобы они знали, что я больше не верю в то, во что верят они»... Затем наступила блаженная тишина, и Памела унеслась в какие-то иные миры, далеко-далеко от грешной Земли.

В понедельник Памела пришла на работу с новым ощущением. Обычно работа не приносила ей особой радости, казалась довольно скучной и казенной. Сегодня она впервые рассмотрела за типовыми справками и отчетами живых людей, почувствовала их мечты, радости и надежды. Она почувствовала, что ее присутствие здесь необходимо, что она нужна людям, и это чувство согрело ее. За все это надо было благодарить Григгса. За уикенд он избавил ее от старых грехов, и после такого избавления она чувствовала, словно у нее гора с плеч свалилась. Григгса она оставила спящим на диване — он выглядел старым и измученным, и Памела даже хотела попросить кого-нибудь зайти взглянуть, как он, но Григгс мог подумать, что она ему не доверяет, и обидеться. Она чувствовала себя очень обязанной этому человеку.

Лучше бы вызвать доктора. Памела, разумеется, не разбиралась в болезнях бродяг, но кашель Григгса говорил сам за себя. Правда, Григгс не хотел этого, и мог, чего доброго, вообще уйти на улицу. Наверное, стоит оставить все как есть — в конце концов он сейчас в тепле, у него есть еда, и так будет, пока он живет у нее дома. А потом она как-нибудь уговорит его, что доктора не так уж плохи... Потом... А сколько он еще сможет у нее прожить? Думать об этом не хотелось, и она постаралась занять себя работой, причем столь энергично, что вызвала немалое изумление у своих коллег.

Хорошее настроение продержалось до обеда, за которым одна из секретарш поинтересовалась, когда Памела собирается окончательно разобраться с Доном. Тут она и вспомнила, что сегодня вечером он будет звонить, и надо подумать, что она ему скажет. Мир немедленно погрузился во тьму. Упавшие с плеч горы оказались на своем месте и давили еще сильнее. Остаток дня был ознаменован рекордным количеством опечаток, неправильно заполненных бланков и непрекращающимся телефонным трезвоном, причем все звонившие постоянно попадали не туда. Безмятежное утро уже стало казаться Памеле лишь прекрасным сновидением.

Когда она вернулась, Григгс все так же лежал на диване. Сначала она решила, что он вообще не вставал, но потом заметила, что он надел башмаки. На ее приход он никак не прореагировал, и она испугалась, не умер ли он, но тут раздался его жуткий кашель; Григгс с трудом приподнялся и уселся, глядя на нее.

— Вы плохо выглядите, — заявила Памела. — Если и дальше будете отказываться от врача, придется вызывать скорую!

Григгс подтянул колени к подбородку, взглянул на Памелу исподлобья и ухмыльнулся. Она насчитала всего четыре зуба — за день он утратил еще два или три.

— Еще бы мне не выглядеть плохо! Это все грехи, мэм. Они давят не только изнутри, но и на телесную оболочку. А самые тяжкие начинают сами пожирать тебя — именно поэтому от всех грехов можно избавиться только умершего, все вылезает вот здесь — он указал на солнечное сплетение. — И мое время подходит.

Его голос звучал спокойно, почти безразлично, это разозлило Памелу. Очарование утра исчезло окончательно, теперь ей казалось, что все произошло только из-за неприятностей с Дональдом, кроме того, сейчас она ясно видела, Григгс умирает.

— Ерунда! Это обычная пневмония или эмфизема, и от нее надо лечиться, и отнюдь не пожиранием грехов!

Григгс печально посмотрел на нее:

— Это темная бездна, мэм, мы боимся ее, но все время думаем о ней. Я имею в виду душу. Единственные грехи, которые я могу забрать у живых — это те, которые лежат на поверхности. Вот почему вам опять хреново — нутро-то осталось то же самое. Пока не помрешь, эти вверх не всплывут, и если их тогда не съесть сразу, они так и останутся вместе с душой. — Он помолчал, затем мотнул головой. — Я, наверное, похож на какого-нибудь чертова священника. Все, что я хочу сказать — я могу забрать ваши мелкие грехи, и вам полегчает, но прочие останутся при вас до лучших времен и все равно будут вас мучить.

Памела положила руку ему на плечо.

— Я вас выслушала, теперь послушайте меня. Разрешите мне вызвать врача завтра. Если правы вы, и это все... грехи всплывают... тогда все в порядке, но если права я, и это болезнь, то ее надо вылечить, и тогда вы сможете еще лет десять-двадцать заниматься своим делом.

Григгс встал:

— Спасибо за вашу доброту, мэм. Мне пора идти.

Памела остолбенела. Что такое она сказала? Почему?!

Григгс пересек комнату и забрал свои вычищенные вещи, лежавшие у телевизора. Синяя вельветовая кепка венчала аккуратную горку, как купол иглу.

— Вы из другого мира, мэм, в вашем мире люди носят костюмы. Вы не знаете нас, вы хотите отдать меня в руки этих «лечил» с их шприцами и пилюльками. Мне будет только хуже, мэм, — он запихал вещи в пакет. — И я не хочу жить еще десять-двадцать лет. Даже двух лет не хочу. С меня хватит.

Памела вскочила:

— На улице все холоднее. Сегодня обещали мороз и северный ветер. Оставайтесь. Я обещаю — никаких докторов!

Григгс смотрел на нее поверх пакета:

— Дело не только в этом, мэм. Я знаю лучше. Я попробовал вашу душу. Вы уже не хотите держать меня здесь; если я останусь, вы все равно отправите меня в больницу.

— Это не... — Памела внезапно остановилась, поняв, что лжет. Она лгала родным, друзьям, Дональду так же легко, как и они ей, но Григгсу лгать почему-то не хотелось. Бродяга кивнул:

— Вот видите. Вы сами это знаете. Теперь, если позволите, я воспользуюсь ванной и оденусь, да, и дайте, если можно, пластиковый мешок взамен того, который вы выкинули, я сложу туда вещи.

Памела шагнула к кухне:

— Конечно... я дам... только, ради Бога, оставьте себе этот костюм!

Она сама не понимала, почему это так важно для нее.

— Спасибо, мэм. Ведь мои тряпки — одежда тех, кому я уже помог отправиться в рай; сами понимаете, я не очень-то тороплюсь надеть их.

Памела ушла в кухню. Она не должна плакать. Все вышло так, как она хотела. Она не должна плакать.

Отрывая новый пакет от рулона под раковиной на кухне, Памела услышала, как хлопнула дверь, порыв холодного ветра проник даже в кухню. Григгс ушел, не попрощавшись! Она рванула на себя пакет и бросилась обратно в комнату.

Это был не Григгс; это был Дональд. Он стоял, уставившись на бродягу. Памела замерла. Дональд обернулся к ней:

— Салют!

Голос его был спокоен, но в нем звучала злость:

— Это его тут я слышал в субботу?

Она не ответила. Какая разница, что она скажет сейчас, ведь она солгала ему тогда. Григгс подошел и забрал у нее из рук пакет.

— Я улечусь на улице. Выстудите дом.

Дональд не остался равнодушен к уходу бродяги:

— Кто вы?! — голос его звучал грозно.

Григгс усмехнулся:

— Я — сын Большого Города. Рад встрече.

Обойдя Дона, он вышел в ночь и ветер.

Дональд закрыл дверь и прошел в комнату.

— Он здесь сидел? — Дон указал на диван. Если да, то я не прикоснусь!

Памела сама уселась на диван, отодвинувшись от Дона как можно дальше. Она пыталась разозлиться, но у нее ничего не получалось.

— Он здесь спал. Две ночи. Перед этим он мылся. Не волнуйся, ничего не подхватишь.

Дональд остался стоять, пальто перекинуто через руку, как щит. Он словно защищался:

— А как насчет тебя? Что я от тебя могу подхватить?

Она сверкнула глазами:

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю, что я должен иметь в виду. Когда я положил трубку в субботу, до меня дошло, что кто-то кашлял. Я об этом думал все воскресенье, а сегодня позвонил и оставил тебе сообщение, что приезжаю вечером. И вот я приехал — и нахожу его. Знаешь, что он мне сказал?

Памела почувствовала, что кровь отхлынула у нее от щек. На вопрос Дональда она даже не смогла покачать головой, и продолжала пристально смотреть на него.

— Он сказал мне, что ты переполнена грехами. Еще он сказал мне, что он их попробовал. А еще он сказал, что чересчур стар, чтобы забрать их все. — Он остановился, ожидая ее реакции, но видя, что она молчит продолжал:

— Я стал звонить в полицию, потому что боялся, что он тебя ранил. Затем я попытался дозвониться тебе на работу, но тут ты, наконец, появилась.

Дональд уронил пальто на пол и подошел к креслу перед телевизором.

— Ладно, — голос Памелы звучал слабо, словно издалека. — Ты думаешь, что я с ним спала?

Дональд вскинул голову, и в глазах его она увидела то же выражение, которое было в глазах Григгса, когда она в первый раз отказалась дать ему деньги:

— Конечно, нет. Но я не знаю, что он мог сделать с тобой, Пэмми — о, извини, я забыл, что ты не любишь это имя.

— Так зачем же ты приехал сегодня?
— Я должен был с тобой поговорить.
— Но ты мог приехать и позже, и мог точно также упрекать меня в неверности.

Дональд затряс головой:

— Я очень волновался. Я даже отменил встречу, чтобы приехать побыстрее. А когда увидел тебя и его, то подумал — да и сейчас так думаю, — что лучше уж мне потерять работу, чем видеть, как ты разыгрываешь Мать Терезу перед грязным бродягой.

— Так значит я не права?

Дональд встал и направился к двери:

— Я не должен был приезжать. Тебе не хочется меня видеть.

Памела с тоской подумала, какое чудное настроение у нее было сегодня утром, да и весь уикенд, благодаря Григгсу.

— Со мной случилось такое, что я просто не могла думать ни о чем другом.

— Ты имеешь в виду меня?

Памела не ответила. Она как-то не задумывалась над этим. Неожиданно ей вспомнилась беззубая улыбка Григгса. «Интересно, а я ведь ни разу не пожалела его по-настоящему. Ни разу».

Дональд открыл дверь и зима вновь ворвалась в дом.

— О'кей, я ничего не понял, но ты в порядке, он ушел, поэтому я тоже пойду. Я буду дома сегодня вечером, если, конечно, ты... — он вышел не закончив фразу.

Памела вскочила, схватив пальто, бросилась к дверям, но остановилась. Ничего. Теперь у него будет повод вернуться сюда. Она села и задумалась. Может быть, пришло ей в голову, Дональд уехал вовсе не из-за Григгса, может быть он пытается скрыть свою слабость, хочет, чтобы его пожалели. Что ж, Григгс нуждается в жалости гораздо больше. Ее второе «я» пыталось что-то возразить, но третье «я» отказалось слушать возражения. Памела пошла в спальню, чтобы сменить юбку и блузку на одежду, более подходящую для путешествия сквозь холодные сумерки.

Сначала ее рено не желал заводиться, потому что сел аккумулятор. К тому времени, когда она нашла соседа, который мог ей помочь, было уже восемь вечера, и она здорово проголодалась. Это в свою очередь навело ее на мысль, что Григгс наверняка голоден, поэтому пришлось заехать в закусочную и купить пару чизбургеров. Затем она доехала до библиотеки, а оттуда пошла пешком, как и в субботу. Было уже почти девять, и она едва разбирала дорогу. Вдалеке виднелись огоньки Лоуренса; город остался далеко позади, вокруг ничего и никого не было. Памела ругала себя за очередную глупость... Хотя — один раз она уже прошла этим путем...

Огонь костра показался совершенно неожиданно. Костер горел на том же месте, что и два дня назад, под мостом Массачусетс-стрит, и вокруг него сидели те же трое мужчин. Памела постояла, собираясь с духом, затем направилась к ним. Возможно, они что-то знают о Григгсе. Потом она увидела, что там, на бетонном откосе над костром, среди танцующих теней и отблесков огня, что-то лежит... Тело. Обнаженное, почти бесплотное тело.

Один из мужчин обернулся, и она узнала на нем свою собственную спортивную куртку... Она бежала к ним со всех ног, слыша свой крик

даже сквозь рев водопада. Трое мужчин смотрели на нее с удивлением. Добежав, она с силой ударила человека в ее куртке ногой и он чуть не свалился в костер. Затем она в неистовстве стала выбрасывать тряпье из пластикового пакета и бросать в огонь, в то время как мужчины со всех ног удирали от нее. Опомнившись, она огляделась по сторонам. Тряпье догорало в огне. Трое мужчин осторожно приближались к ней.

— Уходите или я убью вас! — закричала она.

Один из мужчин что-то ответил, но она не расслышала слов из-за рева воды. Затем они отвернулись и вскоре скрылись в темноте. Памела отшвырнула мешок, который все еще сжимала в руках, и бросилась туда, где лежал Григгс. Он улыбался ей. Даже в слабом свете карманного фонарика было видно, что зубов у Григгса совсем не осталось. Она накрыла его пальто Дональда, и наклонилась к самому его уху, чтобы он мог ее услышать:

— Я заберу вас отсюда. Все будет хорошо.

Она попыталась поднять его, но он прошептал ей на ухо:

— Мне не холодно, мэ.

— Но сейчас ниже нуля, а эти люди забрали Вашу одежду.

Голова Григгса качнулась:

— Я отдал ее сам... Один из них сказал, что займет мое место... Хотя врет, конечно.

Дыхание бродяги стало прерывистым, каждое слово давалось ему с трудом. Памела решительно возразила:

— Во всяком случае, теперь у вас есть это пальто. Вам будет тепло, пока мы не доберемся до больницы.

Он ударил ее дважды, разбив нос и губы; от холода боль была сильнее, защищаясь она отдернула руки, прикрывая лицо. Теперь она не скрывала слез. В конце концов не ее вина, что старый дурак не желает жить. Она поспешно вытирала слезы перчатками, потому что на этом морозе они сразу превращались в лед. Видела она с трудом, фонарик горел все слабее, преодолевая себя, она наклонилась к Григгсу и прокричала ему в ухо:

— Я пытаюсь спасти вас, черт возьми!

Она ненавидела его за то, что он видел ее слезы. Он снова начал что-то шептать и ей пришлось опять наклониться над ним.

— Я говорил... Никаких докторов... Никакой Армии Спасения... Ничего!

Памела вновь попыталась поднять его. Она не простит себе, если даст ему умереть.

— Подумайте, мистер Григгс, если Вы умрете, что будут делать люди, которым понадобится пожиратель грехов.

Короткий смешок.

— Теперь им придется самим заботиться о своих грехах. Я последний.

— Тогда почему же вы хотите уйти — ведь вы единственный, кто может помочь им!

— Не осталось зубов. Не могу жевать.

— Но ведь можно поставить протезы.

Она все еще пыталась поднять его и он снова ударил. Почти ослепшая от слез и боли, уронила невесомое тело на камни и обессиленная прижалась щекой к его лицу.

— По крайней мере, дайте отвезти Вас домой — Вы хотя бы умрете в тепле.

Голова Григгса запрокинулась:

— Я должен быть с моей рекой... Да, да... Всегда оставайтесь рядом со своей рекой... Тогда все будет хорошо.

Памела прижалась к нему еще теснее, все еще пытаясь укрыть его от холода. Дыхание Григгса прервалось, затем он глубоко вздохнул.

— Это был лучший цыпленок и самая лучшая булочка в мире, мэм, — прошептал он и вытянулся.

Памела замерла еще на минуту, затем осторожно отпустила старика. Уронила перчатку, но не заметила этого. Поднялась на ноги, и только сейчас почувствовала холод. Несколько мгновений всматривалась в Григгса, пытаясь удержать взглядом последний отблеск в глубине его старых бесцветные глаз, а затем медленно стянула белое пальто Дональда с тела. Она зачем-то аккуратно сложила пальто рядом на камнях и сняла вторую перчатку. Пальцы сразу сковал ледяной холод. Она провела рукой по обнаженной груди бродяги. Как раз под грудной костью ее пальцы ощутили теплое пятно. Она спустилась к реке. У самой воды нашла то, что искала — пакет с чизбургерами и картошкой. Упавший уголек прожег в пакете дыру, но еда оказалась нетронутой. Она отнесла пакет к телу Григгса. Чизбургеры уже остыли, но картошка была еще сносной, парень из закусочной налил достаточно кетчупа. «Ладно, — подумала Памела, бывало и похуже.» Когда она покончила с бутербродами, то вспомнила, что в кармане до сих пор лежит мятная таблетка. С хрустом раскусила ее, ощутив холодный острый вкус — вкус пронзительного совершенства. Страхнула с пальто крошки, подняла с земли перчатки и шапочку. Сейчас она опять почувствовала холод, а простужаться не хотелось, поэтому она надела пальто Дональда поверх своего. Из груды тряпья из пакета выбрала, что попримечнее, и накрыла тело Григгса. Больше оставаться здесь она не могла. Она шла и бормотала слова давно забытых ею молитв, хотя прекрасно понимала, что для него они никогда ничего не значили. Сейчас она сядет в машину и поедет к Дональду. Наверное, он уже лег спать, но это неважно. Должен же он пойти на какие-то уступки, во имя их совместной жизни. На набережной она притормозила, слушая рев воды. Возможно, переезд в Канзас-Сити будет не таким уж трудным. Дональд, вероятно, согласится, чтобы они поселились около воды ведь место слияния Кау-ривер и Миссури — это практически в центре. Можно будет снять квартиру поблизости. Да и наверняка в этом городе полно грешников.

Может быть, они когда-нибудь поплывут по Миссури до Сент-Луиса, а оттуда по Миссисипи еще куда-нибудь — куда угодно. В конце концов, даже океанские волны несут воды ее реки. Она почти видела этот океан, чувствовала его запах, ощущала соленые брызги на лице.

Памела подняла голову и поймала взглядом далеко-далеко впереди одинокий огонек. Темный узел грехов уютно пригрелся, угнездившись в ее животе, подобно нерожденному ребенку, который терпеливо ждет своей очереди.

Опуск №...

Фарли Моуэт Снег¹²

Во времена младенчества истории человек уже знал, что на лоно природы влияют некие силы-первоосновы. Древние греки, расположившиеся на берегах своих теплых морей, выделяли четыре элемента: Огонь, Землю, Воздух и Воду. Но мир греков был поначалу неширок и несколько ограничен, поэтому пятый элемент всего сущего был им неведом.

Около 330 года до нашей эры древнегреческий математик-перипатетик¹³ Пифей совершил фантастическое для тех времен путешествие на север — до берегов Исландии и далее, в Гренландское море. Там он познал пятый элемент во всем застывшем белом великолепии и, вернувшись в теплое Средиземноморье, приложил все старания, чтобы описать увиденное наилучшим образом. Сograждане путешественника сочли его лжецом — даже обладающие самым живым воображением не могли постичь истинное величие и силу белого вещества, изредка ложившегося легким покрывалом на горные дворцы богов-олимпийцев.

Но вряд ли стоит упрекать их в неспособности представить, сколь велика сила снега. Мы, потомки и наследники древних греков, испытываем по существу сходное затруднение и не сознаем мощи пятой первоосновы.

12 © Farley Mowat. Snow. © 1979.
Перевела Л. Михайлова

13 Перипатетик — слушатель Перипатетической школы, или Ликей, философской школы, основанной в 335 г. до н. э. в Афинах Аристотелем, читавшим свои лекции во время прогулок (отсюда название школы — от греческого слова «перипатео» — «прохаживаюсь»).

Пифей (Питеас) — древнегреческий мореплаватель, совершивший между 350 и 320 гг. до н. э. плавание вдоль западных берегов Европы, достигший Британских островов и первым из путешественников античного мира описавший природу и занятия населения Британии. Двигаясь дальше на север, он достиг некоего «острова Туле». Его описание, данное Пифеем, явно содержит элементы фантастики. («Земля, море и вообще все висит в воздухе, и эта масса служит как бы связью всего мира, по которой невозможно ни ходить пешком, ни плыть на корабле...»). За этими словами можно увидеть и описание замерзшего моря — зрелища для древних греков, как принято считать, необычного (хотя они могли его увидеть и у северных берегов Черного моря, хорошо им известного). Загадочный «остров Туле», который античные географы помещали «в шести днях плавания к северу от Британии», чаще всего отождествляют с северо-западной частью Норвегии, иногда — с Оркнейскими, Шетландскими или Фарерскими островами. Предположения о том, что Пифей мог добраться до Исландии или тем более до острова Ян-Майен в Гренландском море, являются, пожалуй, слишком смелыми: корабли тех времен двигались только вдоль побережья.

В 1983–1984 годах в Таллине и Хельсинки были опубликованы исторические эссе известного эстонского исследователя, писателя и путешественника Леннарта Мери, в которых автор приводит историко-географические, филологические и даже математические выкладки, позволяющие предположить, что «огненный остров Ультима Туле» Пифея и других античных авторов — это эстонский остров Сааремаа (слова «тули», «туле» и в современном эстонском языке означают «огонь»). Л. Мери высказывает предположение, что Пифей привлек на Сааремаа слух о падении на остров гигантского метеорита; некоторые строки рассказов о Туле можно истолковать именно так, а огромный кратер, образовавшийся на месте падения и взрыва метеорита, является достопримечательностью Сааремаа до наших дней.

Как мы представляем себе снег?

Хрупкость рождественских снов, сотканных из темной синевы под перезвон санных колокольчиков.

Суровая реальность застрявшей в сугробах машины, когда колеса буксуют и бесцельно крутятся, целиком разрушая мнение о значимости нашей персоны — кувыркoм летят назначенные встречи, ломается строго расписанная жизнь.

Призрачный призыв запорошенных женских ресниц зимней ночью.

Решительность мамаш, когда они стягивают со шмыгающих носами ребятишек промокшие пальто и комбинезоны.

Пленительность воспоминаний стариков, пытающихся удержать в памяти, увидеть вновь белые дни своего детства.

Банальность телерекламы кока-колы, зазывно сверкающей на заснеженном склоне Солнечной долины.

Изысканность полной тишины в глубине укутанного снегом леса.

Хрусткий бег лыж и воинственное тарахтение снегохода.

Таким мы видим и знаем снег, но все его образы, известные нам, — только лежащие на поверхности черты многостороннего, калейдоскопического и изменчивого элемента.

Снег, на нашей планете фениксом возрождающийся из собственной растопленной влаги, бессмертен и вездесущ во всей галактике. В космической пустоте необъятные облака снежных кристаллов целую вечность перетекают с места на место. И все же, как доказывают умы лучших ученых и острейшие глаза, которыми астрономы, подобно циклопам, вглядываются в межзвездные дали, кристаллы, сверкающие в космической бездне, и снежинки, сажающиеся на наши руки и лица тихим декабрьским вечером, по существу одинаковы.

Снег — это тоненькая пластинка снежинки, на секунду присевшая на подоконник. Но снег также «дорожный указатель» пути к Солнечной системе. При взгляде на Марс через телескоп планета предстает как красноватый шар, только на полюсах сидят снежные шапки, а от них до самого экватора местами тянутся отливающие ледяным блеском языки¹⁴. Подобно тому как антилопа сверкает своим белоснежным зеркальцем вокруг хвоста на равнинах желто-коричневой саванны, Марс сигнализирует дальним мирам, отражая своими снежными равнинами яркие лучи нашего общего солнца.

Земля поступает так же.

Когда наш первый космонавт, отправляющийся к звездам, устремится прочь из Солнечной системы, перед его взором будет бледнеть и сливаться зеленая окраска материков и голубизна океанов на уменьшающемся земном шаре. И последний знак, который донесется до него с исчезающей Земли, подаст ему полярный гелиограф. Последним родным элементом, с которым он попрощается, будет снег. И снег укажет своим блеском дорогу к нашему миру летящим к нам инопланетянам — если у них есть глаза, которые смогут его заметить.

Кристаллическая снежная пыль рассеяна меж звезд, но на Земле снег предстает еще в одном обличье — как Титан-повелитель. На юге он властвует над целым континентом — Антарктидой. На севере он тяжелым

¹⁴ По современным астрофизическим данным, полярные шапки Марса состоят из замерзшего до твердого состояния углекислого газа, — но, тем не менее, это тоже снег, пусть и «углекислый».

панцирем покрывает горные отроги, своим весом заставляет Гренландию осесть глубоко в воду. Ледники — вот следующее обличье снега.

Ледники рождаются из снега, сыплющегося с неба, — хрупких мягких снежинок, почти бесплотных... но падающих непрерывно и никогда не тающих. Проходят годы, десятилетия, века, а снег все падает. Там, куда одна за другой ложились невесомые снежинки, скопилась огромная тяжесть. На поверхности белой пустыни незаметно никаких перемен, но в застывших глубинах кристаллы меняются: от давления искажается их структура, они соединяются, плотно смыкаются и в конце концов сливаются в черный, тяжелый лед.

Относительно недавно по геологическим масштабам снег четыре раза полностью покрывал Северную Америку, почти целиком Европу и большую часть Азии. Каждый раз снег изменял облик почти половины мира. Неотвратимое движение ледников толщиной около четырех километров, которые сползали с огромных ледяных куполов на полюсах, сдирало с лица земли все до самого базальтового и гранитного основания: уничтожало почву, все проявления жизни, прорывало глубокие борозды в скальном основании, продавливало земную мантию, отчего она проседала на сотни метров ниже первоначального уровня. А снег все падал, ложился мягкими волнами, пока из морей не улетучились и не превратились в льды несчетные миллионы тонн влаги, пока океаны не отступили от берегов континентов.

Мы не знаем другого природного явления, чья мощь превзошла бы равнодушное движение великого ледника. Даже разрыв земной коры во время наихудшего землетрясения не может идти ни в какое сравнение. Не равня ему и бушующие океанские валы, что с громовым грохотом обрушиваются на берег. Воздух, ревущий в безумии урагана, бессилен по сравнению с ним. Огонь самого сердца Земли, взрывающий горы и затопляющий равнины реками раскаленной лавы, потух бы, встретившись с медленным течением ледника.

Ледник — макроскопическая форма снега. Но в своей микроскопической форме он — воплощение эфирной мимолетной красоты. Банальным стало утверждение, что нельзя найти ни одной пары абсолютно одинаковых снежинок, тем не менее, каждая из бесчисленных мириад снежинок, упавших за все существование Земли на ее поверхность, будет вовеки оставаться уникальным творением симметрии и совершенства, сколько бы времени ни прошло.

Я знаю человека, который большую часть своей сознательной жизни посвятил изучению этого недолговечного чуда. Он выстроил дом, оснащенный вместо отопления системой заморозки. В крыше его дома зияет дыра. В снежные дни и ночи этот человек одиноко сидит в своем ледяном жилище, ловит снежинки на специально охлажденные стеклянные пластинки и спешит сфотографировать их через линзу. Для него пятый элемент во всем его бесконечном многообразии и неповторимости — сама красота, которую надо боготворить.

Не многие из нас захотели бы разделить с ним эту почти средневековую страсть. Сказать по правде, современный человек бессознательно укрепляет в себе шизофреническое отношение к пятому элементу. Хотя многие испытывают ностальгию по ушедшим в прошлое детским забавам в снегу, к теперешним вторжениям снега в нашу жизнь мы чаще всего относимся с возрастающей враждебностью. Мы не можем подчинить себе снег, заставить его работать на нас. Тот самый снег,

который благодатно покрывал зимой девственный мир наших предков, в новом, выстроенном нами, мире машин творит хаос. Сильный снегопад парализует жизнь Нью-Йорка, Монреаля, Чикаго. Он сдавливает транспортные артерии, ведущие к заколоченным городам, заносит пути железных дорог, парализует аэродромы, валит телефонные столбы и мачты линий электропередачи. Даже не очень сильный снегопад вызывает значительные неудобства — если разбившиеся автомобили, сломанные конечности и новых клиентов для бюро похоронных услуг можно отнести к категории неудобств.

Возможно, мы будем относиться к снегу с еще меньшей симпатией, и в совсем недалеком будущем. Рассказы о старых добрых зимах, когда сугробы вздымались до крыш, а санные экипажи проносились по дорогам, наметенным вровень с вершинами деревьев, — вовсе не небылицы. Всего сто лет назад это было обычным явлением. Но за последний век климат потеплел, кривая температур пошла вверх, произошло улучшение, с нашей точки зрения, в непостоянных погодных циклах. Возможно, что повышение температуры временное, и не за горами похолодание. Что мы тогда будем делать в нашем искусственном мире с его тонкой структурой? Будет ли снег восхищать нас тогда? Скорее всего само слово «снег» станет проклятием.

И все же, даже если наступит такое время, на земле могут остаться люди, которых неотвратимое безостановочное падение мягкого белого пуха не потревожит. Они — настоящие люди снегов.

Живут они только в северном полушарии, потому что царство снега в южном — в Антарктике — позволяет выжить лишь человеку, защищенному от внешнего воздействия почти как космонавт.

Люди снегов окружают Северный полюс. Это алеуты, эскимосы и индейцы атапаски в Северной Америке; гренландцы, лопари, ненцы, чукчи, якуты, юкагиры и родственные им народы севера Европы и Сибири.

Закоснев в своем «машинном веке», мы обычно полагаем, что эти люди, лишённые надежной защиты, которую дает наша прославленная техника, ведут безрадостную жизнь на краю цивилизации, отдают последние силы жестокой борьбе за выживание и не имеют никакого представления о «духовных ценностях жизни». И хотя нашим убеждениям в том, что только техническая цивилизация обеспечивает человеку достойный образ жизни, будет нанесен тяжкий удар, следует признать: многочисленные встречи с людьми снегов доказывают ошибочность этой догматической веры. Большинство из них вело достойную жизнь, пока наша алчность, порожденная манией величия, и самоуверенность не заставили нас вмешаться в их дела. Разве не достойно человека жить в мире со своей совестью и с соплеменниками, в гармонии с природой, смеяться и любить без стеснения, чувствовать, что день прожит со смыслом, не терять уверенности на протяжении всего жизненного пути — от рождения до смерти — и гордиться пройденным путем без заносчивости?

Снег был союзником этих людей. Он защищал и укрывал их от крайнего холода. Эскимосы строили из снежных плит дома. Обогреваемые изнутри только жировыми лампами, дома хранили тепло, хотя снаружи температура падала до пятидесяти градусов ниже нуля и бушевал ветер, чей рев скрадывали толстые снежные стены. Слежавшийся снег — прекрасный изолятор. Его можно резать и

формовать гораздо проще, чем древесину. И в то же время он легкий и прочен, если с ним правильно обращаться. Снежный дом-иглу с внутренним диаметром семь метров и высотой три метра два человека могут построить за два часа. Иногда эскимосы строили иглу до двадцати метров диаметром и, соединяя несколько таких домов-комнат, создавали настоящие снежные дворцы.

Все люди снегов так или иначе используют снег для укрытия. Если это оседлые племена, живущие в деревянных домах, зимой они обкладывают стены толстым слоем снега. Некоторые устраивают пещеру в высоком сугробе и покрывают его сверху оленьими шкурами. Если снега много, обитатели Севера редко страдают от холода.

Снег поддерживает также их транспортную систему. На собачьих и оленьих упряжках, надев снегоступы или лыжи, можно добраться до любого нужного места. Весь окружающий мир, засыпанный снегом, становится одной большой дорогой. По ней можно передвигаться очень быстро. Собачья или оленья упряжка может развить скорость до сорока километров в час и покрыть за день без особого труда около двухсот километров.

Подвижность, которую обеспечивает им снег, вместе с изменением поведения дичи зимой при всех прочих равных условиях уберегает людей снегов от голода. Снег, покрывающий зимой арктический лед, дает тюленям ложное ощущение безопасности. Они проделывают во льду дыхательные лунки, прикрытые тонким слоем снега. Охотник-чукча или эскимос находит такую лунку и ждет около нее, пока погруженная в снег над лункой костяная или деревянная палочка не качнется, и быстро вонзает острогу в невидимое животное.

В поросших лесом местах глубокий снег вынуждает лосей и оленей собираться на ограниченных участках, благодаря чему можно без особого труда добыть их. Важнее же всего, что животные, кроме летающих и обитающих под снегом, оставляют на его поверхности следы. Как только выпадет снег, все — от медведя до зайца — становятся гораздо более уязвимыми.

Люди снегов знают снег, так же как себя. Современные ученые исследуют пятый элемент не столько из научного любопытства, сколько из-за хищного стремления нашей цивилизации подстегнуть разорение Севера или из опасения, что придется вести войну среди снегов. Тратя на исследования огромные ресурсы денег и времени, ученые начали распознавать бесчисленные разновидности снега и наделять их именами. Они могли бы поберечь силы, потому что у эскимосов существует более ста составных слов, обозначающих разновидности и состояния снега, у лопарей — почти столько же. Оленеводы-юкагиры, живущие на арктическом побережье Сибири, могут определить глубину снега, его плотность и степень внутреннего оледенения, бегло взглянув на его поверхность.

Люди Севера радуются, когда толстый слой снега покрывает землю. Они приветствуют первый осенний снег и часто с грустью провожают его весной. Снег — их друг. Без его поддержки они погибли бы или, что, по их мнению, еще хуже, давно были бы вынуждены откочевать на юг и присоединиться к нашей безумной гонке, в которой не видят особого смысла.

Где-то сейчас идет снег. Может быть, он падает тонкой пылью на холодный песок пустыни, покрывая его странным бледным налетом и

пятная темные лица кочевников, запрокинутые к небу. Для них снег сродни чуду и конечно же являет собой знамение, наполняющее их души благоговейным страхом, навевающее холодок предощущения чего-то значительного.

А может, он вьется, скручиваясь в жгуты, над голыми замерзшими равнинами степей Сибири, прерий Канады, заматавая летние ориентиры, подпирая косыми сугробами двери и окна деревенских домов. Живущие в них люди терпеливо переживают буран. Пока он бушует, люди отдыхают; работа возобновится, когда он утихнет. А по весне талые воды помогут подняться новым растениям из черной земли.

Где — то снег тихо опускается большими хлопьями на окутанный покровом ночи большой город, завивается в белые коконы в лучах автомобильных фар, засыпает раны и смягчает уродливые шрамы, нанесенные обитателями города земле. Дети надеются, что снег будет идти всю ночь, что наутро ни школьный автобус, ни автомобиль не сможет доставить маленьких мучеников в школу. Но взрослые, мужчины и женщины, с нетерпением поглядывают в окна, потому что, если снег не прекратится, он спутает все их продуманные планы, составленные на следующий день.

А может, снег косо проносится над сгрудившимися у подножия скал палатками в арктической тундре. Постепенно он заматает свернувшихся колечком ездовых собак, упрятавших носы в пушистые хвосты — под снегом им тепло, и они засыпают. В палатках мужчины и женщины обмениваются улыбками. Завтра снег будет уже достаточно глубок и плотен, из палаток можно будет перебраться под купола уютных снежных домов, которые превратят зиму в пору веселья, песен, отдыха и любви.

Где-то сейчас падает снег.

Инвариант

Продолжаем публикацию глав пророческой книги А. де Токвиля. Предыдущие главы: Введение, гл. I. Внешние очертания Северной Америки (№ 4); гл. II. Происхождение англоамериканцев и как оно сказалось на их будущем (№ 5); гл. III. Общественный строй англоамериканцев, и гл. IV. О принципе народовластия в Америке (Мб).

Алексис де Токвиль (1805-1859) Демократия в Америке¹⁵

Глава V

НЕОБХОДИМОСТЬ ИЗУЧИТЬ ПРОИСХОДЯЩЕЕ В ОТДЕЛЬНЫХ ШТАТАХ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПЕРЕЙТИ К ОПИСАНИЮ УПРАВЛЕНИЯ ВСЕМ СОЮЗОМ

В данной главе предполагается определить, какова та форма правления, которая установилась в Америке на основе принципа

¹⁵ Печатается по изд.: Алексис де Токвиль. Демократия в Америке. М., «Прогресс», 1992

народовластия, рассмотреть присущие ей средства воздействия, ее трудности, преимущества и недостатки.

Первый недостаток состоит в следующем: устройство Соединенных Штатов чрезвычайно сложное; в этой стране одновременно существует два различных общества, которые, если можно так выразиться, втиснуты одно в другое. И мы видим здесь два правительства, полностью отделенных друг от друга и практически независимых; одно из них носит самый обычный характер, оно имеет весьма широкие функции и обеспечивает удовлетворение потребностей общества; тогда как другое — особое, сфера его деятельности ограничена и охватывает лишь самые общие интересы всей страны. Одним словом, это двадцать четыре небольших суверенных штата, составляющих один большой Союз.

Рассматривать Союз в целом, не изучив как следует отдельные штаты, — это значит вступить на путь со множеством препятствий. Форма федерального управления Соединенными Штатами появилась на свет последней; она является не чем иным, как разновидностью республики, которая впитала в себя все политические принципы, распространившиеся в обществе еще до ее возникновения и продолжающие существовать независимо от нее. Федеральное правительство, как я только что сказал, всего лишь исключение, тогда как правительство штата — явление обычное. Писатель, который пожелал бы описать общий вид подобной картины, не обрисовав прежде ее конкретных деталей, неизбежно впал бы в расплывчатость или в повторы.

Великие политические принципы, лежащие в основе системы управления современной Америки, зародились и получили свое развитие в рамках *штата* — сомневаться в этом не приходится. Таким образом, чтобы найти ключ к пониманию всего целого, следует рассмотреть систему управления штата как такового.

Штаты, составляющие в настоящее время американский Союз, имеют в том, что касается их видимого устройства, некую общность характеристик. Их политическая и административная жизнь сосредоточена в трех основных центрах деятельности, которые можно было бы сравнить с различными центрами нервной системы, управляющими движениями человеческого тела.

На первом уровне находится *община*, далее — *округ* и, наконец, — *штат*.

ОБЩИННАЯ СИСТЕМА В АМЕРИКЕ

Причины, побуждающие автора начать рассмотрение политических институтов с общины. — Община встречается у всех народов. — Трудности установления и сохранения общинной свободы. — Ее значение. — Причины, по которым главным объектом анализа общинного устройства автор избрал штаты Новой Англии.

Я не случайно начал исследование политических институтов Соединенных Штатов с общины.

Община является тем единственным объединением, которое так хорошо отвечает самой природе человека, ибо повсюду, где бы ни собирались вместе люди, община возникает как бы сама собою.

Таким образом, общинное устройство существует у всех народов, независимо от их обычаев и законов. Есть королевства и республики, создающиеся человеком, община же, кажется, прямо выходит из рук

Божьих. И хотя община существует с тех пор, как появились люди, общинная свобода остается чем-то редким и хрупким. Страна всегда в состоянии создать большие политические организмы, потому что обыкновенно находится определенное число людей, просвещенность которых до известной степени способна заменить опыт в делах. Община же складывается из элементов более грубых, зачастую не поддающихся воздействию законодателя. Трудности в установлении независимости общины, вместо того чтобы сокращаться по мере роста просвещенности народов, напротив, возрастают. Наиболее цивилизованное общество с трудом переносит попытки общины добиться независимости; оно восстает, сталкиваясь с многочисленными проблемами, и приходит в совершенное отчаяние, разуверившись в успехе значительно раньше, чем достигает окончательного результата.

В числе всех прочих видов независимости независимость общины, столь трудно утверждаемая, более всех подвержена вмешательству властей. Сами по себе институты общинной власти совершенно не способны противостоять сильному и предприимчивому правительству; для того чтобы успешно защищать себя, им необходимо всесторонне развиваться и воспринимать те взгляды и обычаи, которые распространены по всей стране. Таким образом, до тех пор пока независимость общины не войдет в обычай общества, ее можно без труда уничтожить, а стать обычной для общества она может только после того, как долгое время просуществует в законах.

Итак, общинная свобода не поддается, если так можно выразиться, стараниям людей. Поэтому весьма редки случаи, когда независимость общины устанавливается людьми; она возникает словно сама по себе и развивается почти незаметно в недрах полудикого общества. И только при непрерывном воздействии законов и обычаев, обстоятельств и, в особенности, времени ее удастся наконец укрепить. Можно утверждать, что ни один из народов Европейского континента не знает, что такое независимость общины.

Между тем именно в общине заключена сила свободных народов. Общинные институты играют для установления независимости ту же роль, что и начальные школы для науки; они открывают народу путь к свободе и учат его пользоваться этой свободой, наслаждаться ее мирным характером. Без общинных институтов нация может сформировать свободное правительство, однако истинного духа свобод она так и не приобретет. Скоропреходящие страсти, минутные интересы, случайные обстоятельства могут создать лишь видимость независимости, однако деспотизм, загнанный внутрь общественного организма, рано или поздно вновь появится на поверхности.

Для того чтобы сделать предельно понятными для читателя те общие принципы, на которых формируется политическое устройство общины и округа в Соединенных Штатах, я считаю полезным взять за образец какой-нибудь штат, подробно рассмотреть все то, что там происходит, и затем дать беглый обзор в целом по всей стране.

Для этой цели я избрал один из штатов Новой Англии.

Община и округ в различных частях Союза устроены по-разному, хотя легко заметить, что в пределах всего государства в основе образования как общины, так и округа лежали более или менее сходные принципы.

Однако, как мне кажется, в Новой Англии эти принципы получили наибольшее развитие и привели к более глубоким результатам, чем где

бы то ни было. Они проявляются здесь несколько рельефнее, если можно так выразиться, и потому стороннему наблюдателю их легче разглядеть.

Общинные институты Новой Англии являют собой стройную и законченную систему; они имеют давнюю историю; они черпают свою силу в законах и, в еще большей степени, в обычаях; они оказывают колоссальное воздействие на все общество в целом.

По всем этим причинам они заслуживают нашего самого пристального внимания.

РАЗМЕРЫ ОБЩИНЫ

Община Новой Англии (Township) является чем-то средним между кантоном и коммунуой во Франции. Обычно в такой общине насчитывается от двух до трех тысяч жителей¹⁶, таким образом, с одной стороны, она не настолько велика, чтобы интересы ее жителей слишком различались, а с другой стороны, община достаточно густо населена, так что здесь всегда можно найти людей, способных управлять ею.

ОБЩИННЫЕ ВЛАСТИ В НОВОЙ АНГЛИИ

В общине, как и везде, народ — источник всей власти. — В рамках общины народ самостоятельно решает свои основные проблемы. — Отсутствие муниципального совета. — Наибольшая доля общинной власти сосредоточена в руках выборных лиц (select-men). — Деятельность выборных лиц. — Общее собрание жителей общины (Town-Meeting). — Перечисление всех должностей, существующих в общине. — Обязательные функции и функции оплачиваемые.

В общине, как, впрочем, и повсюду, народ является источником власти в обществе, однако более непосредственно, чем в общине, он нигде не осуществляет свою власть. В Америке народ является хозяином, которому следует повиноваться в той мере, в какой только это возможно.

В Новой Англии при обсуждении дел, касающихся всего штата, большинство действует через представителей. Такой порядок диктуется необходимостью. Однако в общинах, где законодательная и исполнительная власти максимально приближены к населению, принцип представительства совершенно не используется. Здесь не существует муниципального совета; корпус избирателей после назначения должностных лиц общины сам направляет их деятельность во всем, что не подчинено законам штата, которые исполняются общинными властями прямо и безоговорочно¹⁷.

Подобный порядок настолько несовместим с нашими

¹⁶ В 1830 году в штате Массачусетс было 303 общин, а количество жителей составляло 610014 человек, таким образом, на каждую общину приходилось 2000 жителей.

¹⁷ Эти правила не применимы в отношении больших по своим размерам общин. Крупные общины обычно имеют мэра и двухпалатный муниципальный совет. Однако подобное устройство является исключением и должно быть разрешено в законодательном порядке. См. закон от 22 февраля 1822 года, регулирующий отправление власти в городе Бостоне. Законы Массачусетса, т. 11, с. 588. Это касается лишь крупных городов. Вместе с тем нередко случается, что и в маленьких городах существует особая система управления. В 1832 году в штате Нью-Йорк насчитывалось 104 общины, которые имели особое управление («Справочник» Уильямса).

представлениями и в такой степени противоречит нашим привычкам, что здесь необходимо привести несколько примеров, дабы сделать его по возможности более понятным.

В общине существует множество самых разнообразных должностей, характерной особенностью которых является узкая специализация, дробление функций, в чем мы сможем убедиться ниже. Вместе с тем значительная Доля исполнительной власти сосредоточена в руках нескольких ежегодно избираемых членов городского управления, называемых *select-men*¹⁸.

Законы штата возлагают на этих выборных лиц определенный круг обязанностей. Для их исполнения они не должны испрашивать разрешения у своих избирателей, но уклонение от исполнения обязанностей лежит на личной ответственности выборных лиц. Так, например, один из законов штата предписывает им составление списков избирателей в своих общинах. Если же они не делают этого, то считаются виновными в правонарушении. Однако во всех делах, находящихся в исключительном ведении общинных властей, члены городского управления являются исполнителями воли народа, подобно тому как, скажем, у нас есть мэр, исполняющий решения, принимаемые муниципальным советом. Чаще всего они действуют под свою личную ответственность и в большинстве случаев исполняют свои обязанности, просто следуя тем принципам, которые были ранее одобрены. Но коль скоро они захотят внести то или иное изменение в сложившийся порядок или решатся начать нечто новое, они обязаны обратиться за разрешением к народу, источнику своей власти. Предположим, что речь идет о создании новой школы. В установленный день члены городского управления созывают в заранее определенном месте всех избирателей. На этом собрании они оповещают присутствующих о возникшей потребности в школе, затем предлагают, каким образом это можно осуществить, определяют, сколько на это потребуется денег, а также указывают место, которое они наметили для будущего строительства здания. Собрание, обсудив все подробно, принимает предложение в целом, утверждает местоположение будущей школы, определяет размеры налога и вновь вверяет исполнение своей воли членам городского управления.

Собрание общины (*town-meeting*) может созываться только членами городского управления, однако к ним можно обратиться с просьбой о его созыве. Если десять собственников составляют новый проект и хотят представить его на одобрение общины, то прежде всего они просят созыва всех жителей общины, и члены городского управления обязаны подчиниться этому требованию; за ними сохраняется лишь право председательствовать на собрании.

Подобные обычаи в политике и в общественной жизни, безусловно, очень далеки от наших. В данный момент я не собираюсь ни давать им свою оценку, ни объяснять скрытые причины, которые их порождают и поддерживают, — ограничусь лишь их описанием.

Члены городского управления избираются ежегодно в апреле или в мае месяце. В это же время собрание общины избирает множество других

¹⁸ В маленьких общинах избирается трое членов городского управления, в самых крупных — девять человек.

муниципальных чиновников, на которых возлагаются весьма важные административные обязанности. Одни, называемые ассессорами, должны устанавливать размеры налогов; на других — сборщиков — возлагается обязанность взимать эти налоги. Офицер, называемый *констеблем*, исполняет полицейские обязанности; он следит за порядком в общественных местах и способствует исполнению законов. Секретарь городского управления ведет протоколы собраний, регистрирует все дела общины и составляет акты гражданского состояния. Казначей хранит денежные фонды общины. Прибавьте к этим чиновникам также и попечителя бедных, в чрезвычайно сложные обязанности которого входит приведение в исполнение законов, касающихся неимущих; уполномоченных по делам школ и общественного образования; инспекторов дорог, надзирающих за состоянием больших и малых путей сообщения, — и вы получите полный список административных чиновников. Однако разделение функций на этом не заканчивается: среди муниципальных должностных лиц встречаются еще и приходские уполномоченные, обязанностью которых является определение расходов на исполнение религиозных обрядов; всевозможные инспектора, которые должны руководить действиями жителей в случае пожара, или же следить за сбором урожая, или же наблюдать за правильностью проведения границ между владениями и разрешать возникающие время от времени споры в этой области, или же, наконец, надзирать за правильным обмером лесов и инспектировать соблюдение весов и мер.

Всего в общине насчитывается девятнадцать основных должностей. Каждый житель общины под угрозой штрафа обязан принимать на себя отправление этих обязанностей, но большинство из них оплачивается, с тем чтобы неимущие граждане были в состоянии отдавать исполнению этих обязанностей свое время без ущерба для себя. Впрочем, по американской системе выплата фиксированного жалованья чиновникам не предполагается. Каждое действие должностного лица имеет свою оплату, и, таким образом, чиновники получают вознаграждение сообразно вложенному ими труду.

ЖИЗНЬ ОБЩИНЫ

Каждый человек есть лучший судья в том, что касается его одного, — неизбежное следствие осуществления принципа народовластия. — Претворение в жизнь данных принципов в американских общинах. — Община Новой Англии абсолютно самостоятельна во всех делах, касающихся непосредственно ее самой, и подвластна штату во всех остальных сферах. — Обязательства общины по отношению к штату. — Во Франции правительство направляет своих чиновников в общины. — В Америке община использует своих чиновников в общегосударственных целях.

Ранее я уже говорил о том, что вся англоамериканская политическая система построена на принципе народовластия. На каждой странице этой книги будут описаны все новые и новые сферы приложения этой доктрины.

В странах, где господствует принцип народовластия, каждый человек обладает равной долей этой власти и каждый в одинаковой степени участвует в управлении государством.

Таким образом, предполагается, что каждый человек является столь

же просвещенным, столь же добродетельным и столь же сильным, сколь и другие, ему подобные.

Почему же в таком случае он подчиняется обществу и где находятся естественные пределы подобного повиновения?

Он подчиняется обществу совсем не потому, что менее других способен управлять государственными делами, и не потому, что менее других способен управлять самим собой, — он повинуетя обществу потому, что признает для себя полезным союз с себе подобными и понимает, что данный союз не может существовать без власти, поддерживающей порядок.

Таким образом, во всем том, что касается взаимных обязанностей граждан по отношению друг к другу, он оказывается в положении подчиненного. Однако во всем том, что касается лишь его самого, он остается полновластным хозяином: он свободен и обязан отчитываться в своих действиях только лишь перед Богом. Отсюда вытекает правило, что каждый человек есть лучший и единственный судья в том, что касается его собственных интересов, и что общество только тогда имеет право направлять его действия, когда этими действиями он может нанести обществу ущерб, или же в том случае, когда общество вынуждено прибегнуть к помощи этого человека.

В Соединенных Штатах данная концепция принята повсеместно. Далее я буду говорить о том широком влиянии, которое оказывает эта концепция даже на самые обыкновенные поступки человека. Ну а пока продолжим разговор об общине.

Община, рассматриваемая в целом, а также по отношению к центральному правительству, является не более чем обыкновенной единицей, поэтому к ней также применима описанная мною выше теория.

Итак, независимость общины в Соединенных Штатах логически вытекает из самого принципа народовластия; все американские республики в той или иной степени признали эту независимость, однако в штатах Новой Англии обстоятельства оказались особенно благоприятными для ее развития.

В этой части Союза политическая жизнь зародилась непосредственно в рамках самой общины; с известными оговорками можно было бы утверждать, что с момента своего образования каждая из данных общин являла собой независимую нацию. Когда впоследствии английские короли потребовали свою долю верховной власти в американских колониях, они ограничились тем, что сосредоточили в своих руках лишь центральную власть. Они оставили общину нетронутой. Сейчас общины Новой Англии находятся в подчиненном положении, однако вначале они не подчинялись никому или же если и подчинялись, то весьма незначительно. Таким образом, они не получили власть извне; наоборот, они сами как бы уступили часть своей независимости штату. Это очень важное различие, которое читатель должен всегда иметь в виду.

Община только тогда подчиняется штату, когда речь идет о таком интересе, который я бы назвал *общественным*, то есть когда дело касается не только ее самой, но также и других общин.

Во всем же, что относится непосредственно к самой общине, она по-прежнему остается независимой единицей, и среди жителей Новой Англии вряд ли найдется хотя бы один человек, который признавал бы за правительством штата право вмешиваться в управление сугубо общинными делами.

Мы видим, что общины Новой Англии занимаются куплей и продажей собственности, предъявляют иски и защищаются в судах, увеличивают или же уменьшают размеры своего бюджета, и никакая другая административная власть даже и не помыслит этому препятствовать.

Что же касается обязательств, общих для всего штата, то общины обязаны их выполнять. Так, например, если штат нуждается в деньгах, то община не вольна решать, оказывать ему содействие или отказать в такой помощи. Если штат намерен провести новую дорогу, то община не вправе противиться ее проведению через свою территорию. Если полицией устанавливается то или иное новое правило, то община должна ввести его и у себя. Если штат намерен организовать школьное обучение по единому плану на всей своей территории, то община обязана создавать предписанные законом школы. Когда речь пойдет о системе управления в Соединенных Штатах в целом, мы увидим, кто и как в самых различных случаях заставляет общины подчиняться. Я хотел бы здесь просто отметить, что у общины есть определенные обязательства. Эти обязательства весьма ограничены, однако правительство штата, налагая их, всего лишь устанавливает сам принцип взаимоотношений; что же касается непосредственного выполнения данных обязательств, то здесь уже община вновь вступает в свои собственные права. Так, например, размер налогов действительно определяется законодательным собранием штата, однако облагает ими и взимает их сама община; наличие школы является обязательным условием, однако именно община строит, оплачивает строительство и управляет этой школой.

Во Франции сборщик налогов назначается государством, чтобы взимать общинные подати; в Америке же сборщик налогов назначается общиной, но взимает подати для государства.

Таким образом, у нас центральное правительство отправляет своих чиновников в общину, тогда как в Америке община использует своих чиновников в общегосударственных целях. Уже один этот факт свидетельствует о том, до какой степени различаются между собой эти два общества.

ОБЩИННЫЙ ДУХ В НОВОЙ АНГЛИИ

Почему община Новой Англии столь любима теми, кто в ней живет? — Почему в Европе так трудно создаются общины? — Общинные права и обязанности, содействующие зарождению общинного духа в Америке. — Понятие отечества в Соединенных Штатах гораздо полнее выражено, нежели в других странах. — В чем проявляется общинный дух в Новой Англии. — Благоприятные последствия его проявления в Новой Англии.

В Америке существуют не только общинные институты, но также и общинный дух, который поддерживает общину и придает ей живительную силу.

Община Новой Англии имеет два преимущества, которые всегда, где бы с ними ни сталкивались, вызывают живой интерес людей: это — независимость и власть. Правда, сфера деятельности общины ограничена, и она не в состоянии выйти за ее пределы, но внутри этой сферы община совершенно свободна в своих действиях. Уже одна эта независимость придает ей большой вес, несмотря на численность ее населения и на размеры занимаемой ею территории.

Необходимо помнить, что люди обычно тяготеют к силе. В покоренной стране любовь к своему отечеству неизбежно и весьма быстро ослабевает. Житель Новой Англии привязан к своей общине не столько потому, что он здесь родился, сколько потому, что он видит в этой общине свободную и сильную корпоративную структуру, частью которой он является и которая заслуживает того, чтобы приложить усилия для участия в управлении ею.

В Европе нередко случается так, что даже те, кто стоит у власти, сожалеют об отсутствии общинного духа, поскольку все признают тот факт, что он является важным элементом поддержания общественного порядка и спокойствия; однако они не знают, каким путем можно создать этот общинный дух. Они боятся, что, сделав общину сильной и независимой и поделившись с ней властью, они ввергнут страну в анархию. Между тем изымите у общины ее силу и независимость, и вы найдете в ней лишь управляемых, но тогда уже не рассчитывайте встретить здесь граждан.

Кстати, обратите внимание на одну важную деталь: община Новой Англии устроена таким образом, что, вызывая в сердцах людей горячую к себе привязанность, она отнюдь не разжигает честолюбивых помыслов граждан.

Чиновники округа не избираются, и власть их ограничена. Сам штат имеет всего лишь второстепенное значение; его существование незаметно и тихо. Находится весьма мало людей, которые пожелали бы нарушить спокойствие своей жизни и удалиться от того места, где сосредоточены их непосредственные интересы, с тем чтобы получить право участвовать в управлении делами штата.

Те, кто руководит федеральным правительством, достигают могущества и почета, однако число людей, имеющих возможность влиять на его деятельность, весьма невелико. Президент — это очень высокая должность, которую можно получить лишь в преклонном возрасте; других значимых правительственных постов достигают либо по воле случая, либо уже после того, как человек прославился на каком-либо другом поприще. Добиться этих должностей, руководствуясь лишь неумемным честолюбием, невозможно. Именно в общине, где идет повседневная жизнь и складываются простые человеческие отношения, у людей возникает стремление заслужить уважение окружающих, появляется потребность удовлетворить свои истинные интересы, вырисовывается жажда власти и славы. Страсти, столь часто нарушающие спокойствие общества, приобретают здесь совершенно иной характер, поскольку они проявляются у домашнего очага, как бы в лоне собственной семьи.

Смотрите, с каким искусством в американской общине все заботятся о *рассредоточении*, если можно так выразиться, власти — для того, чтобы заинтересовать как можно больше людей в делах общества. Помимо того, что сами избиратели время от времени занимаются различными вопросами управления общиной, существует множество всевозможных должностей, множество различных чиновников, и все они представляют, в пределах своей компетенции, мощную корпорацию, от имени которой выступают! Как много людей используют таким образом в собственных интересах власть общины, будучи в ней лично заинтересованными!

Разделение муниципальной власти, согласно американской системе, между большим числом граждан совершенно не вызывает опасений, что в общине возникнет слишком много должностей. В Соединенных Штатах

справедливо полагают, что любовь к родине есть своего рода культ, который люди тем искреннее исповедуют, чем чаще они его отправляют.

Таким образом, жизнь общины не замирает ни на секунду; она ежедневно проявляется то в исполнении той или иной обязанности, то в использовании того или иного права. Постоянная вовлеченность в политику вызывает в обществе непрерывное и размеренное движение, активизирующее его жизнь, не нарушая в то же время его спокойствия.

Причины, по которым американцы привязываются к тому месту, где они живут, похожи на те, что вызывают у горцев любовь к своему краю. Их отечество имеет свои особые отличительные черты, в нем больше выразительности, чем в других местах.

Общины Новой Англии обычно живут весьма счастливо. Общинные власти, которые они сами себе выбирают, вполне соответствуют их представлениям. В условиях полного спокойствия и материального благополучия, господствующих в Америке, муниципальная жизнь редко нарушается бурями. Ведение общинных дел не требует особого труда. Кроме того, люди давно приобщились к политике, вернее, они были политически вполне образованными уже тогда, когда впервые ступили на эти земли. В Новой Англии деление на сословия уже давно исчезло даже из самой памяти людей, поэтому в общине не существует такого положения, когда какая-то группа стремится подчинить себе всех остальных, а если к отдельным людям проявляется несправедливость, то это почти незаметно на фоне всеобщего удовлетворения жизнью.

И если органы управления общиной все же допускают промахи, что, разумеется, не так уж сложно заметить, то промахи эти не воспринимаются как нечто особо значимое, поскольку жители общины сами создали свои органы управления и, гордясь ими, как родители детьми, прощают им многое, как бы худо они ни работали. Да и в любом случае гражданам не с чем их сравнивать. Даже в то время, когда Англия господствовала над всеми колониями, народ сам обстоятельно решал все общинные дела. Народовластие в общине, таким образом, не только существует издавна, но и является основой основ самого ее существования.

Гражданин Новой Англии привязывается к своей общине потому, что она сильна и неуязвима; он интересуется ее делами, поскольку участвует в ее управлении; он любит ее потому, что здесь ему не приходится жаловаться на свою судьбу; он видит в ней осуществление своих честолюбивых чаяний и надежд; он вмешивается в любое, даже самое мелкое происшествие в жизни общины, ибо в этой доступной ему, пусть и ограниченной, сфере деятельности он учится управлять обществом; он привыкает к установившемуся порядку, который только и может обеспечить свободное развитие общества без социальных потрясений; он проникается духом этого порядка, приобретает к нему вкус, начинает понимать гармоничную структуру власти и получает, наконец, ясное и реальное представление о природе своих обязанностей и объеме своих прав.

ОБ ОКРУГЕ В НОВОЙ АНГЛИИ

Сходство округа в Новой Англии с округом во Франции. — Сугубо административные причины его создания. — Отсутствие представительных органов. — Округ управляется назначаемыми, а не

выборными должностными лицами.

Американский округ во многих отношениях чрезвычайно похож на округ во Франции. Как и границы французского округа, его границы устанавливались совершенно произвольно. Он представляет собой некое административное образование, различные части которого не имеют между собой чем-либо обусловленных связей, а жителей не роднят с ним ни их привязанности, ни воспоминания, ни общность образа жизни. Таким образом, округ был создан исключительно в административных интересах.

Община имела слишком ограниченные размеры для того, чтобы здесь можно было отправлять правосудие. Как следствие, округ становится первым судебным центром. Каждый округ имеет свой суд, шерифа, обеспечивающего выполнение судебных решений, а также тюрьму, в которой содержатся преступники.

Общины, входящие в состав округа, испытывают те или иные потребности почти в одинаковой мере, и потому было делом совершенно естественным создание некоего средоточия власти для того, чтобы обеспечить их удовлетворение. В Массачусетсе подобная власть сосредоточена в руках определенного числа должностных лиц, которых назначает губернатор штата с согласия действующего при нем совета¹⁹.

Власти округа имеют весьма ограниченные полномочия, распространяющиеся лишь на незначительное число определенных заранее случаев. Для управления повседневными делами вполне достаточно штата и общины. В округе занимаются лишь подготовкой проекта бюджета всего округа, который затем утверждается голосованием в законодательном собрании штата. В Америке нет никакой ассамблеи, прямо или косвенно представляющей округ.

Строго говоря, округа в политическом смысле не существует.

В большинстве американских конституций можно заметить наличие двойственной тенденции, которая побуждает законодателей разделять исполнительную власть и концентрировать законодательную. Община Новой Англии имеет свойственную только ей жизненную основу, которой ее нельзя лишить. В округе же подобную жизнь пришлось бы создавать фиктивно, в чем не ощущалось совершенно никакой надобности: общины, объединенные вместе, составляют штат, который является носителем государственной власти; вне общинной и государственной сфер действуют, если можно так выразиться, лишь личностные силы.

ОБ УПРАВЛЕНИИ В НОВОЙ АНГЛИИ

Деятельность исполнительной власти в Америке протекает совершенно незаметно. — Причины этого. — Европейцы считают, что свободы можно добиться, отняв у власти некоторые из ее нрав; американцы обеспечивают разделение власти. — В сущности, практически все управление сосредоточенно в пределах общины и распределено между общинными чиновниками. — Отсутствие административной иерархии как в самой общине, так и в образованиях, стоящих над ней. — Причины этого. — Как все же получается, что штат управляется единообразно. — Кто обладает правом обязывать власти

19 Совет, существующий при губернаторе, является выборным органом.

общины и округа действовать в соответствии с законами. — Соединение исполнительной и судебной властей. — Результат распространения принципа выборности на всех должностных лиц. — Мировые судьи в Новой Англии. — Кем они назначаются. — Управление округом. — Обеспечение управления общинами. — Сессионный суд. — Его деятельность. — Кто передает дела в суд. — Право надзора и право жалобы, осуществляемые раздельно, как и все прочие административные функции. — Донос, поощряемый выплатой доносчикам части взыскиваемого штрафа.

Европейца, путешествующего по Соединенным Штатам, более всего поражает отсутствие того, что у нас называется правительством или администрацией. В Америке существуют писанные законы, исполнение которых заметно в повседневной жизни. Все вокруг вас находится в непрерывном движении, однако нигде не виден источник этого движения. Рука, управляющая общественным механизмом, неизменно сокрыта от глаз.

Вместе с тем, подобно тому как все люди для выражения своих мыслей вынуждены прибегать к использованию определенных грамматических конструкций и форм языка, так и все общества, для того чтобы существовать, обязаны подчиняться определенной власти, поскольку без нее наступает анархия. Данная власть может распределяться самыми различными способами, однако необходимо, чтобы она все же где-нибудь существовала.

У нации есть два способа ослабить силу власти.

Первый способ состоит в ослаблении власти в самих ее основах, причем в этом случае общество подчас лишается права и возможности защищать самое себя: подобное ослабление власти и есть то, что в Европе обычно называется установлением свободы.

Существует также и второй способ уменьшить роль власти в обществе: он заключается не в том, чтобы лишить общество ряда его прав, и не в том, чтобы парализовать его действия, а в том, чтобы рассредоточить эту власть, передав ее в разные руки, увеличить число должностных лиц, признавая за каждым из них всю полноту власти, необходимую для выполнения порученных ему обязанностей. У некоторых народов подобное рассредоточение государственной власти еще может вести к анархии, однако само оно не таит в себе ровным счетом ничего анархического. Следует сказать, что в результате такого разделения сила власти становится менее непреодолимой и не столь опасной, но при этом власть вовсе не разрушается.

Революция в Соединенных Штатах была плодом зрелого и продуманного стремления к свободе, а не какого-то неопределенного, инстинктивного желания независимости. Она отнюдь не была вызвана стремлением к беспорядку; напротив, она шла под знаком любви к порядку и законности.

В Соединенных Штатах никто и не считал, что человек в свободной стране может иметь право делать абсолютно все, что захочет; напротив, у него как у гражданина появились еще более разнообразные, чем у кого-либо в других странах, обязанности; не было даже намерения ни оспаривать тот принцип, что власть принадлежит обществу, ни оспаривать у общества его права на власть; ограничились лишь тем, что осуществление этой власти стало раздельным. Этим путем хотели достичь того, чтобы авторитет власти был высок, а влияние должностного лица —

незначительно, с тем чтобы общество, продолжая оставаться свободным, вместе с тем хорошо управлялось.

В мире не существует другой такой страны, где закон был бы столь всесилен, как в Америке, такой страны, где право применять закон принадлежало бы такому большому числу людей.

Исполнительная власть в Соединенных Штатах отличается тем, что внутри нее нет ни централизации, ни иерархии: именно поэтому она столь незаметна. Власть существует, но неизвестно, где ее искать.

Выше мы смогли убедиться в том, что общины Новой Англии не находятся ни под чьей опекой. Они самостоятельно заботятся о собственных интересах.

И наконец, на муниципальных чиновников также нередко возлагается обязанность способствовать исполнению общих законов штата или же самим приводить их в исполнение²⁰.

Помимо принятых общих законов, штат иногда занимается регламентацией деятельности полиции; однако обычно именно община и ее должностные лица вместе с мировыми судьями, исходя из местных нужд и вникая в частные подробности жизни общества, устанавливают определенные правила и издают распоряжения, касающиеся общественного здравоохранения, обеспечения должного порядка в обществе и чистоты нравов граждан общины²¹.

И наконец, общинные должностные лица самостоятельно, без каких-либо указаний со стороны, принимают меры к удовлетворению неожиданно возникающих в обществе потребностей, что случается довольно часто.

Из всего нами сказанного следует, что в Массачусетсе исполнительная власть почти полностью сосредоточена в самой общине²², хотя она распределяется здесь между целым рядом чиновников.

Во французской общине, строго говоря, есть только один административный чиновник — сам мэр.

В общине Новой Англии, как мы видели, их насчитывается по крайней мере девятнадцать человек.

Эти девятнадцать должностных лиц в большинстве случаев совершенно не зависят друг от друга. Закон точно определил круг обязанностей каждого из них. При исполнении своих обязанностей они всесильны и не подчиняются никакой другой власти в общине.

20 Должностные лица городского управления: выборные члены городской управы (select-men), податные чиновники (assessors), сборщики налогов (collectors), лица, наблюдающие за состоянием проезжих дорог (surveyors of highways)... Один пример из тысячи: штат запрещает без необходимости путешествовать в воскресенье. За исполнением этого закона наблюдают особые общинные чиновники — десятские (tythingmen).

21 Например, члены городского управления выдают разрешения на строительство водосточков и канализационной сети, определяют места для размещения скотобоен или таких коммерческих предприятий, чье соседство может нанести вред. См. закон от 7 июня 1785 года. т. I, с. 193.

22 Я говорю почти потому, что существует ряд ситуаций в жизни общины, которые регулируются либо мировым судьей в пределах его компетенции, либо группой мировых судей, собравшихся в главном городе округа. Например: лицензии на право торговать выдаются мировыми судьями. См. закон от 28 февраля 1787 года, т. I, с. 297.

Если же присмотреться к тому, что происходит за пределами общины, то окажется, что признаки административной иерархии едва заметны. Иногда случается так, что должностные лица округа изменяют решение, принятое общинами или общинными властями²³, но в целом можно утверждать, что власти округа не имеют права вмешиваться в деятельность общины.

Они могут давать ей распоряжения лишь тогда, когда речь идет о делах, касающихся всего округа.

Должностные лица общины, как и чиновники округа, обязаны в очень редких случаях, заранее определенных законом, сообщать о результатах своих действий представителям центрального правительства²⁴. Вместе с тем центральное правительство не имеет представителя, в чьи обязанности входила бы разработка общих положений о деятельности полиции или же ордонансов о проведении в жизнь законов; оно не располагает также чиновниками, которые бы постоянно сотрудничали с властями округа и общины, осуществляли надзор за их действиями, направляли их деятельность и наказывали их за ошибки.

Из вышесказанного следует, что в Новой Англии не существует центра, где сосредоточивались бы все нити исполнительной власти.

Каким же образом тогда удастся управлять обществом более или менее единообразно? Каким образом можно заставить повиноваться округа и их должностных лиц, общины и их чиновников?

В штатах Новой Англии законодательная власть распространяется на более широкий круг вопросов, нежели у нас. Законодатель проникает, так сказать, в самую сердцевину управления обществом, определяя все до самых малейших подробностей; закон одновременно устанавливает как основные положения, так и средства их воплощения в жизнь; тем самым закон штата строго и четко выявляет те многочисленные обязанности, которые ложатся на нижестоящие органы власти и их чиновников.

Из этого следует, что если все нижестоящие по отношению к штату административные образования и их должностные лица будут следовать в своих действиях закону, то во всех сферах общества жизнь будет идти единообразно; и все-таки остается неясным, каким образом можно обязать эти образования и их должностных лиц подчиняться закону.

В целом можно утверждать, что в распоряжении общества есть всего два способа заставить должностных лиц повиноваться.

Общество может предоставить одному из них безраздельную власть над всеми остальными, а также право лишать их должности в случае неповиновения.

Или же общество может поручить судам применять судебные

23 Например: лицензия на право торговли выдается лишь тому, кто может представить свидетельство о достойном поведении, выдаваемое членами городского управления. В случае, если в выдаче подобного свидетельства отказано, человек имеет право жаловаться мировым судьям, собравшимся на общую сессию суда, и судьи могут выдать ему эту лицензию. См. закон от 12 марта 1808 года, т. 11, с. 186. Общины имеют право издавать свои своды правил (by-laws) и обязывать жителей исполнять их под угрозой штрафа, размеры которого определены заранее. Однако эти своды должны быть утверждены на сессии суда. См. закон от 23 марта 1786 года, т. I, с. 254.

24 Например: общинные школьные комитеты обязаны ежегодно представлять отчет секретарю республики о состоянии дел в школе. См. закон от 10 марта 1827 года, т. III, с. 183.

санкции к нарушителям.

Однако далеко не всегда можно воспользоваться тем или другим способом.

Право руководить чиновником подразумевает также право смещать его с должности, если он не выполняет отдаваемых ему приказов, или же повышать его по службе, если он старательно исполняет свои обязанности. Между тем выборное должностное лицо нельзя ни сместить, ни повысить. В самой природе выборной должности заложен принцип несменяемости до окончания срока полномочий. И действительно, выборное должностное лицо может ничего и никого не бояться, кроме своих избирателей, если все государственные должности занимаются в результате выборов. Таким образом, среди чиновников не может существовать никакой иерархии, потому что невозможно одного и того же человека наделить двойным правом: и приказывать, и эффективно наказывать за неповиновение — и потому, что нельзя к власти распоряжаться добавить власть награждать и наказывать.

Страны, вводящие принцип выборности должностных лиц на нижних уровнях правительственного механизма, неизбежно оказываются перед необходимостью применять судебные санкции в качестве средства административного воздействия.

Сразу это определить нельзя. Стоящие у власти считают своей первой уступкой согласие на выборность всех должностных лиц, а второй — подчинение выборного чиновника постановлениям судей. Они равно опасаются и того, и другого нововведения, а так как от них обычно больше добиваются первой уступки, нежели второй, то они вводят выборность должностных лиц, сохраняя их независимость от судей. Между тем каждая из этих мер — это то единственное, что может уравновесить другую. Необходимо отдавать себе отчет в том, что выборная власть, которая не подчиняется судебным органам, рано или поздно ускользнет от всякого контроля или же будет уничтожена. Между центральной властью и выборными административными органами единственным посредником могут служить судьи. Только они в состоянии заставить выборного чиновника повиноваться, не нарушая при этом прав избирателей.

Таким образом, распространение судебной власти на мир политики должно находиться в прямой связи с расширением выборности органов власти. Если же эти два элемента не присутствуют одновременно, то государство приходит в конце концов либо к анархии, либо к рабству.

Во все времена отмечалось, что судебная деятельность довольно-таки слабо подготавливала людей к практической административной работе.

Американцы переняли у своих английских предков один из институтов, который не имеет аналогов нигде на Европейском континенте, а именно — институт мировых судей.

Мировой судья находится где-то посередине между обычным гражданином и чиновником, между административным должностным лицом и судьей. Мировым судьей обычно становится образованный, но не обязательно хорошо разбирающийся в законах гражданин. В его обязанности входит лишь осуществление полицейских функций, а это требует прежде всего здравого смысла и честности, нежели знаний. Мировой судья вносит в административный процесс, в котором он принимает участие, требование соблюдать определенные формы и гласность, что делает его помехой для любых проявлений деспотизма;

вместе с тем он не становится рабом буквы закона, что обычно превращает любого чиновника в человека, мало способного к отправлению своих функций.

Американцы ввели у себя институт мировых судей, одновременно совершенно лишив его аристократического характера, отличавшего этот институт в метрополии.

Губернатор Массачусетса²⁵ назначает во всех округах определенное число мировых судей на семилетний срок.

Кроме того, из числа этих мировых судей он назначает троих, которые образуют в каждом округе то, что известно под названием *сессионного суда*.

Мировые судьи принимают непосредственное участие в процессе управления. Иногда им поручается вместе с выборными чиновниками принимать определенные административные акты²⁶, в других же случаях в их обязанности входит формирование судов, на заседаниях которых представители власти вкратце излагают обвинение в адрес гражданина, отказывающегося повиноваться законам, или сам гражданин заявляет о тех или иных злоупотреблениях должностных лиц. Однако свои наиболее важные административные обязанности мировые судьи отправляют в ходе заседания сессионных судов.

Сессионный суд заседает два раза в год в главном городе округа. В Массачусетсе именно на этот суд возложена обязанность держать в повиновении большинство государственных чиновников.

Необходимо обратить особое внимание на тот факт, что в Массачусетсе сессионный суд является одновременно и административным учреждением в прямом смысле слова, и политическим судом.

Мы уже говорили о том, что округ²⁷ существует только в качестве административной единицы. И сессионный суд как таковой ведает лишь теми немногими делами, которые касаются одновременно интересов нескольких общин или же всех общин одного округа и которые, следовательно, нельзя поручить ни одной из общин в отдельности.

Таким образом, в делах, относящихся к компетенции округа, обязанности сессионного суда сводятся к чисто административным, и если суд и вводит нередко в свою процедуру те или иные судебные формы,

25 Далее мы поясним, что такое губернатор штата; но уже сейчас необходимо сказать, что губернатор представляет в своем лице исполнительную власть штата.

26 Один пример из многих: иностранец приезжает в общину из страны, в которой свирепствует некая заразная болезнь. Он заболевает. Двое мировых судей могут, по рекомендации членов городского управления, дать распоряжение шерифу округа перевезти больного в другое место, где за ним будет обеспечен уход. Закон от 22 июня 1797 года, т. 1, с. 540.

27 Рассматриваемые сессионным судом дела, касающиеся округа, сводятся к следующему:

- 1) строительство тюрем и зданий судов;
- 2) рассмотрение проектов бюджета округа (утверждаемых законодательным собранием штата);
- 3) распределение установленных в рамках той же процедуры налогов (путем голосования);
- 4) выдача некоторых категорий патентов;
- 5) строительство и ремонт дорог в округе.

то с единственной целью прояснить для себя дело и для того, чтобы тем самым предоставить гарантии тем общинам, совместные дела которых рассматриваются. Однако в случае необходимости обеспечить надлежащее управление внутри общины, суд практически всегда выступает в роли органа правосудия и лишь в чрезвычайно редких ситуациях — в качестве административного учреждения.

Главная трудность заключается в том, чтобы обязать общину, обладающую практически полной независимостью, исполнять общие законы штата.

Мы уже видели, что общины обязаны ежегодно назначать определенное число должностных лиц, называемых податными чиновниками, для обложения населения налогами. Община может попытаться избежать уплаты налога тем, что не назначит этих чиновников. В этом случае сессионный суд приговаривает ее к суровому денежному штрафу, причем данный штраф раскладывается на всех жителей общины без исключения. Шериф округа в качестве судебного чиновника обеспечивает исполнение приговора. Таким образом, в Соединенных Штатах исполнительная власть старается, причем весьма ревностно, оградить себя от посторонних взглядов. Административное распоряжение почти всегда прячется в этой стране за постановление суда; от этого распоряжение лишь приобретает еще большую силу, фактически непреодолимую, какой люди обычно наделяют закон.

Такой порядок вещей легко проследить и понять. Обязанности общины в большинстве случаев определены четко и ясно: это простой и непреложный факт, это принцип, а не его детальное осуществление²⁸. Трудности проявляются тогда, когда приходится заставлять повиноваться не саму общину, а ее чиновников.

Все неблагоприятные поступки, которые может совершить общинное должностное лицо, в конечном итоге сводятся к следующему:

чиновник может исполнять предписания закона с большим рвением, но не очень старательно;

он может вовсе не исполнять этих предписаний;

и наконец, он может делать то, что и вовсе запрещено законом.

Подсудными являются лишь действия должностного лица в двух последних случаях. Основанием для судебного вмешательства должно служить лишь наличие явного и несомненного факта нарушения.

Так, например, если члены городского управления не исполняют всех требуемых законом формальностей в ходе общинных выборов, то их можно подвергнуть денежному взысканию.

Однако если должностное лицо исполняет свои обязанности бездумно, если оно проводит в жизнь предписания закона без должного рвения и усердия, то суд на него воздействовать никак не может.

28 Существует косвенный способ заставить общину повиноваться. Например, закон обязывает общины содержать дороги в надлежащем состоянии. Если же они не сочли нужным проголосовать за создание дорожных фондов, то общинный чиновник, в чьи обязанности входит надзор за дорогами, имеет право своей властью собрать причитающиеся средства. А так как он сам тоже отвечает перед гражданами за плохое состояние дорог и, в свою очередь, может предстать перед сессионным судом по их требованию, то можно быть уверенным, что он обязательно использует в общине то исключительное право, которое дано ему законом. Так сессионный суд, угрожая чиновнику, принуждает к повиновению всю общину. См. закон от 5 марта 1787 года, т. I, с. 305.

Сессионный суд, хотя и наделен административными функциями, в данном случае бессилён заставить чиновника исполнять должным образом свои обязанности. Лишь опасения отзыва могут предотвратить нарушения подобного рода, а сессионный суд, не имея никакого отношения к формированию общинной власти, не может отозвать чиновников, которых не он назначил.

Кстати, чтобы убедиться в небрежности или нерадивости того или иного должностного лица, необходим постоянный надзор за деятельностью нижестоящих чиновников. Вместе с тем сессионный суд, собираясь всего лишь два раза в год, надзора не осуществляет; он лишь решает переданные на его рассмотрение дела по фактам правонарушений.

Единственной гарантией активного и разумного выполнения чиновником вверенных ему обязанностей является ничем не ограниченное право смещения их с должности, что не во власти судебных органов.

Во Франции мы пытаемся найти эти гарантии в *административной иерархии*; в Америке же их видят в выборности должностных лиц.

Итак, подводя итог вышесказанному, перечислим вкратце основное.

Если государственный чиновник в Новой Англии совершает *преступление* при исполнении своих служебных обязанностей, то он *всегда* предстает перед обычным судом.

Если же он совершает *административную ошибку*, то его наказывает суд, имеющий чисто административный характер; а в тех случаях, когда дело весьма серьезное или не терпит отлагательства, судья выполняет функции данного чиновника.

И наконец, чиновник, виновный хотя бы в одном из тех неявных нарушений, не поддающихся определению или оценке органами правосудия, ежегодно предстает перед судом, решения которого не подлежат обжалованию и который может сразу же лишить чиновника всяких полномочий, ибо его полномочия кончаются одновременно с прекращением действия его мандата на власть.

В данной системе, бесспорно, немало существенных достоинств, однако на практике встречаются определенные трудности, на которые необходимо указать.

Я уже отмечал, что административный, или так называемый сессионный, суд не имеет права надзора за должностными лицами общины; он может действовать лишь в том случае, если, выражаясь юридическим языком, дело *передано в суд*. Вот именно в этом-то и заключается слабое звено всей системы.

Американцы Новой Англии не стали учреждать при сессионном суде прокурорского надзора, и необходимо признать, что учредить его им было бы весьма непросто. Если бы они ограничились тем, что разместили в каждом главном городе округа чиновника-обвинителя, не придав ему одновременно помощников в общинах, то каким образом этот обвинитель смог бы знать больше о том, что творится в округе, нежели сами члены сессионного суда? Если же в каждой общине он имел бы своих агентов, то в его руках сосредоточилась бы самая страшная форма власти — власть управлять от имени правосудия. Законы между тем суть продолжение обычаев, а ведь ничего похожего в английском законодательстве не существовало.

Таким образом, американцы разделили право надзора и право

обвинения, как и все остальные административные функции в обществе.

Члены расширенной коллегии присяжных, согласно закону, обязаны предупреждать суд, при котором эта коллегия создана, о всякого рода правонарушениях, совершаемых в округе. Существует несколько видов крупных административных правонарушений, по которым именно атторней обязан официально возбуждать судебное дело. И все же обязанность наказывать правонарушителей чаще всего возлагается на фискальных чиновников, занимающихся сбором денежных штрафов. Таким образом, казначей общины обязан преследовать в судебном порядке большую часть замеченных им административных правонарушений.

Однако американское законодательство обращено в первую очередь к частным интересам²⁹; именно с этим основополагающим принципом постоянно приходится встречаться при изучении законов Соединенных Штатов.

Американские законодатели весьма мало верят в человеческую честность, однако они всегда исходят из разумности людей. Как следствие, они очень часто полагаются на то, что частный интерес послужит исполнению законов.

Когда в результате злоупотребления административной властью серьезно и ощутимо страдает частное лицо, все прекрасно понимают, что личный интерес, неизбежно побудит его подать жалобу.

Между тем несложно предвидеть, что, если предписание закона, каким бы оно ни было полезным для общества, совершенно не затрагивает интересов отдельных лиц, каждый подумает о том, стоит ли ему выступать в роли обвинителя. Именно поэтому, да еще при условии своеобразного молчаливого сговора, законы легко могут выйти из употребления.

В результате существующей системы, толкающей людей на крайности, американцы вынуждены заинтересовывать доносителей, предлагая им в отдельных случаях часть взимаемых штрафов.

Этот способ весьма опасен; исполнение закона сопровождается моральным разложением людей.

Над должностными лицами округа, строго говоря, уже не существует никакой иной административной власти, кроме власти правительства.

(Продолжение следует)

Библиография

Татьяна Добруси́на
Англоязычные фантасты в сборниках 1993 года

Итак, мы выполняем обещание, данное в самом первом номере нашего журнала. Перед вами — библиографический список авторов-фантастов, напечатанных в различных сборниках в 1993 г. Состоит он из

29 Один пример из тысячи: если частное лицо, проезжая по неисправной дороге, ломает свой экипаж или получает телесные повреждения, то он имеет право обратиться в сессионный суд с требованием возмещения своих убытков у той общины или округа, которые отвечают за состояние данной дороги. — Законы Массачусетса, т. I, с. 309.

двух частей: пронумерованного списка самих сборников и алфавитного списка авторов с отсылками к номерам сборников. Фамилии авторов даны на этот раз в наиболее употребительных формах.

Перед вами также дополнение к библиографии «Англоязычные фантасты в русских переводах. 1993 г.» — книги, сведения о которых оказались в нашем распоряжении после выхода в свет № 5 «Сверхновой».

И, наконец, самое для нас неприятное. Список ошибок, допущенных нами и нами же замеченных. Вероятно, и он не полон. Но, как известно, не ошибается только тот, кто ничего не делает...

Составитель.

Сборники

1. Баркер К. Воскресшие из ада: Сб. — М.: ТО «Издатель»: КМП «Сиринь», 1993. - 384 с. 25 000 экз.

2. Берега смерти: Сб. романов. — М.: РИПОЛ, 1993. - 383 с. — (Joker book). 100 000 экз.

3. Беркли Дж. Парк Юрского периода: Миллионы лет спустя; Уоллес Э., Купер М. Кинг Конг. — М.: Эрика, 1993. - 460 с. — (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.

4. Блистательный Голливуд: Амер. писатели о Голливуде: СПб.: Лениздат, 1993. - 512 с. 100 000 экз.

5. Брэкетт Л. Женщина с Альтаира; Венерианская колдунья; Нортон Э. Опасные грезы; Ле Гуин У. Город иллюзий. — Иркутск: Вост. — Сиб. кн. изд-во, 1993. - 463 с. 30 000 экз.

6. Ветер чужого мира: Сб. — М.: Сопричастность, 1993. - 352 с. — (Мир фантастики). 100 000 экз.

7. Возвращение злого духа: Сб. — М. — Инновац. — коммерч. предприятие «ИннКо», 1993. - 416 с. — (Библиотека острых сюжетов). 100 000 экз.

8. Возвращение на звезды. — М.: Крим-пресс: МП «Асмодей», 1993. - 350 с. 80 000 экз.

9. Войны грядущего. — Омск: ЛОЭР; Краснодар: Сов. Кубань, 1993. - (Science. Fiction. Fantasy. Horror; 2). 50 000 экз.

10. Врата времени: Сб. — Краснодар: Сов. Кубань, 1993. - 304 с. 50 000 экз.

11. Галактика. 1: Сб. фантаст, произведений зарубеж. авт. — М.: Вече, 1993. - 543 с. 100 000 экз.

12. Гамильтон Э. Звездные короли; Силверберг Р. Пришельцы с Земли; Гаррисон Г. Ди Гриз спасает мир. — Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1993. - 432 с. — (Сер. «Фатум», Фантастика-1; Вып. 10). 30 000 экз.

13. Гаррисон Г. Моралист; Хайнлайн Р. Пасынки Вселенной; Конан-Дойль А.К. Рассказы. — Минск: «Прометей», 1993. - 320 с. — (ФаДеП «Фобос»; Т. 5). 100 000 экз.

14. Говард Р.И. Конан-варвар; Саймак К. Принцип оборотня. — Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 1993. - 352 с. — (Сер. «Фатум», Фантастика-2; Вып. 13). 30 000 экз.

15. Грех чародейства: Сб. романов. — Тверь: Книжный клуб; Посредник, 1993. - 255 с. — (Золотая б-ка приключений). 100 000 экз.

16. Детские игры: Сб. рассказов. — М.: Вече: Джокер, 1993. - 431 с.

(Inferno). - (Библиотека «Вече»), 100 000 экз.

17. Диксон Г.Р. Иной путь; Ван-Вогт А.Э. Мир Нуль-А-Романы. — СПб.: Союзтеатр; Час Пик, 1993. - 254 с. 100 000 экз.

18. Жемчужины зарубежной фантастики: Повести. — СПб.: Лениздат, 1993. - 351 с. 100 000 экз.

19. Звездный путь: Сб. — СПб.: МСТ, 1993. - 576 с. — (Звездный путь). 150 000 экз.

20. Звездный старатель. — СПб.: Фирма «Мир и семья», 1993. - 480 с. — (SFinks). 50 000 экз.

21. Искатель. 5: Приложение к журн. «Вокруг света» М.: Тип. АО «Молодая гвардия», 1993. - 160 с. 250 000 экз.

22. Искатель. 1961-1991: Сб. произведений, опубл. в альм. «Искатель». — М.: Рос. Raritet, 1993. - 430 с. 100 000 экз.

23. Калейдоскоп: Альманах № 2. — Самара: СамВен, 1993. - 47 с. 30 000 экз.

24. Каменный век: Сб. — М.: Фирма «Наташа»; Н.Новгород: НПП «Параллель», 1993. - 543 с. — (На заре времен). 100 000 экз.

25. Карсак Ф. Робинзоны космоса; Томас Т.Л., Вильгельм К. Клон: Романы. — М.: Изд-торг. фирма «Т-Око», 1993. - 235 с. — (Серия «Детектив. Приключения. Фантастика»). 80 000 экз.

26. Кокон: Фантаст, романы и повести. — СПб.: АП «Васильев. остров», 1993. - 495 с. 75 000 экз.

27. Конан-варвар: Сб. — Таллинн, «Б-ка „Лооминг“, 1993. - 416 с. — (Б-ка за рубеж, криминал, и приключ. романа. Зарубеж, остросюжет. мистика; 10). 100 000 экз.

28. Королева ведьм Лохленна: Сб. — М.: «Товарищество Клышников, Комаров и Ко», 1993. - 542 с. 100 000 экз.

29. Кунц Д. Молния; Фостер АД. До последней точки: Романы. — СПб/АО «Авенис», 1993. - 540 с. 50 000 экз.

30. Ле Гуин У. Волшебник Земноморья; Уильямс Д. Герои ниоткуда: Роман, повесть. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 207, 173 с. — Книга-«перевертыш». 20 000 экз.

31. Лондон Дж. Приключение; Джон — Ячменное Зерно; Алая чума: Роман, повести. — Ростов н/Д.: Орфей, 1993. - 383 с. — (Призрак). 300 000 экз.

32. Лукас Д. Звездные войны. Возвращение Джедай; Мак-кентир В. Звездный путь: гнев Кана. — М.: ТОО «Калита»: Алфавит, 1993. 400 с. — (Серия «Шедевры Голливуда»), 100 000 экз.

33. Мартин Д. Песчаные короли: Романы. — СПб.: АО «ЭГОС», 1993. - 416 с. 50 000 экз.

34. Меч и сумка: Повести. — СПб.: Санкт-Петерб. тип. № 6: ТОО «ВлаС», 1993. - 480 с. — (Все Божьи твари). 100 000 экз.

35. Нивен Л. Защитник. — Смоленск: Фирма «Русич»; Таллинн: Мэлор, 1993. - 512 с. (Сокровищница боевой фантастики и приключений). 100 000 экз.

36. Норман Д. Тарнсмен Гора; Вне закона на Горе; Берроуз Э.Р. Пираты Венеры; Люди забытого времени. — М.: Келвори, 1993. - 511 с. 50 000 экз.

37. Нулевой потенциал: Сб. — М.: Пресса, 1993. — 478 с. — (Мир приключений). 50 000 экз.

38. Обряд перехода: Романы, повести. — СПб.: ЭКАМ, ИЧП «Интерпресссервис», 1993. - 512 с. 50 000 экз.

39. Оружие Хаоса: Романы. — Новосибирск: Тимур, 1993. - 527 с. — (Шедевры фантастики). 50 000 экз.
40. ОТЕЛЬ «Танатос»: Сб. — Ставрополь: Кн. изд-во, 1993. -325 с. — (Зарубежная фантастика). 50 000 экз.
41. Охотники на мамонтов: Сб. /Сост. М.Ю. Чугорина. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 511 с. — (Иные времена: Серия исторических романов). 200 000 экз.
42. Последний шанс: Сб. — М.: АГРА-Инрезерв, 1993. - 528 с. — (Фантастический боевик). 100 000 экз.
43. Престон Г. Адский рейд; Пол Ф., Уильямсон Д. Рифы Космоса; Саберхаген Ф. Земля во власти волшебства. — М.: Энтальпия: Пилигрим, 1993. - 384 с. — (Мифы Вселенной). 50 000 экз.
44. Пурнель Дж. Наемник. — СПб.: Оверлайд, 1993. -511 с. — (Оверлайт-САН). 100 000 экз.
45. Путешествие к Арктуру: Сб. — СПб.: Васильевский остров, 1993. - 414 с. 75 000 экз.
46. Рорк: Романы. — Пермь: Алетейа, 1993. - 464 с. — (Мир фантастики). 100 000 экз.
47. Владимир Савченко. Открытие себя; Ларри Нивен. Четвертая профессия; Гораций Гоулд. Вопрос формы: Сб. — Минск: Прамеб, 1993. - 400 с. — (Фантастика — Детектив — Приключения. Т.11). 50 000 экз.
48. Силверберг Р. Ночные крылья; Нивен Л. Полет лошади: Сб. — СПб. — Библиополис, 1993. - 536 с. — (Орион). 100 000 экз.
49. Скалолаз: Сб. — Тула: Тулабытсервис, 1993. - (Фантастика. Приключения. Детектив. Вып. 14). 432 с. 75 000 экз.
50. След памяти: Романы. — М.: РИПОЛ, 1993. - 432 с. — (Джокер). 100 000 экз.
51. Смит «Док» Э.Э. Кровавое Око Сарпедиона. — СПб.: АО «Спике», 1993. - 384 с. 50 000 экз.
52. Стрэнтон А. Чужие. Романы. — М.: Эрика, 1993. - 416 с. — (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.
53. Стюарт М. Хрустальный грот; Диксон Г. Дикий волк. — М.: Змей Горыныч, 1993. - 415 с. — (Жемчужины Змея: Фантастика). 50 000 экз.
54. Тайн Р. Красная жара; Кроун Р. Поезд-беглец; Бишоф Д. Военные игры. — М.: Эрика, 1993. - 430 с. — (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.
55. Узники неба: Романы. — Н.Новгород: ГИПП «Нижеполиграф», 1993. - 432 с. — (Фантастика. Приключения. Детектив). 50 000 экз.
56. Уилсон К. Паразиты мозга; Рюэллен А. Мемо: Романы. — Нальчик: Эль-Фа, 1993. - (Сер. «Фатум». Фантастика-3. Вып. 18.). 40 000 экз.
57. Уильямс Дж. Герои ниоткуда; Ле Гуин У.К. Волшебник Земноморья. — СПб.: Северо-Запад, 1993. 383 с. 200 000 экз.
58. Уильямс УД. Бриллианты Имперской Короны; Фостер А.Д. Осколок ока разума. — М.: ГРИФ-Ф Лтд, 1993. -416 с. — (Коллекционная фантастика). 150 000 экз.
59. Уоллес Э, Купер М, Ловелас Д. Кинг Конг; Смит Г.Н. Крабы-убийцы; Льюис Р. Пауки. — М.: РИПОЛ; Пермь: Урал-Пресс, 1993. - 400 с. (Joker book). 150 000 экз.
60. Уэллс Г. Это было в каменном веке; Рони Старший Ж. Вамирэх; Сенак К. Пещеры Красной реки; Йенсен Й. Ледник. — М.: Элизиум, 1993. - 320 с. — (Б-ка приключений. Цикл второй. Т. 4). 30 000 экз.
61. Фата-Моргана 6: Рассказы, повести. — Н.Новгород: Флокс, 1993. - 496 с. — (Б-ка зарубеж. фантастики). 100 000 экз.

62. Фата-Моргана 7: Рассказы, повести. — Н.Новгород: Флокс, 1993. - 496 с. — (Б-ка зарубеж. фантастики). 100 000 экз.

63. Фата-Моргана 8: Рассказы, повести. — Н.Новгород: Флокс, 1993. - 496 с. — (Б-ка зарубеж. фантастики). 100 000 экз.

64. Фостер А.Д. Чужой; Дик Ф.К. Бегущий по лезвию бритвы; Вспомнить все: Романы. — Рига: GviDo, 1993. -430 с. — (Бестселлеры Голливуда). 150 000 экз.

65. Херберт Ф. Муравейник Хеллстрома; Фаст Г. Разум Божий. — М.: AMEX Ltd; АО «Лорис», 1993. - 432 с. — (Новинки Science Fiction and Fantasy). 50 000 экз.

66. Цех фантастов: Сб. /Сост. И.Можейко. — М.: Моек, рабочий, 1993. - 287 с. 50 000 экз.

67. Цитадель бога смерти: Романы. — Новосибирск: Фирма «Тимур», 1993. - 542 с. — (Шедевры фантастики). 50 000 экз.

68. Чародей: Роман, рассказы. — СПб.: Фирма «НЭЛИ», 1993. — 176 с. — (Б-ка фантастического романа). 25 000 экз.

69. Чародей: Роман, рассказ. — СПб.: Фирма «НЭЛИ», 1993. - 176 с. — (Б-ка фантастического романа). 25 000 экз.

70. Черное воскресение: Сб. — Тула: Тулабытсервис, 1993. -462 с. — (Зарубеж. детектив/ Фантастика. Мистика). 50 000 экз.

71. Ярмарка страха /Сост. И.Е. Петрушкин. — СПб.: Лениздат, 1993. - 192 с. 75 000 экз.

Дополнительный список.

Андерсон П. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6/№. — Ангарск: Амбер, Лтд, 1993. - 542 с. — (Англо-амер. фантастика XX в.). 50 000 экз.

Содерж.: Роман: Война крылатых людей; Трилогия: Возмутитель спокойствия: Повесть: Треугольное колесо; Повесть: Невидимое солнце; Повесть: Возмутитель спокойствия; Трилогия: Звездный торговец. Повесть: Убежище; Повесть: Территория; Повесть: Разгадка.

Андерсон П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2. — М.: Фабула, 1993. — 463 с. — (Мастера амер. фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Трилогия: Звездный торговец: Повесть: Убежище; Повесть: Территория; Повесть: Разгадка; Трилогия: Возмутители спокойствия: Повесть: Треугольное колесо; Повесть: Невидимое солнце; Повесть: Возмутители спокойствия; Роман: Мир Сатаны; Рассказ: Рука помощи.

Андерсон П. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. — М.: Фабула, 1993. - 464 с. — (Мастера амер. фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Романы: Операция «Хаос»; Люди ветра; Настанет время.

Берроуз Э.Р. Пираты Венеры: Романы /Пер. В.Маршавин, М.Осипов, И.Гилсярлова. — М.: Армада, 1993. - 732 с. — (Фантаст, боевик). 75 000 экз.

Содерж.: Пираты Венеры; Заблудившиеся на Венере; Карсон с Венеры; Скитания по Венере; Колдун Венеры.

Берроуз Э.Р. Тарзан: Кн. 3. — СПб. — Энергоатомиздат. СПб. отделение, 1993. - 560 с. 25 000 экз.

Содерж.: Тарзан и люди-муравьи; Приключения в недрах Земли; Тарзан и потерпевшие кораблекрушение; Тарзан и город золота; Тарзан непобедимый.

Берроуз Э.П. Тарзан в море. — Уфа: МП «Коданс», 1993. -128 с. 26 000 экз.

Содерж.: Тарзан в море; Тарзан и убийство в джунглях.

Дик Ф.К. Гибельный тупик: Сб. /Авт. предисл. Л. Ткачук. — Калининград: РИФ «Рос. Запад», 1993. - 436 с. 100 000 экз.

Содерж.: Романы: Игроки с Титана; Снятся ли андроидом электроовцы?; Гибельный тупик.

Дойль А.К. Затерянный мир; Маракотова бездна. — М.: Патриот, 1993. - 268 с. 50 000 экз.

Дойль А.К. Собрание сочинений: Профессор Челленджер. — М.: Наташа, 1993. - 512 с. 50 000 экз.

Содерж.: Роман: Затерянный мир; Роман: Отравленный пояс; Роман: Туманная земля; Рассказы: Когда земля вскрикнула; Дезинтегратор Немора.

Каттнер Г. Ночная битва: Сб. /Пер. И.Невструев; В.Волков, Н.Гузников. — Н.Новгород: НПП «Параллель», 1993. - 509 с. — (Гелиос. Мир фантастики).

Содерж.: Роман: Ночная битва; Повесть: Одержимость; Рассказы: Недреманное око; Лунный Голливуд; Залог; Призрак; День, которого нет; Лечение; Тень на стене; Наш демон-хранитель; Мелкие детали; Небо рушится; Черный ангел; «Хотя держит нос налево»; Рассвет.

Льюис К.С. Племянник чародея /Пер. И.Вихрова. — СПб.: Фирма «Энтар», 1993. - 187 с. — 1-я кн. из цикла сказок «Хроники Нарнии». 50 000 экз.

Малкахи Р. Горец. Романы — Смоленск: Фирма «Русич», 1993. - 528 с. — (Сокровищница боевой фантастики и приключений). 100 000 экз.

Содерж.: Горец; Чужаки; Чернокнижник.

Муркок М. Вечный Герой: Хроника Эрекозе /Пер. И.Тогоева, И.Данилов. — СПб.: Северо-Запад, 1993. - 416 с. 50 000 экз. Содерж.: Романы: Вечный Герой; Феникс в Обсидиановой стране.

Фармер Ф.Х. Темный замысел: Сага о Мире Реки: Роман /Авт. послесл. А.Чертков. — М.: Росич, Джокер; Саратов: Троль; СПб.: Ювента, 1993. - 524 с. — (Меч и посох: Коллекция фантастической эпопеи. Т. 12). — В прил. Последний дар времени. 50 000 экз.

Хайнлайн Р. Звездный зверь: Романы. — М.: Торг. — изд. об-ние «Центрполиграф», 1993. - 593 с. — (Серия «Осирис»; Вып. 29). 50 000 экз.

Содерж.: Астронавт Джоунс; Звездный зверь; Туннель в небе.

Шекли Р. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. — М.: Фабула, 1993. 448 с. — (Мастера амер. фантастики). 50 000 экз.

Содерж.: Сб. рассказов: Лавка бесконечности: Премия за риск; Четыре стихии; Триптих; Человекоминимум; Если красный убийца; Лавка миров; Пушка, которая не бабахает; Три смерти Бена Бакстера; Сб. рассказов: Фантазия без границ; Рыцарь в серой фланели; Пиявка; Поднимается ветер; Похмелье; Проблема туземцев; Регулярность кормления; Второй рай; Раздвоение личности; Зацепка; Вторжение на рассвете; Язык любви; Роман: Корпорация «Бессмертие»; Рассказ: Носитель инфекции.

Ошибки, замеченные в библиографии 1993 года

1. В сплошной нумерации есть отдельные повторы и пробелы.
2. В записях №№ 44 (№ 1) и 94 (№ 2) описана одна и та же книга.
3. В записи № 52 (№ 1) неверно указана фамилия переводчика. Вместо Грай Г. должно быть Грэй Г.
4. В записи № 66 (№ 1) в содержании пропущено название романа «Звездный король».
5. В записи № 129 (№ 2) вместо названия — «За Зелеными воротами»

должно быть — «За Земными вратами».

6. В записи № 174 (№ 2) неверное указание на то, что издательство использовало форму фамилии автора Мейерс.

7. В записи № 181 (№ 2) верный тираж — 50 000 экз.

8. В записи № 194 (№ 2) в содержании читай: Романы: Вечный Герой; Феникс в Обсидиановой стране.

9. В записи № 195 (№ 2) в содержании вместо названия «Хозяева хрустальной ямы» должно быть «Хозяева ямы».

10. В записи № 197 (№ 2) в содержании пропущено название «Меч зари».

11. В записи № 213 (№ 3) правильное название — «Поиск во времени».

12. В записи № 231 (№ 3) неверно указано название издательства — Оверлайд.

13. В записи № 263 (№ 3) в содержании пропущено название — «В глубинах пространства».

14. В записи № 305 (№ 4) неполно дано содержание: Сборник: Революция в 2100 году; Повесть: Если это будет продолжаться; Повесть: Ковентри; Повесть: Неудачник; Повесть: Повесть о ненаписанных повестях; Роман: Дети Мафусаила; Роман: Пасынки Вселенной.

15. В записи № 337 (№ 4) неточно дано название произведения — «Эления. Алмазный трон».

Голоса пространства

Дорогие читатели «Сверхновой»!

Мы с нетерпением ждали ваших первых писем, и вот они пришли. Приятно было узнать, что наша «Сверхновая» донесла свой свет до самых разных городов России. Рады мы и тому, что в целом журнал вам понравился. Мы, несомненно, постараемся учесть и ваши критические замечания, касающиеся содержания и оформления, чтобы вам было еще интереснее нас выписывать и читать.

Первым нам написал Павел Анатольевич Калашников из Саратовской области — ему больше всего понравился африканский рассказ Майка Резника и «А теперь послушайте новости...» Т.Стерджена, а из второго номера — рассказы А.Стила, М.МакХью и Р.Олдриджа. Эти произведения понравились и другим написавшим нам читателям, в частности, Андрей Головатенко из Екатеринбурга даже назвал их «настоящими шедеврами, безудержно оригинальными для „совчитателя“».

Александр Николаевич Эрлих из Томской области хотел бы видеть на наших страницах новые жанры фантастики. Надеемся, что таковым уже стала альтернативная история, которой мы посвятили четвертый номер 1994 года.

Многие написавшие нам читатели хотели бы видеть больше иллюстраций в наших номерах, цветную вкладку с произведениями художников фантастов, конкурс фантастической живописи. Мы постараемся, чтобы в новом году облик нашего журнала был более разнообразным. Мы не можем согласиться с Юрием Аркадьевичем Долотовым из Протвино Московской области, что «круг умеющих рисовать слишком мал, чтобы что-нибудь получилось толковое». Редакция

ищет контактов с художниками, которых фантастика увлекает и вдохновляет, ждем, чтобы они откликнулись. К сожалению, цветные иллюстрации в нашем журнале пока что вынудили бы вас, гораздо дороже платить за каждый номер «Сверхновой», чего мы стараемся избежать.

В письме А.Ю.Бисярина из Челябинской области оказалась не только анкета, но ряд интересных предложений по содержанию нашего библиографического раздела. Наши библиографы благодарят читателя за внимание к их работе и изучают его предложения.

Читатели высказали много интересных идей о конкурсах — лучшего рассказа и лучшего перевода, компьютерных игр и фантастической музыки, лучшей рецензии и лучшего фэнзина (самодельного фантастического журнала). Мы ждем дальнейших предложений и еще просим издателей фэнзинов из разных городов России и СНГ прислать нам по экземпляру ваших выпусков. Издательской деятельности фэндома будут посвящены обзоры в рубрике «Голоса пространства».

Что же касается многочисленных просьб больше публиковать известных американских авторов, в частности лауреатов «Хьюго», то можем сказать следующее. Во-первых, многие отмеченные премиями произведения за последние годы опубликованы на русском языке как в периодике, так и отдельными книгам (начаты даже две специальные серии «Лауреаты премии Хьюго» — в Риге и в Москве). Нам не хотелось бы повторяться. А во-вторых, как явствует из нашего названия, мы публикуем для вас именно **сверхновую** фантастику, то есть то, что читают американцы в девяностых годах. Естественно, что за двадцать-тридцать лет (а именно такой временной разрыв получился из-за Конвенции об авторских правах 1973 года), жанр претерпел различные изменения, появилось целое поколение англоязычных фантастов, уже сделавших себе имя на родине, но почти неизвестных русскому читателю. Вот с ними-то мы и стараемся вас познакомить. Хотя, конечно, — и тому доказательством наш пятый номер прошлого года — классикам жанра мы всегда рады на наших страницах.

А что касается конкурсов для русских авторов и переводчиков, то они с самого начала входили в наши планы. Уже в шестом номере этого года вы познакомитесь с результатами первого конкурса — фэнтэзи на русском материале (условия которого напечатаны в первых номерах 1994 года). Мы благодарим всех авторов, уже приславших свои произведения на конкурс и сообщаем, что срок присылки рассказов продлен до 31 марта 1995 года.

Так что спасибо всем, кто уже написал нам, и пишите нам еще. Мы очень нуждаемся в такой «обратной связи» с нашими читателями. К сожалению, производственный график выхода в свет очередных номеров приводит к тому, что обзоры писем будут появляться с некоторым опозданием (сейчас, в конце ноября, мы освещаем отклики на июльский и августовский номера, а вы прочтете этот материал только в конце января). Но пусть вас это не смущает. Пишите!

Хроника

В начале декабря 1994 года в Москве, на факультете журналистики Московского университета прошла традиционная конференция американистов. Ее тема на этот раз — «Американская литература в

мировом контексте». В этом году она стала также и первой конференцией основанной недавно Ассоциации по изучению культуры США при Отделении литературы и языка Российской Академии наук.

Несколько докладов были посвящены исследованию американской фантастики: прозе и поэзии Р.Брэдбери (М.Киселева из Нижнего Новгорода и Ю.Серенков из Новокузнецка), роли фантастики в глобализации культуры (Г.Липин из Днепропетровска), феминистскому фантастическому «роману выживания» (Л.Михайлова из Москвы). В рамках круглого стола «Глобализация культуры и американская литература» был зачитан доклад австрийской исследовательницы Элизабет Краус «Обещания киберпанка: новая утопия киберпространства», с которым читатели «Сверхновой» смогут скоро познакомиться в специализированном номере, посвященном киберпанку.

Мы рады сообщить нашим читателям, что Кристин Кэтрин Раш — редактор «Magazine of Fantasy and Science Fiction», нашего материнского издания — удостоена в 1994 году престижной писательской премии «Хьюго» как лучший редактор года за высокое литературное качество журнала. В минувшем году вы уже смогли познакомиться с ее собственным творчеством — рассказами «Святые грешники» (№ 1) и «Наилучшие пожелания» (№ 3). Надеемся, что вы сможете оценить и ее умение привлекать в журнал новых оригинальных авторов, чьи произведения обязательно появятся на страницах «Сверхновой американской фантастики».